

СМЕНА

2006

МАЙ • 5

36 Не изменяй мужу своему!..

122 Жить надоело — худей!

134 Большой Плутон и маленький человек...

**Каспар Давид
Фридрих
стр. 12—25**

Основан в январе 1924 года

2006 • МАЙ (1699)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Набор, верстка и оформление

ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ФГУП «Смоленский

полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.03.2006.

Подписано к печати 18.04.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 13194

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Per. № 014832

5

МАЙ • 2006

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
Кентербери 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Софья Пискун
Каспар Давид Фридрих 12

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
Подвиг «Аскольда» 26

ДЕТЕКТИВ

Андре Лей
У моей смерти — голубые глаза 36

РАССКАЗ

Владимир Бочаров
Авиатор 109

КРИМИНАЛ

Анастасия Климская
Волшебный эликсир смерти 122

РАНДЕВУ

Елена Феофанова
Мария Куликова. Живу с ощущением полета! 129

Елена Воробьева
Ступеньки, ведущие вверх 152

ТЕХНОКРАТ

Максим Севрюков-Кистерев
Планета сюрпризов 134

СТОП-ТУР

Татьяна Полева
И струи пенные искрятся... 144

НЕФОРМАТ

Анатолий Пимонов
Тибетский излом 156

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир
Где же наши бренды? 165

НОВОСТИ ЕВРОПЫ

Денис Логинов
Молекула бельгийской гордости 171

СПОРТ

Антонина Буданова
Магия мишени 175

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко
Как я работала в кофейне 186

О РАЗНОМ

Максут Хундамов
Музыканты в погонах 139

Полина Теслер
А за окошком месяц май 162

Максим Башкеев
Сокровища под ногами 180

КРОССВОРД 188

ЭРУДИТ 190

РЕКЛАМА 192

Андрей Ивахненко. **Десять миллионов по шкале Бофорта**

Бывший уполномоченный уголовного розыска Ланин Иван Петрович возглавляет частное сыскное бюро «Надежда». К нему в контору приходит молодая женщина с просьбой отыскать ее исчезнувшего друга: он должен был прилететь к ней, но так и не появился. Начинаются поиски, и постепенно в водоворот событий включается все больше и больше людей. Но лихо закрученный сюжет заканчивается весьма неожиданно...

АНОНС: июнь 2006

Кентерберри

Игорь Опарин

На юге Англии, недалеко от Дувра, есть небольшой городок — Кентерберри, который прославился благодаря своему собору — знаменитому Кентерберийскому собору святого Фомы — и замечательным «Кентерберийским рассказам» классика английской литературы Джеффри Чосера.

Сейчас это — тихое провинциальное местечко, каких в Англии много, а в средние века сюда устремлялись паломники со всей Европы — пешком, порой босиком, стерев ноги в кровь, они шли и шли к собору, дабы преклонить колени перед его святынями. А среди этих святынь были настоящие сокровища: мощи святых Алфреджа, Ансельма и Дунстана, три головы и одиннадцать рук других святых, большая щепка от креста, на котором был распят Христос, один шип Его тернового венца, шерсть, кото-

рую пряла Мария, ножка от колыбели Иисуса-младенца, посох Аро-на и комок глины — той самой, из которого Бог сотворил Адама. Всех этих реликвий уже вполне достаточно, чтобы подвигнуть праведного христианина на паломничество, но не они столь неудержимо влекли пилигримов в Кентербери. Главной святыней собора считались мощи святого Фомы, Томаса Беккета, архиепископа Кентерберийского, принявшего мученическую смерть в его стенах.

Эта трагическая история происходила во времена Генриха II, правившего в Англии с 1154 по 1189 год. А начиналось все так.

Один лондонский купец по имени Гилберт Беккет решил отправиться в Святую землю — поклониться гробу Господню и таким образом замолить уже накопившиеся в его жизни прегрешения. Не успел он оглянуться, как попал вместе со своим слугой Ричардом в плен к одному из богатых сарацинов. Сарацин оказался вполне достойным человеком и проникся уважением к англичанину, а дочь его вообще влюбилась в отцовского пленника — видно, мистер Беккет обладал обаянием, против которого не могли устоять ни мужчины, ни женщины. Несмотря на любовь сарацинки, жизнь в плену Беккета не устраивала, и он сбежал, прихватив с собой отнюдь не прекрасную мусульманку, а слугу Ричарда. Добравшись до Англии, мистер Беккет быстро позабыл и сарацинского богача, и его дочь. Однако та не смогла справиться со своим чувством, которое оказалось на редкость глубоким и сильным. Зная лишь два английских слова «Лондон» и «Гилберт» — научилась у своего возлюбленного — она сбежала из родительского дома, с приключениями добралась до британской

столицы и принялась ходить по городу, по узким и грязным лондонским улицам в своем причудливом сарацинском одеянии, прекрасная и несчастная, выкрикивая «Гилберт! Гилберт!» И вот однажды Ричард встретил девушку и привел к хозяйну. Тронутый силой ее любви, Гилберт Беккет не стал тянуть со свадьбой. Вскоре у счастливой пары родился сын, и назвали его Томас. Он-то и стал святым Фомой.

Томас Беккет — умный, прекрасно образованный и отважный — участвовал в разных сражениях, проявив себя блестящим воином. Король быстро заметил Беккета, взял его на службу во дворец и даже доверил воспитание своего сына Генриха. Доверял он Беккету и сложные дипломатические дела, и когда Беккет прибыл в качестве посланника английского короля во Францию, парижане в восторге взирали на блестящего гостя — его свита выглядела великолепно, сам он был разодет в бархат и шелка, а на его костюме поблескивали на солнце бриллианты.

Но Томас Беккет оказался человеком непростым. Честолюбие — вот что двигало им в огромной сте-

пени, а также гордыня и жажда власти. У него уже было огромное богатство, влияние при дворе — он стал фаворитом, и король не принимал ни одного важного решения без участия Беккета. Казалось бы, чего ему еще желать? Только стать выше короля...

А короля в то время мучило состояние английского духовенства. Святые отцы запятнали себя множеством преступлений — убийства, грабежи, бродяжничество, распутство... Монахи подавали ужасный пример народу. И король подумывал, что надо как-то призвать их к порядку. Поставить во главе английской Церкви своего, преданного королю человека, который сможет усмирить всю эту армию святых отцов и подчинить их королевской

власти. И тут представился удобный случай — скончался архиепископ Кентерберийский. Король решил назначить на этот пост своего любимца Томаса Беккета. Придворные принялись отговаривать Генриха — дескать, Томас — мот, жизнелюб, вояка, щеголь, ну, какой из него священник! Но король стоял на своем. Так Томас Беккет стал архиепископом Кентерберийским, главой английской церкви.

И тут он понял, что, наконец, сможет встать если не выше, то вровень с королем!

Теперь от имени Церкви и Бога он имел право не соглашаться с Генрихом, более того, даже противоречить ему! Беккет решил, что настал его звездный час.

Но для этого нужно отказаться от всех мирских радостей, стать немножко святым. И Томас распрощался со своей великолепной свитой, с роскошными одеяниями и драгоценностями, отказался от яств и вин, и, поселившись в тесной келье, перешел на хлеб и воду, надел на себя грязную, кишаскую вшами дерюгу — святые подвижники в те далекие времена были страшно нечистоплотны — научился бичевать себе спину и каждое утро мыть ноги тринадцати беднякам. Люди поразились столь резкой перемене и говорили только об архиепископе. Он затмил собой даже короля. Генрих разозлился и просто пришел в ярость, когда Беккет потребовал, чтобы Церкви вернули ее земли, в частности, Рочестерский замок вместе с городом Рочестером, и сказал, что отныне только он может назначать священников в приходы его архиепископства.

Отношения короля и Беккета портились все больше и достигли крайней точки, когда Беккет отказался отдавать преступивших закон служителей Церкви в руки

светских властей. Строптивый священник даже вынужден был уехать из страны — тайно, под именем отца Любима, продвигаясь вперед под покровом темноты, он бежал во Фландрию.

А между тем разгневанный король наложил руку на доходы церкви и изгнал из страны всех беккетовских родственников и приспешников, что вызвало естественную реакцию Беккета. И, найдя покровительство при французском дворе, он поехал в Рим и принялся там восстанавливать папу против Генриха. Наконец между королем и строптивцем было достигнуто некоторое перемирие — они встретились во Франции и договорились, что Беккет по-прежнему будет руководить архиепископством, а король не будет залезать в его доходы. Семь лет провел Беккет в изгнании. Его возвращение народ встретил с восторгом — людям казалось, что он — их истинный заступник. Только вот дворянство его не поддержало. И Беккету оставалось одно — он просто лез из кожи, стараясь угодить простым людям, своей пастве: устраивал бесплатные обеды для бедняков и нищих, раздавал милостыню, а во время проповедей объявил, что вернулся на родину умереть среди своего народа, и готов к тому, что враги его, Беккета, скоро убьют. И тут же предал трех своих самых ярых ненавистников анафеме.

Носить на себе проклятие, анафему — дело довольно неприятное. И троица обиженных тут же пожаловалась королю. Тот был взбешен — когда же этот ненормальный уgomонится? И тогда епископ Йоркский сказал: «Не знать вам покоя, государь, пока Томас Беккет жив». В ответ неосторожный король воскликнул: «Неужели никто не избавит меня от этого человека?!» Эти слова услышали четверо преданных королю рыцарей — Реджинальд Фицурс, Гуго де Морвиль, Уильям Траси и Ричард Бритон. Трое из них хорошо знали Беккета — когда-то они входили в его свиту.

И вот, в тайне от всех, они пустились в путь — в Кентерберии. Об их приближении Беккету доложили, но он не испугался и не закрыл двери собора. Бесстрашно, с чувством собственного достоинства встретил он их в священных стенах. Рыцари поначалу не хотели его убивать — они потребовали, чтобы он снял анафему с проклятых и перестал оскорблять короля. Тогда Беккет дерзко бросил им, что власть духовная выше власти королевской, и не пристало им, ничтожным, уг-

рожать и диктовать свою волю архиепископу. С Беккетом оставался лишь его слуга Эдвард Грим, носивший перед ним распятие. Рыцари снова предложили непокорному строптивцу уgomониться, уехать из страны, но он отказался и грязно обругал рыцарей. И тогда, обозлившись, Фицурс крикнул: «Ну так умри!», обрушил на него свой меч. Но удар принял верный Грим, и священник остался жив. Кто-то из рыцарей снова призвал Беккета уехать из Англии, и тот снова отказался и стоял неподвижно, не сопротивляясь, полностью доверив свою судьбу Господу. Тогда рыцари, потеряв самообладание, зверски зарубили архиепископа прямо у алтаря святого Бенедиктина. Кровь Томаса Беккета, архиепископа Кентерберийского, забрызгала пол и стены его собора. А рыцари, потрясенные совершенным злодеянием, скакали, как бешеные, погоняя лошадей — прочь от храма, прочь от этого мертвого тела... Судьба их была безрадостной — папа проклял убийц, и они влачили жалкое существование изгоев, пока не отравились замаливать грехи в Ие-

русалим, где и дождались конца дней своих.

Весть о мученической смерти Томаса Беккета, архиепископа Кентерберийского, быстро разнеслась по всему христианскому миру. Беккет всячески отрекся от этого преступления и все-таки сумел выкрутиться. В 1173 году папа Александр II канонизировал Беккета как святого, а люди стали собирать все, что имело отношение к нему — теперь это были святыни. Современники рассказывали, как его почитатели приходили в собор, когда там еще лежало тело Беккета, и собирали в бутылки кровь архиепископа, отрывали куски от его ряссы и обагрjali их кровью, а монахи тщательно собирали тряпками кровь убитого и переливали ее в сосуды, дабы хранить в соборе вместе с обломками мечей, которыми его зарубили.

В те же дни начались чудеса — один кентербериец приложил к телу парализованной жены тряпку, пропитанную кровью Беккета, и больная тут же исцелилась. А потом люди заговорили и о других таких же чудесных исцелениях. В Кентербери потянулись паломники — больные и здоровые, все жаждали чуда, которое их непременно там ждало. А для фиксирования чудес было выделено даже двое монахов, которые аккуратно вели записи в специальной книге. Кентербери стало знаменитым местом, местом паломничества. А тем, кто не мог отправиться в дальний путь, привозили «Кентерберийскую воду» — воду, в которой были растворены капли крови святого Томаса. Правда, с ростом спроса, концентрация чудесного кровяного раствора становилась все меньше.

В соборе за главным алтарем была построена отдельная капелла, туда и перенесли мощи свято-

го. Подойдя к гробнице, паломники, босые или на коленях, обходили вокруг святыни, при этом местные монахи их бичевали — получая за сию услугу отдельную плату и некоторую удовольствие.

Гробницу святого Фомы богато украсили золотом и драгоценными камнями, среди которых блистали алмазы, изумруды и сапфиры. Но ничто не могло затмить сияние огромного рубина величиной с абрикос, преподнесенного собору королем Франции.

Постепенно собор богател — среди паломников были не только бедняки, но и весьма богатые вельможи, которые несли в Кентербери дорогие дары.

Люди шли сюда со всех концов Европы, невзирая на то, что в пути их ждали грабители и разбойники, болезни и голод. Всех их влекла в путь сладкая надежда на то, что у гробницы святого Фомы — так стали называть Томаса Беккета — они найдут успокоение души, прощение грехов и здоровье духа и тела.

А в конце XIV века вся Англия зачитывалась «Кентерберийскими рассказами» Джефффри Чосера, кни-

гой смешной и горькой, посвященной Кентербери, его знаменитому собору и его паломникам.

Кем же он был, этот Чосер, сумевший написать замечательные истории и для бедняков, и для аристократов, и для своих современников, и для потомков?

Джеффри Чосер родился где-то около 1340 года — точная дата не известна, в семье лондонского виноторговца. На долю писателя выпало множество самых разных, и порой опасных приключений. Молодым юношей он стал солдатом, воевал во Франции, попал в плен, но, к счастью, был выкуплен. Оказавшись при дворе, он познакомился с очаровательной фрейлиной королевы Филиппой де Роэт, влюбился в девушку и женился на ней. Они прожили счастливо до самой смерти Филиппы. Чосеру, служившему Англии верой и правдой, пришлось занимать самые разные должности. Не раз ему поручались тонкие дипломатические миссии, он бывал во Франции, Генуе и Флоренции (где мог познакомиться с Боккаччо и Петраркой). В 1374 году получил место ревизора таможи лондонского порта. Последняя его должность — помощник лесничего Королевского леса в Сомерсете. На протяжении всей своей карьеры Чосер сочинял разные истории и стихи, в которых выплескивался его огромный опыт — встречи с самыми разными людьми, которые ему попадались на жизненном пути, и ситуации, в которых доводилось оказываться, а уж наблюдательности, иронии и юмора, да и простой житейской мудрости, ему было не занимать. Вот и паломников он встретил немало, а, говорят, после смерти жены Чосер сам стал пилигримом и побывал в Кентербери, в соборе Святого Фомы. «Кентерберийские рассказы», этот удивитель-

ный сборник забавных, грустных и тонких историй, сразу завоевал любовь англичан.

Двадцать девять паломников встречаются в лондонском трактире «Табард». Среди них — представители всех сословий, тут и миряне, и духовенство. Все они собираются в Кентербери, к святому Фоме. Хозяин трактира предлагает им сократить путь с помощью рассказов: каждому требуется рассказать четыре истории — две по пути в Кентербери, и две — по дороге обратно, при этом лучшему рассказчику обещан бесплатный ужин.

И вот перед читателем разворачивается целая панорама жизни тогдашней Англии...

Тут и любовные страсти благородных господ, и соращения невинных девушек бравыми рыцарями, и наполненные грубоватым юмором истории о похождениях симпатичных простолоудинов, а также истории о бессовестности и жажде наживы беспринципных купцов, о мошенничестве и продажности лицемерных святош, которые, несмотря на свой почтенный сан, не отказывают себе ни в каких радостях бытия и бесчестно обирают паству...

Чосер не успел закончить работу над книгой — он умер в 1400 году, написав лишь двадцать четыре рассказа, но эти рассказы навсегда остались в истории не только английской, но мировой литературы, навечно вписав Кентербери в летопись европейской культуры.

Во времена правления Генриха VIII всю страну захлестнула волна Реформации. Король, пожелав жениться на Анне Болейн, потребовал от тогдашнего архиепископа Кентерберийского признать его брак с Екатериной Арагонской недействительным. Парламент поддержал короля, однако архиепископ отказался, и король решил порвать с Ватиканом

и папой, объявив себя главой новой английской церкви — англиканской. В Англии закрыли и разграбили все католические монастыри — все конфисковали в пользу королевской, а значит, государственной, казны. Не избежал этой печальной участи и собор в Кентерберии. А уж поживиться там было чем! Убранство Беккетовой гробницы сложили в два огромных сундука, которые сумели поднять семь здоровых мужчин — столько там было ценностей! А чтобы увезти в Лондон все сокровища собора, потребовалось 26 телег! Знаменитый рубин тоже не забыли — его вставил в свой перстень Генрих VIII — король Англии и глава новой церкви Британии.

В наши дни от былой славы Кентерберии остались лишь надпись на стене — рядом с местом, где был зарезан Томас Беккет, мозаика на полу, где стояла его гробница, да отполированные ногами па-

ломников до зеркального блеска ступени, ведущие в его капеллу. Но, конечно же, сам собор — великолепен — выстроенный в XII веке готический храм, с каменным кружевом, витражами, шпилями, устремленными в небо, не может не произвести впечатление.

А еще в Кентерберии есть музей Чосера, музей восковых фигур — здесь словно оживают его персонажи, они будто вновь и вновь рассказывают туристам о своих приключениях, случившихся в старой доброй Англии, где любили провести вечерок в трактире и за кружкой эля поговорить о том, что тревожило или забавляло, радовало или оскорбляло. И как это ни странно, современные посетители Кентерберии, из какой бы страны они ни приехали, не чувствуют себя среди героев Джеффри Чосера чужими — ведь меняются только внешние обстоятельства жизни, а суть ее остается прежней... □

Каспар Давид Фридрих

Его искусство стало значительным явлением в эпоху романтизма. Он был наследником эстетических идей ранних немецких романтиков, таких, как Гердер, Шиллер, Гёте, Тик, братьев Гримм и многих других. Особенно ему были близки идеи художника-романтика Филиппа Отто Рунге, который считал главной задачей живописи: через природу изображать духовную жизнь, смысл которой — «взаимоотношения души и Бога». Сам Фридрих по этому поводу писал: «В любой песчинке можно увидеть Божественное, и в природе нет ничего, что могло бы стать недостойным изображения и что не

могло бы содействовать возвышению Бога».

Родился Фридрих 5 сентября 1774 года в небольшом городке Грейфсвальд, Померания, в семье мыловара и мастера литейного дела Адольфа Готлиба Фридриха и его супруги Софии Доротеи. Детство его было омрачено трагичными событиями, едва ему исполнилось 5 лет, как умирает мать, через некоторое время умирают брат и две сестры.

*Вид гавани.
Ок. 1815—1818*

Каспар оказался очень впечатлительным и романтичным ребёнком, всё, что он видел, непременно хотелось запечатлеть на бумаге. В 16 лет он поступает учиться к профессору по рисунку Иоганну Готфриду Квисторпу, а в 20 лет — в Академию художеств в Копенгагене, где обучается до 1798 года у профессора Николая Абрахама Абильтора, основателя датского классицизма, учениками которого были известные мастера: скульпторы Бертель Торвальдсен и Иоганн Сергель, художники Асмус Карстенс и Филипп Рунге...

Молодому Фридриху Абильтор привил умение работать с натуры, передавать экспрессию в рисунке, ценить воображение. Учас в Академии, Каспар использовал разную технику — это и рисунки карандашом, пером и чернилами, сепией и акварелью, поэтому его работы получались разнообразными. Среди них много портретов: портрет отца, старшей сестры художника Катарини и другие. Катарина была замужем за пастором Августом Шпонхольцем и проживала со своим семейством в маленьком живописном городке Нойбраденбурге, куда Фридрих часто приезжал. Позднее он с любовью запечатлеет его окрестности в своих произведениях.

Каспар любил изображать свои модели в профиль, но иногда, подобно художнику Филиппу Рунге, — в резком повороте к зрителю, так, например, портрет матери (вероятно, писал по воображению), или младшего брата Кристиана, который стал известным гравёром в Грейфсвальде и переводил его рисунки в гравюру.

Садовая беседка.
Ок. 1818

В 1798 году Фридрих приезжает в Дрезден, в то время представлявший собой центр расцвета романтизма. Благодаря художнику Рунге, его приятелю, он попадает в среду поэтов немецкого романтизма. В Дрездене он пишет несколько автопортретов, весьма разнообразных, в них — то сарказм, то любование своей внешностью, или просто скупающее выражение лица. Вообще, в портретах или автопортретах художник всегда стремился найти наиболее характерные черты той или иной личности. Работы на религиозные мотивы у Фридриха появляются ещё в раннем творчестве, но потом они приобретают какой-то мистический характер. Так, рисунок пером и чернилами под названием «Статуя Мадонны в горах» и сепия «Паломники при восходе солнца» несут в себе элементы мистики. И действительно, скульптурное изображение Мадонны на фоне вершины скалы, крест на могиле и религиозная процессия, встречающая восход солнца, создают впечатление таинственности и величественности. Надо сказать, что поклонение образу Мадонны у Фридриха, как и у многих художников-романтиков, возникло под влиянием произведений Вильгельма Вакенродера, поклонника искусства великого Рафаэля.

Романтическое восприятие мира у молодого Фридриха особенно проявляется в сепиях, где он использует мотив открытого окна, который заимствовал, как и другие художники-романтики, у мастеров XVII—XVIII веков. Он часто рисовал в своих сепиях вид из окна комнаты на речной пейзаж. Интерьер комнаты и люди, находящиеся в ней, подчёркивали как бы частицу огромного космического пространства природы.

Любовь к пейзажам у Фридриха проявилась впервые после поездки

*Большой курган в снегу.
Ок. 1807*

на Балтийское море, на остров Рюген, который он назвал «землёй души», и приезжал сюда на протяжении всей своей жизни. Фридрих поселился в местечке Аркон и буквально был покорён величием и красотой пейзажа. Вдохновенно и с особой любовью он рисовал морское побережье с фигурками рыбаков, море при разном освещении, то при солнечном, то при таинственном свете луны.

Его первые живописные полотна, написанные маслом, появляются уже в зрелом возрасте. В 1807 году Фридрих пишет картины «Лето» и «Большой курган в снегу», которые принесли ему не только успех, но и известность. В 1808 году Фридрих впервые получает заказ от графа Франца Антона фон Тун-Хохштей-

на исполнить композицию на тему распятия для алтаря капеллы в его замке Тетчен. Эта тема была характерна для старых немецких мастеров, но у Фридриха она обрела новое звучание. Изображая распятие, расположенное на вершине холма, окружённого густыми елями, Фридрих подчеркнул Божественную сущность природы, тем самым показав своё религиозное отношение к миру. В поисках новых символов Фридрих впервые сделал пейзаж для церкви, что вызвало полемику между сторонниками классического направления и романтико-религиозного понятия. Эта картина стала одной из самых известных его произведений.

В 1809 году он побывал на своей родине в Грейфсвальде, а затем из-

*Распятие в горах (Тетченский алтарь).
1808—1809*

*Крест в лесу.
Ок. 1812*

*Собор.
Ок. 1818*

Утро.
Ок. 1820—1821

за печального события, смерти отца, уехал в Нойбрандербург. В 1810 году Фридрих становится членом Берлинской Академии художеств и в том же году отправляется в путешествие вместе со своим другом-живописцем Георгом Керстингом по Ризенгебирге (Исполиновы горы). Он делает там много зарисовок, которые потом легли в основу его многих произведений, пишет огромное полотно «Утро в Ризенгебирге», где продолжает тему Тетченского алтаря, изображая распятие на вершине горы, возвышающейся над другими заснеженными вершинами. Рядом с распятием он изобразил две фигурки — девушку в светлом платье и юношу, сопоставляя мир человеческих чувств с величественным образом природы.

Прусский двор, в том же 1810 году, приобретает его работы, в

числе которых «Монах на берегу моря» и «Аббатство в Эйхвальде». В последней изображены кривые старые дубы с обрубленными верхушками и ветвями рядом с руинами готического аббатства. Сюжет говорит о бренности всего земного, о вечном движении человека и природы, в нем опять звучат философские мотивы. Картины были признаны некоторыми поэтами-романтиками характерными и даже программными для всей школы романтического пейзажа. В ещё одном произведении, написанном в эти годы, «Пейзаж с радугой» уже ощущается более радостное восприятие мира, тёмные тона противопоставляются светлым сияющим краскам погожего летнего дня.

В последующие годы Фридрих по-прежнему продолжает писать картины, отражающие воспомина-

ния об уходящей античной классике. Это «Терраса парка, навеянная романтикой». В картине изображена сидящая девушка с книгой, а далее — античная скульптура и горы, окутанные дымкой. Другая — «Воспоминание о И.Э. Бремере» по композиции близка к предыдущей. На переднем плане — терраса сада, увитая зеленью (возможно, сад в доме Бремера), за изгородью — тополя, напоминающие кипарисы, а за ними — вид на реку Эльбу с парусными судами и городскими церквями на берегу. В этом саду, в доме Бремера Фридрих, вероятно, не раз бывал. Он был хорошо знаком с Бремером, известным тогда врачом в Берлине, который лечил не только знатных людей, но и бедняков.

В 1815 году после очередного путешествия на остров Рюген Фридрих как всегда испытывает прилив творческих сил, много работает. Он создаёт большое полотно «Крест в Балтийском море», пишет ещё две картины с тем же сюжетом, но эффект освещения в каждой картине передан по-разному. Надо отметить, что он впервые среди художников романтического пейзажа придал огромное значение передаче освещения и был один из самых тонких колористов. Его можно сопоставить в этом плане лишь с английским художником Тёрнером.

В 1818 году сорокачетырёхлетний Каспар женится на Каролине Боммер, от этого брака родились две дочери и сын. В свадебное путешествие молодые отправились вначале на родину художника, в Грейфсвальд, затем — в Штральзунд и, конечно, на любимый остров Рюген.

Первые два года женитьбы он с особым вдохновением и плодотворно занимается творчеством. В 1824 году Фридрих вместе со своей семьёй, наконец, обосновывается на постоянное жительство в Дрездене

и становится профессором пейзажного класса Академии художеств.

В эти годы в его картинах преобладают большие равнинные пейзажи, они — менее романтические и более панорамные. Художник старается в них показать естественное состояние природы, используя при этом световое освещение в разное время дня, тем самым передавая своё эмоциональное состояние.

Творчество Фридриха по-прежнему привлекает внимание прусского двора, его выставки проходят в Гамбурге, в Бремене, картины хорошо раскупаются, он пребывает на вершине славы. Русский поэт В.А. Жуковский, посетивший мастерскую художника, был просто восхищён его творчеством и приобрёл несколько работ.

В пейзажах Фридриха на протяжении всего его творчества присутствуют маленькие фигурки человека, подчёркивающие одиночество и грусть на фоне бесконечной природы. Именно из-за этих заброшенных в бескрайний мир человечков Фридриха считали поэтическим художником. Чтобы написать самые интересные живописные места, он исходил пешком, объездил верхом на лошади почти всю Германию, выбирая самые забытые, самые трудные, недоступные тропы. На его полотнах — горные пейзажи, почти всегда изображены замшелые глыбы, колючие кустарники, равнины же и море, наоборот, вытесняются за пределы рамы небом, и здесь чувствуется бесконечность. Фридрих, как никто из художников, любил изображать дали и стремился увести зрителя от прозы жизни. На одном из рисунков он изобразил себя вечным странником.

*Ущелье в скалах.
Ок. 1822—1823*

*Сова на могиле.
1836—1837*

*Сова в готическом окне.
1830-е*

«Небо, земля, море, животные, добрые и злые люди — всё это служит для нашего упражнения», — говорил Фридрих.

Надо отметить, что к написанию пейзажей Фридрих всегда подходил философски, даже в своём раннем творчестве. В человеке и природе он находил взаимную связь, подчёркивая их несопоставимость по масштабам. Только лишь в одной картине «Каролина Фридрих у окна» художник изобразил не какого-то маленького человечка на фоне огромного пейзажа, а конкретного человека, свою жену.

В своих полотнах он любил изображать и грозные неуправляемые

силы природы. К примеру, картины: «Северное море», «Скалистый риф у морского берега». В этих пейзажах скалистые рифы таят в себе зловещие силы, способные к разрушению парусных судов. В картине «Северное море» Фридрих впервые среди художников романтической эпохи ярко отразил трагический момент разбившегося судна. По накалу страстей картину можно сравнить с музыкой его соотечественника, великого композитора Бетховена.

В старости его пейзажи приобретают ещё более глубокий философский смысл. Картины «Могила в горах» (где изображён старик, стоящий у саркофага) и «Руины монастыря Ойбин» (где изображён мечтательный юноша) представляют разные этапы жизни человека и

*Путник над морем тумана.
Ок. 1818*

Зимний пейзаж с церковью.
1811

разное понимание её смысла и ценности. Продолжая тему жизни и смерти, он пишет «Ворота кладбища», «Кладбище под снегом», причём показывая не ухоженные, а старые заброшенные могилы, подчёркивая уход в небытие и неизбежное забвение, связанное с ним.

Одновременно в произведениях Фридриха в эти же годы появляются пейзажи, где природа предстаёт во всём своём величии и красоте: виды Нойбранденбурга, Эльбы и многие другие. Эти пейзажи, пожалуй, самые романтические из его поздних произведений.

Несмотря на ухудшение здоровья, Фридрих по-прежнему про-

должал вести пейзажный класс в Академии, но работать, как предписывало ему руководство, он не желал. У него были свои взгляды в отношении преподавания: «Многим дано мало, немногим многое. Каждому открывается душа природы по-иному. Поэтому никто не смеет передавать другому свой опыт и свои правила в качестве обязательного безоговорочного закона. Никто не является мерилom для всех. Каждый несёт в себе меру лишь для самого себя или для более или менее родственных себе натур». В искусстве Фридрих ценил прежде всего индивидуальность, был великодушным педагогом. Он воспитал

*Дерево с воронами.
Ок. 1822*

многих художников-пейзажистов и предвосхитил открытие мастеров пленэрной живописи.

В последние годы жизни Фридрих замыкается в самом себе. Наступает одиночество, которое приводит его к мрачной меланхолии. В 1835 году он напишет одну из последних наиболее известных работ «Три возраста жизни». В картине художник изобразил на фоне Балтийского моря фигурки людей, олицетворяющие три возраста жизни, скорее всего, он изобразил себя и свою семью.

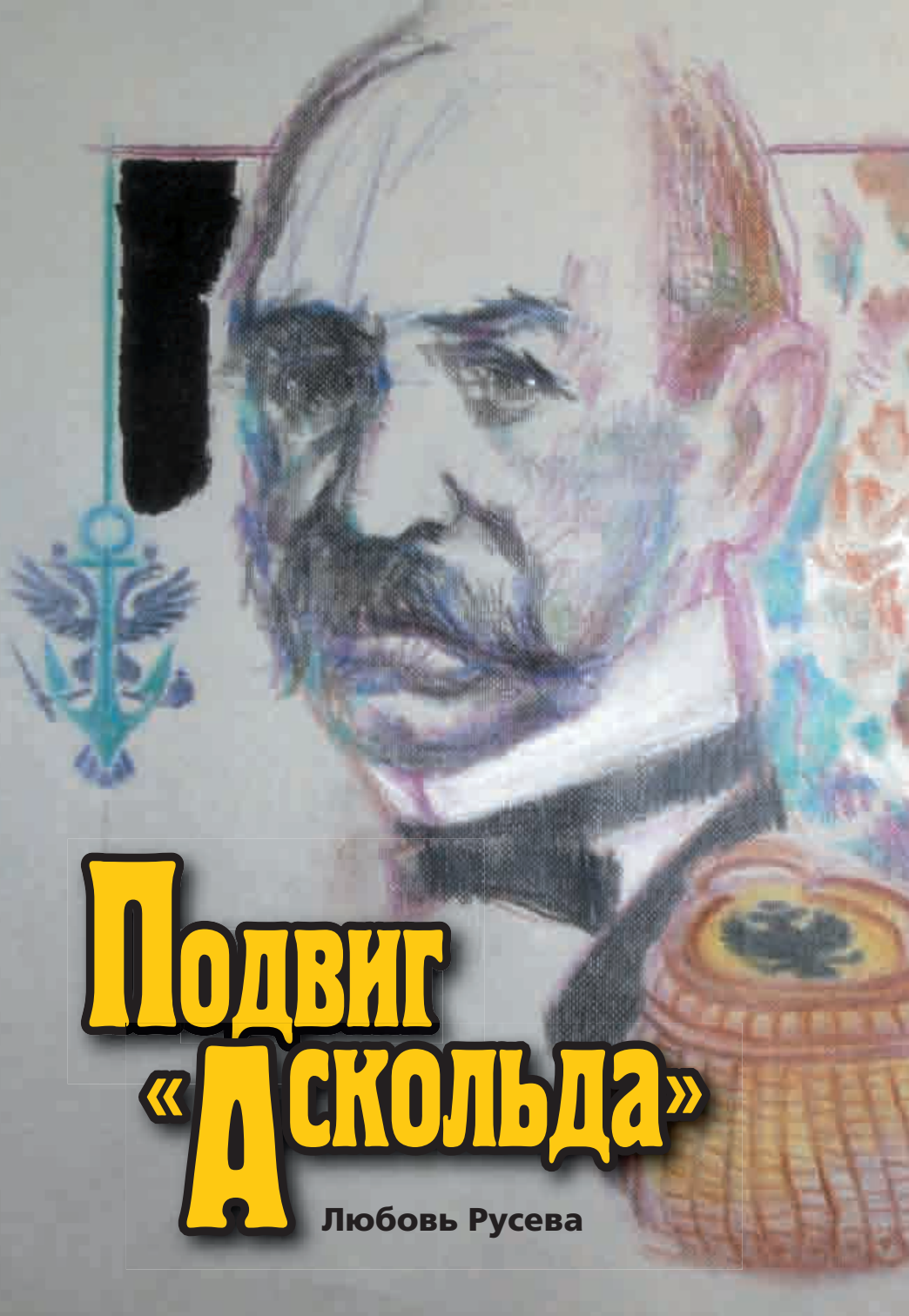
И вновь, как и в других картинах, он показал взаимосвязь человека и природы; бесконечная морская

даль, на смену одной угасающей жизни приходит другая, молодая. Картина прекрасно решена и в колористическом плане — от более тёмного — к манящему светлomu тону.

В том же 1835 году он перенёс инфаркт, после которого создает только рисунки, и то с большим трудом.

Фридрих умер в 1840 году в Дрездене, почти забытый своими современниками, после пяти лет мучительной болезни. Паралич правой руки лишил его возможности писать.

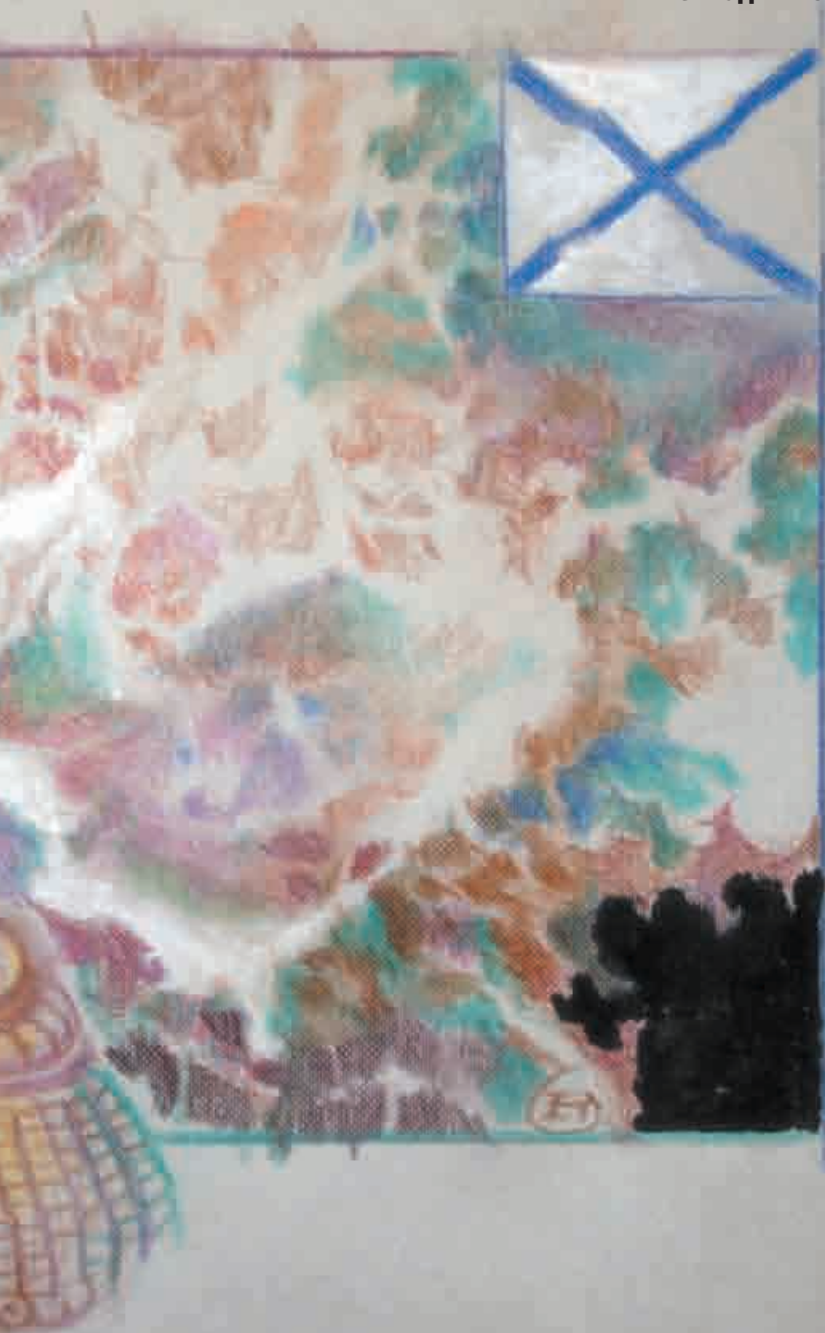
Он был похоронен на кладбище Тринитатис в Дрездене. □

Подвиг «Аскольда»

Любовь Русева

иллюстрация
Геннадия Новожилова

«История исключительных его плаваний на «Орианде», «Энее», «Палладе» и «Аскольде» окружала имя его ореолом лучшего капитана нашего флота».

В.К. Истомин

— Господа, давным-давно, в бытность свою молодым офицером, я посетил остров Мадеру и вывез оттуда две бутылки необыкновенного вина, — начал свою речь американский коммодор, пригласивший к себе на завтрак русских моряков. — Эти бутылки я решил выпить в замечательнейшие дни своей жизни. Одну выпил с друзьями в день пятидесятилетия со дня избрания Вашингтона президентом. Другая бутылка много лет ожидала своего случая. Она и теперь со мною. И вот я нахожу сегодняшний день достойным для того, чтобы распить эту заветную бутылку за здоровье капитана Унковского. Те работы, которые произведены под его руководством, глубоко меня поразили: ничего лучшего в морском отношении я не видел и, конечно, не увижу.

Поражаться было чему. Чего стоило одно появление в Нагасаки фрегата «экстравагантного» вида! А известие, что «Аскольд» пережил недавний ураган¹, казалось просто из области фантастики. Один из первых отечественных винтовых фрегатов «Аскольд» покинул Кронштадт 26 сентября 1857 года, чтобы «через два с половиною года вновь бросить якорь на том же рейде, но уже со славой необыкновенного плавания²». За Унковским же прочно закрепится ореол лучшего капитана флота.

Родился будущий легендарный адмирал в 1822 году в семье морского офицера. Отец его был правой рукой Михаила Петровича Лазарева на корабле «Суворов», совершившего второе в истории российского флота кругосветное плавание.

После окончания морского кадетского корпуса Иван Семенович два года прилежно служил на Балтике. Но прилежно служить — не значит быть настоящим моряком. Отец, чувствуя, что стихия души сына не захватила, попросил Лазарева, который командовал черноморским флотом, взять Ивана под свое крыло. Выдающийся воспитатель нашел ключик к подопечному, и тот успел порадовать наставника.

Хорошо известна его неожиданная для всех победа над яхтами новейшей конструкции «скорлупы» «Орианды» в гонках на императорский приз, ее возвращение из Кронштадта в Николаев в сезон штормов. Известно и об импровизированном учении в Адриатическом море «Энеи», вызвавшее искренний восторг австрийского императора Франца-Иосифа и известного английского адмирала сэра Чарльза Непира. Авторитет мо-

---

¹ По своей невиданной мощи и разрушительным последствиям этот ураган вошел в историю.

² В основу очерка легли воспоминания Владимира Константиновича Истомина, а также архивные документы, предоставленные потомками легендарного адмирала — правнуком Юрием Михайловичем Унковским и внучатым праправнуком Владимиром Игоревичем Унковским.

лodge офицера был столь высок, что его назначили командиром фрегата «Паллада», отправлявшегося в кругосветное плавание, — то самое, которое обессмертил Иван Александрович Гончаров. Основная цель вояжа — заключение торгового трактата с Японией, потому во главе экспедиции был поставлен чрезвычайный посланник — контр-адмирал Путятин.

С самого выхода из Кронштадта и до конца плавания парусник сопровождала штормовая погода. Вскоре выяснилось, что он уже слишком стар для столь дальнего похода. Уже в Портсмуте пришлось задержаться для ремонтных работ. Усложняло дело то, что Ивана Семеновича назначили командиром незадолго до выхода фрегата, потому слаженность действий команды приходилось отрабатывать во время плавания. В Атлантике бури нанесли новые повреждения судну, а Тихий океан и вовсе потрепал их основательно. «Какую энергию, сметливость и присутствие духа обнаружили тут многие!» — восторгался Гончаров.

К бурям ни экипажу, ни командиру не привыкать. По-настоящему же тревожили Унковского начавшиеся столкновения с Путятиным. Посланник позволял себе недопустимое — постоянно вмешивался в дела командира. «Трудно себе представить две таких противоположности, — писал Истомин. — С одной стороны, идеалист, энергичный, до самозабвения преданный делу, живущий нервами Унковской; с другой, добрый в душе, до крайности набожный, склонный к монастырскому уставу, честный, но упрямый и мелочной Путятин. Разница характеров скоро сказалась сначала в глухой, едва заметной борьбе; затем, как это всегда бывает, начали возникать недоразумения...»

На «Палладе» в течение дня не раз звучало молитвенное пение, в каюту адмирала то и дело требовали фрегатного иеромонаха, а в свободное от службы и молитвы время адмирал любил слушать чтение «Жития Святых». Именно за этим занятием и случилась неприятная история, насмешившая команду.

В невыносимую тропическую жару фрегат после бурь месяц простоял в океане из-за наступившего штиля. Нараспашку все порта (окна) кают, и из одного раздается монотонно-усыпительное чтение жития Кирилла Александрийского. Голос гардемарина, ублажавшего адмирала, привлек Яшку. Вряд ли обезьянку заинтересовала история святого, но что еще делать в такой зной? Оказавшись на перилах балкона, окаймляющих каюту адмирала, Яшка огляделся... В океане все то же — ничего, зато уж очень заманчиво шевелит ветерок седые волосы адмирала, чья запрокинутая голова покоилась на подоконнике. Озираясь, проказник осторожно шел к намеченной цели. Прыжок, и он повис на волосах Путятина, дернул пару раз да скрылся. Пронзительный крик и ругательство всполошили команду. Посланник Российской империи выскочил на палубу.

— Свистать всех наверх! Яшку за борт!

Приказы не обсуждаются, они выполняются. Поднявшаяся суматоха развеселила обезьянку. Яшка, знай себе, забавляется, а адмирал рвет и мечет: то награду обещает поймавшему, то грозит всех наказать. Матросы лезут по вантам, вот-вот схватят. Легко перепрыгивая со снасти на снасть, озорник остановится, зубами пощелкает, подождет, пока кто снова протянет за ним руку — и выше... Наконец, выше некуда — на клотике одной из мачт Яшка схвачен. Несчастный матрос, держа всеобщего любимца, подходит к адмиралу.

— Ваше высокопревосходительство, прикажете бросить ее в море?

— А ну ее к черту-с, этакая гадкая! — бросил остывший Ефим Васильевич и, пощипывая усы, вернулся в каюту.

Вспыльчивость Путятин чуть было не положила конец служебной карьере Унковского. Ефим Васильевич, вмешиваясь во внутренний распорядок фрегатской жизни, часто требовал исполнения приказаний, которые шли вразрез с мнением капитана, и не отступал ни перед какими доводами. Редкий день проходил без столкновений. Копившееся обоюдное раздражение вырвалось наружу по ничтожному, казалось бы, поводу.

Ревизором на «Палладе» был известный Унковскому еще с кадетских времен лейтенант, которому он полностью доверял. Путятин же поставил под сомнение безупречную честность офицера. Дрожавший над казенной копеечкой, он считал необходимым контролировать действия ревизора, доказывая, что капитан обязан проверять цены, по которым производились покупки. Иван Семенович подобное унижение честного офицера считал недопустимым. По его мнению, ни один порядочный человек не согласится служить в подобных условиях. Дело касалось уже не личности, а принципа. Коса нашла на камень. Несогласие Унковского усилило упрямство Путятина. Во время стоянки «Паллады» на Манильском рейде офицеры сообщили командиру, что адмирал ранним утром обходил магазины, проверяя цены, по которым ревизор произвел закупки. Это — предел. И объяснение состоялось.

— Ваше высокопревосходительство, я решился оставить «Палладу» и прошу вас отпустить меня в Петропавловск с отходящей завтра шхуною. После происшедшей сцены на шканцах военного судна — это единственный возможный выход.

— Этого нельзя-с, — пощипывая усы, ответил Путятин, — я не могу лишить русское судно подобного капитана в то время, когда Россия накануне военных действий. А если вы так оскорблены мною, что желаете восстановления чести, то я готов вам дать сейчас же всякое удовлетворение.

Рыцарство Путятин примирило с ним Унковского, и адмирал обещал не вмешиваться в дела капитана. Целых три месяца он держал свое слово, но у корейских берегов Ефим Васильевич сорвался: с ним случился очередной «припадок» упрямства. «Паллада» стояла на якоре в мало известном заливе. Утром из-за густого тумана Иван Семенович решил остаться на месте, опасаясь наскочить на скалистый берег. Адмирал же приказал поднять якорь. Стиснув зубы, командир исполнил приказ. Путятин же решительно стал на мостик, приняв на себя командование судном.

— Необходимо повернуть, — не выдержал Унковский, — фрегат слишком долго идет в одном направлении, берег, вероятно, близко.

— Нет-с, еще до берега не может быть близко.

В это время порыв ветра слегка развеял туманную завесу, и к ужасу моряков перед ними предстали нависшие скалистые уступы. Только случайность помогла избежать неминуемого крушения. Путятин сконфузился, вспомнил данное им обещание и, ни слова не говоря, ушел в каюту. Это было последнее недоразумение. Но инцидент в столь тревожное время вызывал у Ивана Семеновича опасение: подобное может повториться в сражении. Объяснение войны последует с минуты на минуту, а старая «Паллада», сильно потрепанная штормами, не в состоянии оказать должного сопротивления. В таких условиях двоевластие — верная гибель.

На смену ветхой «Палладе» из России шла «Диана», которую Унковский с нетерпением ждал, мечтая защищать Отечество со всем флотом. Наконец она появилась, но Путятин принимает неожиданное решение: экипаж «Дианы» возвращается сухим путем, а ее место занимает команда «Паллады» во главе с ее командиром.

— Иван Семенович, война началась, и в столь сложную минуту мне необходим такой командир, как вы, нужные офицеры и команда, которых я знаю.

Благородство Ефима Васильевича тронуло Унковского, но согласия он не дал — не мог Иван Семенович так поступить с опытным капитаном «Дианы» Лесовским, которого уважал. Как ни рвался он в осажденный Севастополь, но война шла везде: в Крыму и на Кавказе, на Белом и Балтийском морях, на Дунае и Тихом океане. Сложилось так, что лавры Унковский заслужил не громкими победами над противником, а борьбой с последствиями преступной деятельности своих соотечественников.

Об истинной цели похода «Аскольда» мало кто знал. За три месяца до его выхода великий князь Константин Николаевич писал Александру II: «С сегодняшнею почтою посылаются князю Горчакову для доклада Тебе на днях полученные весьма важные депеши от Путятина. Он наконец получил от китайцев окончательный отказ в пропуске и потому уже отправился вниз по Амуру, дабы на пароходе «Америка» идти в Печелийский залив. Через этот отказ китайцы нас поставили более или менее на ту же ногу с французами и англичанами... Но дабы не казаться нам в глазах китайцев более слабыми, чем остальные нации, не полагаешь ли Ты, что будет полезно усилить материальные средства Путятина?»

Требование и французского, и английского посланников будут поддержаны довольно значительными эскадрами, предводителем же нашего флага будет один маленький пароход «Америка»; чрез это, разумеется, Путятин в глазах китайцев будет поставлен на второстепенную ногу. Спрашивается, достойно ли это значения России? Из Кронштадта может через месяц идти Амурская эскадра, состоящая из 3 корветов и 3 клиперов... Но это все суть мелкие суда, не прикажешь ли Ты их усилить более сильным судном, а именно фрегатом «Аскольд», который новое сильное судно, находящееся в прекрасных руках у фл.-адъютанта Уньковского... Буду ждать Твоих по сему приказаний, а между тем, не говоря зачем и куда, я уже «Аскольда» готовлю...»

Кто бы знал в торжественную минуту проводов, что новый, «сильный» корабль потребует от его команды ежедневной борьбы за жизнь. Это плавание станет классическим примером того, когда преступления одних становятся причиной беспримерного подвига других. Дисциплина и выучка команды, знания и опыт их командира многократно спасали судно от верной гибели, построенное из рук вон плохо. И это еще мягко сказано.

Уже на первом переходе обнаружилась неисправность машины, и пришлось остановиться в Киле для исправления повреждения. Паровой же опреснительный аппарат выходил из строя все плавание. Во французском Бресте снова ремонт, но главные сюрпризы впереди. «В полночь лопнула тяга переднего золотника, и машина остановилась, — сообщал в рапорте Унковский. — Находясь в то время в расстоянии трех миль от Тенерифского берега, при большом штелевом волнении, фрегат мог бы быть в критическом положении, если бы легкий береговой порыв не помог нам удалиться. Несовершенство машины, оказавшееся с выхо-

---

да фрегата из Кронштадта, позволяет думать, что она была сделана не на продолжительную службу, и утомленная ничтожною пробою в Кронштадте, в настоящее время не выдерживает следуемой ей работы».

Неисправность машины — полбеда: пароход всего лишь превращается в парусник. Но вдруг совершенно новый корабль, выстроенный из превосходного курляндского дуба, дает течь в кормовой части, причем таких размеров, что впору пойти ко дну. Капитан ведет фрегат к острову Св. Винцента, изобилующему, по описанию, строевым лесом и имеющему совершенно закрытую бухту. На деле же оказалось, что там, кроме мелкого кустарника, никогда ничего не росло. С трудом да за большие деньги заполучили кряж от разломанного судна. Преувеличил англичанин и насчет «тихой» бухты: из-за открытой северной стороны волнение в ней было ничуть не меньше, чем в океане.

Иван Семенович идет на чрезвычайный риск: в шторм прорывается к экватору, чтобы на «гладких» водах приступить к ремонту. Такое решение стоило ему немалой внутренней борьбы, но надежду на успех давали «несравненные качества русского матроса», мужество офицеров и «испытанная находчивость» старшего офицера лейтенанта Розенберга. Неделю «Аскольда» пробивался к намеченной цели. Удары волн увеличили течь, и воду беспрепятственно отливали ведрами. Наконец и штилевая полоса. В ночь перед началом работ Иван Семенович не уснул: на нем — ответственность перед Богом за сотни вверенных ему жизнью, а он затеял серьезный ремонт в открытом океане...

С восходом солнца работа закипела. Команда перетаскивает орудия с кормы на нос. Все глубже нос, все выше корма, а место течи не видать. Оно сравнялось с водной гладью, когда рядом с пушками стала вся команда.

Икалось, видно, в тот день горе-строителям — и поделом! Додумать-ся склотить подводную часть, как простой дощатый ящик, железными гвоздями, которые проржавели и образовали сквозные щели. Видеть бы им лица моряков, когда мастера сообщили, что корабль не чинить нужно, а переделывать: одна из капитальных стоек сгнившего основания — из плохого лиственного дерева «с роззыбью». И это — на экваторе, где под тобою бездна. «Не столько расчет на экваториальную погоду позволил мне решиться на капитальное, серьезное исправление в открытом океане, сколько надежда на искусство и отменное усердие шести плотников, назначенных на фрегат из Кронштадтского адмиралтейства. Люди эти в продолжение четырнадцати часов работали без усталости с видимым благородным усердием; на подвешенных люках, по поясу в воде, они исполнили дело молодецки».

Благодаря плотникам течь больше не беспокоила, и до мыса Доброй Надежды дошли благополучно. Подмоченная репутация строителей заставила капитана тщательно обследовать фрегат. В результате, обнаружили гниение. В этих местах вскрыли обшивку... Пораженные моряки глазам своим не верили: оттуда посыпались щепы, труха, сор, и даже гнилые тряпки рабочих, строивших фрегат. На этом дошли до крайней точки Африки?!

Два месяца капитального ремонта — и можно покидать мыс Доброй Надежды. Но перед самым выходом пришло предписание адмирала Путятина следовать к нему. Значит, придется идти курсом, где в этот период свирепствуют жестокие штормы. На долю «Аскольда» пришлось

два таких. Течь появилась в других местах. Снова нужен прочный лес, которым и запаслись на острове Мью Зондского архипелага.

Донесения Унковского без громких слов превращаются в гимн российским морякам. «Вырубка книц в непроходимых тропических лесах стоила больших трудов... Свозимые ежедневно сто человек с фрегата, при 30 градусах жары, подрывали колоссальные деревья, делали просеки для доставки корней на берег и в продолжение трех дней оглашали дикие окрестности острова треском падающих деревьев, хохотом, криками ура, песнями и, казалось, при томительном зное не замечали тяжести труда, доступного только русскому человеку».

...Под флагом российского посланника Путятина «Аскольд» то под парами, то под парусами исправно идет к берегам Китая. 18 августа до Шанхая оставалось всего 60 миль, завтра посольство покинет фрегат, и Путятин приступит к выполнению важной миссии. Но человек предполагает, а Бог...

Путятин с Унковским обедают в адмиральской каюте, качка их не тревожит: ложась по волне, судно плавно опускается и подымается. Можно предаться благодущию, приятно побеседовать. Ничто не предвещало страшной беды, даже сердца офицеров не защемили, не подсказали, что они уже в лапах никогда не виданного ими урагана.

Разительная перемена ужаснула: яркий день обернулся непроглядной ночью, в двух шагах невозможно что-либо различить. Стихия яростно швыряет фрегат с боку на бок, сверху волнами накрывает, вода всюду... Стоять на ногах невозможно, ураганный ветер меняет направление, неистово воет, свистит среди снастей. Только по скрипу и треску можно предположить, как кромсает океан судно. Но где кромсает? Где корма, где нос? Где небо, где бездна пучины? Все предпринятые меры — напрасны. Паруса изорвало в клочья, оборвались цепи, сдерживающие колесо, которым управляется руль, и двоих рулевых матросов перебросило через штурвал. Зарывшись в воду, сломался бушприт, лопнули веревки, поддерживающие фор-стенгю. Падая, она переломила марс и рею. Затрещала и обломалась фор-стенга на средней, самой высокой мачте, та при падении сломала громадную грот-рею. Обломки стеньг (каждая весом в несколько сот пудов), повисшие на веревках, били в борт. Еще четверть часа, и от фрегата останутся одни щепки.

В эти критические минуты старший офицер Зеленый и адъютант великого князя лейтенант Ухтомский вызвались прикрепить их к мачтам. Вместе с добровольцами из матросов они растворились в крошечной мгле. Ожидание — бесконечно и тягостно. Где сейчас товарищи, что с ними? Наконец, вздохнули свободно — вернулись, живые. Им удалось обхватить тонкими канатами и подвязать к борту громившие судно стеньги.

Кошмарная ночь прошла, но не закончился сам кошмар — ураган усиливался, а барометр продолжал стремительно падать. Еще сутки продолжалась борьба за жизнь. «Нельзя сомневаться, что в эту адскую ночь мы были застигнуты одним из тех жесточайших ураганов, которые в настоящее время года, свирепствуя у берегов Китая, делают плавание для судов весьма опасным и нередко гибельным. Очевидно, «Аскольд» попал между центром и окружностью урагана и спасен был милостью Божьей, так как при дальнейшем приближении к центру никакие человеческие усилия не могли бы содействовать его спасению».

Отнесенный на 200 миль южнее, поврежденный «Аскольд» лишь 29-го бросил якорь у Шанхая. Унковский сообщил управляющему Морским министерством, что решил полуразрушенный фрегат исправить так, «чтобы в прочности он не уступал американским и английским военным судам, беззаботно выдерживающим штормы и ураганы». Задумка хорошая, но попробуй ее осуществить, когда для тебя казенная копейка — святыня, а материалы непомерно дорогие. Иван Семенович принимает неординарное решение, и «полуразрушенный фрегат» направляется в Нагасаки. Там тогда не было Адмиралтейства, но у Унковского есть доморощенные чудо-мастера. У острова Рафля моряки, едва владевшие топором в первые дни работ, к концу стали настоящими плотниками, освоили все инструменты.

Губернатором Нагасаки оказался любезный старичок, который заключил контракт на выгодных условиях и предоставил в распоряжение экипажа великолепный храм с обширными дворами на живописном берегу бухты. Во дворе для нижних чинов за бесценок выстроили казарму и кухню, а рядом — склады для провизии и навесы под мастерские. Весь экипаж жил одним: собственными силами при минимальных затратах превратить «хилый» фрегат в крепкое надежное судно. Моряки выстроили на берегу кузницу, сами выковали сложные объемные железные части. Места течи тщательно заделали, гнилые части заменили новыми...

— За эту мачту вам государь ваш, наверное, даст крест.

С намеченными работами справились за 18 дней. «Аскольд» почти готов, скоро сниматься с якоря. Как же! При внутренней конопатке фрегата обнаружили, что подводная часть его сгнила на глубине от 16 до 19 футов. Ну, мастера, попадись они нам! Где взять столько леса в безлесном Нагасаки? Спасибо японцам, в кратчайший срок доставили необходимое количество леса. Моряки окончательно превратились в кораблестроителей. Через два месяца «Аскольд» готов к дальнему плаванию, теперь он не тот, каким покинул Кронштадт, теперь ему никакие ураганы не страшны — его своими руками моряки полностью перестроили.

Японцы тепло провожали русских. Причину таких симпатий Унковский отразил в рапорте: «Поведение нижних чинов на берегу было столь удовлетворительно, что в продолжение восьмимесячной жизни среди густой массы народонаселения у нас не было ни одного неприятного происшествия; напротив того, нижние чины вверенной мне команды честным поведением и благодушною обходительностью приобрели в простом народе полное уважение и привязанность».

«Аскольд» вернулся в Кронштадт 10 мая 1860 года. Вся крепостная артиллерия, все суда, стоявшие на рейде, салютовали многострадальному героическому фрегату. 16 мая великий князь Константин Николаевич записал в своем дневнике: «...Имел очередной доклад у Саши. Он разрешил все награды по «Аскольду», которые выходят из всех размеров и примеров. Это награда для всех нас, для всего флота... На катере под моим флагом на большой рейд. Салют. На «Аскольде» обошел команду и фрегат. Потом взшел на мостик, собрал команду на шханцы и стал объявлять награды. Когда прочел, что Уньковскому дан Владимир 3-й ст. и что он произведен в контр-адмиралы, тогда приказал поднять его флаг, и в это время мы кричали: «Ура!» Была чудная минута, у всех были слезы!»

Иван Семенович — герой дня, но в самом зените славы его морская служба обрывается. Ему всего тридцать восемь, а его лишили моря!

— Я тебя назначаю Ярославским губернатором, — ошарашил Унковского Александр II.

— Ваше величество, как могу я быть губернатором, когда не знаю даже разницы между магистратом и губернским правлением?!

— Ничего, ничего! Я тебя знаю хорошо и ручаюсь, что через полгода ты будешь таким же лихим губернатором, как был командиром фрегата.

Вступив в должность, Иван Семенович, прежде всего, взялся за полицию: она должна быть идеально честной — в этом залог всеобщего спокойствия и благоденствия. В достижение поставленной цели Унковский порой становился безжалостным. Полицейских увольняли одного за другим: ничто не может оправдать должностного преступления, никакие обстоятельства (в том числе семейные) не смягчали участи виновного.

В Петербург полетели жалобы и доносы. Встревоженный министр Внутренних дел написал губернатору конфиденциальное письмо, в котором обращал его внимание «на слишком горячий образ действий». Унковский тут же ответил, что «затруднения в его распоряжениях немедленно должны повлечь за собою его отставку».

Были на Ивана Семеновича и другого вида доносы. Ярославское жандармское управление сообщало о тесном его общении с Евгением Ивановичем Якушкиным — сыном декабриста, что не понравилось царю.

— Правда ли, что ты находишься под влиянием Якушкина?

— Совершенная правда, ваше величество. И я счастлив тем, что могу это засвидетельствовать. Без него я, по неопытности в гражданских делах, легко мог бы впасть в ошибки, и тогда ваши указания не были бы правильно выполнены.

Как губернатор Унковский умел ладить с людьми и возникшими в период проведения судебной, земской и других реформ новыми учреждениями. Благодаря честности и беспристрастности авторитет его был столь высок, что, в отличие от других губерний, в Ярославской пертурбации не ослабили административной власти. Александр II не ошибся в моряке. Шестнадцать лет управлял Иван Семенович Ярославской землей, и перевод его вызвал всеобщее сожаление. «Мне дороги были в вас не личные отношения, но ваше сердечное отношение к делу, — писал Якушкин, — продолжавшееся до конца и устранявшее личное самолюбие там, где оно могло быть только вредно. Мне дорога была ваша доступность для простого народа, облегчавшая его тяжелую жизнь. Только эта сердечная теплота помогла вам, вступившему прямо с палубы корабля на губернаторское место, поставить себя так, как не умели поставить себя люди, больше вас приготовленные к гражданской службе...»

В 1877 году Унковского назначили почетным опекуном Московского присутствия Опекунского Совета. И здесь все та же решительность, твердость и человечность... «Он был полным адмиралом и кавалером Владимира I степени. Но большей простоты и меньшего тщеславия представить себе было невозможно... Да, это была в полном смысле слова высокая прекрасная личность, показавшая, чего можно достигнуть при трезвом русском уме и с беззаветною преданностью своему долгу и Родине». (Истомин)

Иван Семенович Унковский скончался 11 августа 1886 года в собственном доме на Смоленском бульваре в Москве. Похоронили его в склепе церкви Тихвинской Богоматери села Козлово Калужской губернии, построенной на его средства. □

иллюстрация
Льва
Рябина

Андре Лей

У МОЕЙ СМЕРТИ

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Глава I

Ничего не изменилось, кабинет выглядит в точности таким же, каким был пять минут назад. Но это — одна видимость, ведь только что рухнул целый мир, и теперь я лежу под завалами, не могу выбраться из-под обломков, они давят мне на грудь, стало трудно дышать, в глазах потемнело, я едва могу различить то, что на самом деле, должно быть, ясно видно при свете дня: письмо, лежащее на столе между телефоном и магнитофоном. Листок дешевой бумаги, всего-то несколько строчек, отпечатанных на машинке, под ними — жирная, самоуверенная подпись. В верхней части листка, слева, штамп, при одном только взгляде на него меня начинает тошнить: «Агентство Могам. Слежка. Розыск. Расследования. Конфиденциальность гарантируется».

Горсточка омерзительных значков, вонзающихся прямо в сердце, словно пучок острых скальпелей. Пять или шесть пропитанных ядом фраз, от которых меня передергивает.

С трудом отрываю взгляд от этой гадости. В голове стучат бессмысленные, бесполезные слова: я не хочу, не хочу, не хочу... Это невозможно, не могу в такое поверить... Только не Патриция, что угодно, только не это...

Нет, я должен что-то сделать, должен пошевелиться, найти способ вырваться из адского круга терзающих меня мыслей.

Ноги меня не держат, приходится сесть на край стола.

Машинально беру сигарету, прикуриваю и замечаю, как дрожат у меня руки.

Заставляю себя ровно дышать, отхожу к окну, опираюсь на подоконник. Надо только постараться, проявить силу воли, и я смогу избавиться от этого кошмарного наваждения. Но я уже знаю, что ничего не выйдет. Сердце отчаянно колотится в груди, каждый удар долго и болезненно отдается во всем теле, я не слышу ничего, кроме этого стука, мозг откачивается сосредоточиться на чем-нибудь другом...

Не знаю, сколько времени я простоял вот так у окна. Час? Два? Впрочем, что мне теперь время... вот уж что совершенно безразлично... Невидящими глазами смотрю на лужайку, которую сам только-только подстриг, и теперь она ровная, как сукно на бильярдном столе, смотрю на Марну, лениво текущую в сотне ярдов от моего сада, на кусты увядающей белой сирени, на первые лодки, плывущие по реке. Все окутано густым туманом, сквозь который пробиваются взрывы смеха купающихся детей, мучительно ударяющие в мои барабанные перепонки.

Никогда не думал, что столько страданий могут причинять распускающиеся бутоны роз, сияющее на голубом небе солнце, пение птиц.

Заставляю себя оторваться от окна. Я изумлен тем, как четко анализирую собственные переживания. Так вот, значит, что чувствует обманутый, осмеянный муж. Первые ощущения — сердце колотится и ноги не держат.

Для романиста все это, конечно, очень интересно. Не могу слотнуть слюну, желудок сжался, словно кулак. Надо бы все это записать. Зачем?

Для чего? Все полетело к черту, все пропало. Внезапно начинаю понимать, что слава, за которой я гонялся десять лет, — ничто, успех, без которого я, казалось, не мог жить, мне больше не нужен, я равнодушен к нему. В одну минуту от прошлого не осталось ни крохи. Все, чем я так гордился, рассыпалось, с быстротой молнии промелькнув перед моими глазами.

Первые ощущения — сердце колотится, ноги не держат, первое видение — Патриция. Мы познакомились словно бы вчера: на ней тогда было зеленое платье, она звонко смеялась, и этим сразу же покорила меня. Ее большие ясные глаза смотрели так простодушно, а юное тело казалось таким щедрым на ласку...

Мне было двадцать шесть. Только что вышел мой первый роман. Передо мной открывалось блестящее будущее. Понравиться ей не стоило никакого труда. Мы стали встречаться, потом, довольно скоро, поженились. С тех пор прошло семь лет, дни плавно скользили, обволакивая меня дымкой обманчивого, как оказалось, счастья.

Заставляю себя взглянуть на прошлогоднюю фотографию Патриции, стоящую на моем письменном столе. Да, конечно, это Патриция, но как же отличается она от той девушки, которую я только что вспоминал! Ее черты стали определеннее, из рамки мне улыбается женщина двадцати восьми лет, сознающая собственную красоту, свое физическое совершенство. Детская улыбка сменилась усмешкой соблазнительницы. В больших зеленых глазах светится теперь уверенность в себе. Но как она хороша, как прелестна, как грациозна... Она просто великолепна.

Я должен прийти в себя, собраться с мыслями, мне надо все обдумать.

Обвожу взглядом кабинет. Передо мной стол, слева на нем — телефон, справа, под рукой, магнитофон, готовый к работе. Прямо перед глазами — странички с главой, которую я надиктовал сегодня ночью, а Берта, моя машинистка, напечатала утром.

Осмотревшись таким образом, я внезапно прозреваю. Вот они — непроверяемые доказательства того, что я пренебрегал Патрицией, почти не уделяя ей внимания. Мое время строго расписано, и ей достаются лишь жалкие крохи. Да мы и встречаемся-то с ней только за обеденным столом. Выходит, я сам виноват в том, что...

Нет, но я же дал ей деньги, комфорт, известность, независимость!

Сам прекрасно знаю, что доводы мои неубедительны.

Мне больно дышать, как будто воздух вокруг меня отравлен. Нервным движением хватаю со стола гнусную бумажку, которая только что сбросила меня в бездонную пропасть отчаяния, комкаю и запикиваю в карман.

Ни на одно мгновение я не усомнился в том, что это правда. Думаю, на самом деле я давно все знал, но отказывался верить. Тысячи мучительных воспоминаний всплыли из глубин моей памяти. Ряд мелких событий, по отдельности совершенно незначительных, но стоит собрать их вместе — и они способны изобличить. Вот уже полгода, как я стараюсь ничего не замечать или списывать все на нервное напряжение, на усталость. Ну, и лопух же я!

Где она сейчас, что делает? Может быть, одевается, а он тем временем... Мне не надо напрягать воображение, чтобы представить себе эту

картину, и я хорошо знаю этого человека. Моя Патриция для него — всего лишь очередная, далеко не первая и, конечно, не последняя победа. Красавчик Ришар Ланн, кинозвезда первой величины, ни в чем себе не отказывает. Мы встретились с ним впервые в прошлом году, на съемках фильма по одному из моих романов. Ланн играл в нем главную роль, а Патриция вместе со мной приходила на съемочную площадку: ей понравилось смотреть, «как делают кино». А Ланну нравилось водить мою жену по студии и открывать ей «секреты ремесла». Постепенно мы вроде как подружились, стали ходить друг к другу в гости. Ришар — из тех редких людей, у которых красота сочетается с умом. Блестящий собеседник, очень привлекательный, словом, все при нем. В каком бы фильме он ни снялся, успех ленте обеспечен. Я не хочу, не могу, не должен его ненавидеть, он творит зло бессознательно, сам того не понимая. Любовь, верность, брак — эти слова для него лишены всякого смысла. Он берет все, что ему подворачивается, он жадно вгрызается в жизнь. И если на этот раз подвернулась моя жизнь, — что ж, тем хуже для меня.

Глава 2

Когда я снова поднял голову, солнце заглядывало в окно моего кабинета уже с другой стороны. Должно быть, я заснул или вообще на какое-то время впал в бессознательное состояние. Часы показывали половину восьмого.

С первого этажа до меня донесся привычный неясный шум. Мариетта возится у плиты. В воздухе витают божественные ароматы, и еще вчера я затрепетал бы, предвкушая гастрономические наслаждения, а сегодня только и подумал, что Мариетта, должно быть, опять забыла притворить дверь кухни.

Скоро ужин. Патриция с минуты на минуту вернется домой. Жизнь продолжается, если можно назвать жизнью ад, в котором я очутился!

Нетвердой рукой кое-как приглаживаю волосы. Кожа на лице горит, такое ощущение, будто она присохла к костям черепа. Встаю, иду в ванную. Достаточно бросить один-единственный взгляд на себя в зеркале, чтобы убедиться: все это мне не приснилось. Следы катастрофы явно различимы — я бледен, словно привидение. Я и в самом деле чувствую, что какая-то часть меня умерла или вот-вот умрет. Плеснув себе в лицо холодной водой, пристально, без всякой снисходительности, вглядываюсь в свое отражение и нахожу, что у Патриции было достаточно причин поступить так, как она поступила. С некоторых пор я стал реже бриться, моя вельветовая рубашка заляпана чернилами и неопрятно свисает поверх жеваных штанов. Конечно, для того, чтобы, сидя дома в своем кабинете, писать роман, нет необходимости одеваться с иголки. Артистическая небрежность — это так удобно. Но, если хочешь при этом удержать жену, не дать ей увлечься кем-нибудь еще,

---

помни: ты-то позволяешь себе распуститься, а вот другие тем временем неустанно заботятся о своей внешности. Например, Ришар Ланн.

Я не пытаюсь оправдать Патрицию. Я просто стараюсь быть объективным к ней, к нему, к самому себе, наконец.

В такой одежде, да еще с этим тусклым, погасшим взглядом, я ничем не напоминаю картинку из модного журнала. Ко всему еще — начал толстеть, волосы заметно поредели. Словом, зеркало без прикрас показывает мне отражение человека тридцати трех лет, несколько обрюзгшего и расплывшегося от недостатка движения и физической работы. Я не веду светской жизни, поэтому совершенно перестал следить за собой. Кое-какой ум у меня, конечно, есть, но не выдающийся, средний, так, ничего особенного. А моя известность в определенных кругах не имеет ничего общего с настоящей славой. Посему я вынужден признать, что Ланн по всем статьям меня превосходит.

Изучив себя в зеркале, мысленно задаю вопрос: а что бы я сам сделал на месте Патриции?

И понимаю, что лучше на него не отвечать.

Еще раз ополаскиваю лицо холодной водой и возвращаюсь в кабинет. Его стены сплошь закрыты книжными полками, среди книг есть и мои собственные. Восемнадцать названий, но теперь это меня совершенно не греет.

Падаю в кресло и долго сижу с закрытыми глазами. Вдруг вздрагиваю от внезапной мысли. Прежде всего, я должен еще раз перечитать это письмо, эту мерзость. Вытаскиваю его из кармана, расправляю на столе, разглаживаю бумагу. Хорошая работа. Агентство Могам мне не известно. Значит, кто-то обратился в эту лавочку, назвавшись моим именем, поручил детективам следить за моей женой, попросил прислать отчет мне домой и дал мой адрес. Какая подлость! Этот тип должен был знать наверняка, что Патриция мне изменяет, иначе вся его затея оказалась бы бессмысленной, только понапрасну деньги потратил бы. Но кто бы это мог быть? Завистливый собрат по перу?

Во всяком случае, надо признать, что этот парень умеет шевелить мозгами. И хорошо меня знает, раз письмо адресовано на мое настоящее имя, ведь я уже больше десяти лет существую под псевдонимом, только он всем и известен.

Хватаю телефонную трубку, нервно набираю номер агентства Могам. Ожидание кажется мне бесконечным, но только в тот момент, когда на другом конце снимают трубку, я осознаю, что совершенно не готов к разговору, не могу задать ни одного вопроса. Поздно — в моих ушах уже раздается сладкий голос: «Робер Могам слушает!»

Интонации очень напоминают его самодовольную подпись. Наверное, с трудом удерживается, чтобы не добавить «собственной персональной». С лихорадочной поспешностью начинаю соображать: если человек в восемь вечера все еще сидит в своей конторе, значит, он один совмещает там все должности, выполняя работу не только сыщика, но и машинистки, и секретарши, а может, даже и уборщицы...

Быстро отвечаю:

— Говорит Ришар Верман. Я только что получил ваш отчет.

— А, мсье Верман! Вы ведь больше известны под именем Ронни Блэка, не так ли? Вы остались довольны?

— Очень. И теперь хочу поручить вам еще одно дело, поэтому хотел бы с вами встретиться. Причем немедленно.

— Прямо сейчас?

— Да, как можно скорее. Но мне не хочется заходить к вам. Не могли бы мы встретиться в каком-нибудь другом месте?

— Как пожелаете, мсье Блэк!

— Прекрасно, тогда давайте через полчаса. Вы ведь здесь все знаете, раз занимались... вели здесь расследование.

— Очень хорошо знаю.

— В таком случае, встретимся справа от моста. Я приеду на машине, она кремовая, со светло-зеленым.

— Договорились, мсье Блэк, сейчас же выхожу.

Вешаю трубку, вытираю пот со лба. Еще не знаю, что собираюсь делать, но отступать поздно. Я должен встретиться с Могомом, мне необходимо узнать имя мерзавца, который устроил эту подлянку. За всеми делами я совершенно позабыл о первопричине, о настоящей причине моей злости. Патриция! Лучше бы мне сегодня вечером с ней не встречаться, я не смогу сдержать себя.

Смотрю на часы и встаю. Надеваю летнюю куртку, засовываю в карман пачку денег, хлопаю дверь. Мариетта встречает меня у лестницы. Сморщенное лицо нормандки напоминает высохшее яблоко.

— Уже без двадцати девять!

— Да, Мариетта.

— Я приготовила говяжьи почки, мадам так их любит, но она до сих пор не вернулась, а еще немного — и их в рот нельзя будет взять!

Заглядываю ей в глаза, пытаюсь угадать, известно ли ей, где так сильно задерживается моя жена. Похоже, нет.

— Я ненадолго ухожу, Мариетта. Как только вернется Патриция, пусть садится ужинать без меня. Я не очень голоден.

Она всплескивает тощими руками:

— Такие почечки, так хорошо приготовлены!

В горле у меня комок, не могу проглотить слюну. Резко повернувшись, убегаю в гараж, до него всего несколько шагов. Патриция, как всегда, уехала на своей «симке» с откидным верхом. Вывожу машину из гаража, оставив ворота открытыми.

Берега Марны еще пустынные. Медленно еду в сторону моста Шампigny и останавливаюсь там, где мы уговорились встретиться с Могомом. Несколько машин не спеша проезжают мимо. У меня недостает духа разработать план, продумать, как начать разговор с сыщиком, все будет зависеть от того, как он выглядит, как подойдет, обратится ко мне, какотреагирует, поняв, что перед ним другой человек.

Позади меня останавливается «пежо», положив тем самым конец моим размышлениям. Жадно вглядываясь в зеркальце, изучаю челове-

---

ка, выходящего из машины. На вид ему около сорока, тщедушный, почти совсем лысый, на длинном красном носу — очки в металлической оправе. Он озирается по сторонам, потом решительно направляется ко мне.

Открываю перед ним дверцу. Он садится в машину и без малейшего удивления смотрит на меня маленькими подслеповатыми глазками. На какую-то долю секунды меня охватывает тупое непонимание, потом начинает брезжить свет. Ну, конечно же, тот мерзавец, который выдавал себя за меня, не решился показаться лично! Он договаривался по телефону. Я должен был сообразить это раньше. Он предвидел мою реакцию. Или же Могам ловко притворяется...

Я не успел додумать, как говорится, до точки — сыщик (если можно так назвать этот огрызок человека) первым заговорил со мной.

— Чем могу быть вам полезен, мсье Блэк?

Не зная, что ответить, облизываю пересохшие губы и поворачиваюсь к нему.

— Ваш отчет очень убедителен, несмотря на его лаконичность. Но доказательств, на мой взгляд, все же маловато. Не могли бы вы (эта мысль внезапно пришла мне в голову) сделать еще и фотографии?

Могам изображает на лице, как ему кажется, тонкую улыбку (на самом деле, гнусно ухмыляется). С каждой минутой он нравится мне все меньше и меньше.

— Легче легкого, мсье Блэк.

Чтобы вытянуть из него побольше, пускаю пробный шар.

— А насчет оплаты...

Он попадает на крючок.

— Разумеется, эта работа связана с некоторым риском, и сумма...

— Мне безразлично, сколько это будет стоить. Но хотелось бы оговорить, каким образом я расплачусь с вами.

— Если хотите, пусть будет чек, как в прошлый раз, хотя я предпочел бы наличными, сами понимаете, налоги...

Вот ублюдок! Достаяю из кармана деньги.

— Пятидесяти хватит?

Глазки у него заблестели от вожделения. Он уже протягивает руку, но я свою отвожу.

— Вы узнали мой голос по телефону?

Он просто не в силах оторваться от созерцания денег.

— Честно говоря, нет, в первый раз...

Не даю ему договорить:

— В тот раз я звонил из автомата.

— Понятно, а вообще-то я не веду дела таким образом.

— То есть?

— Чек с утренней почтой, звонок через десять минут с предложением заняться этим делом, не кажется ли вам, что вы меня в какой-то степени принуждали?

— Никакого принуждения — просто не решился к вам прийти. Сами понимаете, я достаточно известный человек, потому и воспользовался своим настоящим именем.

Он пошевелился, и ему, наконец, удалось оторвать взгляд от денег.

— Хорошо, мсье Блэк, договорились.

Деньги переходят из рук в руки. Могам облегченно вздыхает. Меня же во второй раз за последние три часа охватывает желание совершить убийство.

Глава 3

Могам уже двадцать минут как уехал, а я все никак не найду в себе достаточно сил, чтобы вернуться домой. В голове раз за разом прокручивается окончание разговора с детективом. Пытаюсь подвести итоги этой встречи и быстро подсчитываю результат: нулевой! Я выбросил пятьдесят тысяч франков на фотографии, которые мне совершенно не нужны, и так и не выяснил, кто поручил Могаму рыться в моей личной жизни.

Единственное, в чем я могу быть уверен: Патриция — любовница Лана, и какому-то подонку доставляет удовольствие меня истязать.

Неожиданно проскакивает мысль: а кому, собственно, он хотел отомстить, тот парень, который звонил Могаму, — что звонил мужчина, я знаю точно, Могам не может до такой степени ошибаться. Он мстит Патриции? Или мне? Загоняя машину в гараж, вижу, что «симка» уже на месте, слева от меня. Закрываю ворота и иду к дому через темный благоухающий сад. Окно гостиной мягко светится, ветерок колышет занавеску, играет радио. Как раз та атмосфера, которую я больше всего люблю. Если бы не письмо, я распахнул бы сейчас дверь и бросился обнимать Патрицию.

Услышав мои шаги, Мариетта высовывает из кухни седую голову:

— Можно уже подавать ужин?

— Да, прямо сейчас.

Секунду медлю на пороге гостиной, потом, собравшись с духом, вхожу.

Патриция сидит в кресле, подперев подбородок ладонью. Хотел бы я знать, о чем и о ком она так замечталась.

Жена поднимает глаза, открывает в улыбке ровные, мелкие, острые зубки.

— Это ты, милый! Где ты был? Я уже начала беспокоиться...

Патриция подбирает под себя ноги, знаком предлагает мне сесть рядом, подставляет губы. Свет заливает ее фигуру, играет в рыжих волосах, зажигает в глазах хорошо знакомый мне огонек.

Не могу вздохнуть, руки сжаты до боли, хорошо еще, что я повернулся спиной к лампе. Наклоняюсь к Патриции и касаюсь мягких, прохладных губ. Она не дает мне времени заговорить. Поджимает ноги, чтобы дать мне больше места, а ее рука машинально ерошит мне волосы на затылке.

— Обними меня покрепче, милый...

Стиснув зубы, смотрю на висящую над креслом картину. Мне хочется задушить Патрицию в объятиях, осыпать поцелуями, свернуть ей шею, мне хочется...

— Ты мне так и не ответил.

Пожимаю плечами. Значит, теперь моя очередь врать.

— Ты задержалась, я проголодался, и мне захотелось проветриться. Покатался по набережной, только и всего. А ты что делала?

— Да так, ничего особенного, вряд ли тебя это может заинтересовать (ну, еще бы!) — побегала по магазинам, перекусила. Знаешь, вся эта толпа, суета, шум...

— Магазины закрываются задолго до восьми, ты, наверное, встретила кого-то из знакомых?

Поколебавшись какую-то долю секунды, Патриция почти сразу отвечает:

— Потом прошлась по бульварам. Ты этим недоволен?

В столовую, отделенную от гостиной лишь кованой решеткой, вошла Мариетта, включила свет.

— Ронни, ты такой бледный. И лоб горячий. Ты не заболел?

— Ничего страшного, просто устал.

— Надеюсь, сегодня вечером ты не будешь работать?

— Думаю, нет.

Мариетта расставляет на столе тарелки и, на правах старой служанки, высказывает свое мнение:

— Вам лучше бы лечь в постель. Я сварю для вас бульон.

Патриция отступает на шаг.

— У тебя такой взгляд, ты меня пугаешь.

— Да нет, все в порядке, не волнуйся.

— Хочешь, я вызову врача? — Не дожидаясь ответа, она идет к телефону.

— Не стоит, Мариетта права, немного отдохну, выпью бульона, и через часок-другой все пройдет.

Патриция бросает на меня какой-то странный взгляд. О чем она думает? Может, о том, что хорошо бы мне умереть? Нет. Ее тревога — непритворная, она искренне обо мне заботится. А я... я почти грубо ее отталкиваю. Ее предупредительность невыносима. Если в один прекрасный день я заставлю ее забыть Ланна, то не таким способом. Терпеть не могу, чтобы меня жалели, и сам, думаю, не пожалею ее.

Смотрю, как она растворяет для меня в стакане воды два порошка аспирина, и делаю шаг вперед, Патриция протягивает мне стакан, наши взгляды встречаются, я опускаю глаза первым, боюсь, что она прочтет мои мысли.

— Сейчас постелю. Отдохни, милый, ты слишком много работаешь.

С трудом удерживаюсь, чтобы не влечь ей пощечину.

— Прошу тебя, не хватайся за первую представившуюся возможность поиграть в сестру милосердия. Пожалуйста, иди ужинать и не порть себе крова из-за меня.

Оставив Патрицию одну в столовой, иду вверх по лестнице. Колени у меня дрожат. Быстро раздеваюсь, ныряю в постель.

Через несколько минут Патриция приносит мне чашку бульона. Закрыв глаза, одним духом его заглатываю. Она поправляет одеяло и уходит.

Я снова один в темноте, и мои мысли куда чернее самой непроглядной ночи.

Глава 4

Открыв глаза, я на какую-то долю секунды почувствовал себя удивительно счастливым. Рядом со мной лежала теплая сонная Патриция. Дыхание жены щекотало мне шею. Я потянулся, осознав свое блаженство, как делал каждое утро в течение нескольких лет, а потом мой дремавший мозг внезапно проснулся, сбросив оцепенение. Одну или две секунды я еще колебался, старался отогнать то, что казалось всего лишь кошмаром, но глухие, болезненные удары сердца доказали мне, что это — не сон. Все происходило наяву. Слишком недолгой оказалась передышка, слишком скоро возобновилась пытка.

У меня пересохло в горле, разболелась голова. Я чувствовал себя разбитым, раздавленным, уничтоженным.

И хотел, чтобы она умерла.

В мой кабинет входит Берта. Тупо смотрю на отпечатанные страницы и не могу прочесть ни единого слова.

— Доброе утро.

— Доброе утро, Берта.

Она, не теряя времени, снимает чехол с пишущей машинки, придвигает поближе магнитофон, включает его и удивленно смотрит на меня.

— Вчера вечером я не работал, плохо себя чувствовал.

Секретарша поправляет на носу очки, одергивает юбку.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет, спасибо за заботу.

Берта — некрасивая толстая девушка среднего роста. Тусклые волосы, стянутые в узел на затылке, придают ей сходство с сельской учительницей. За стеклами очков помаргивают маленькие глазки.

Посидев минуту в нерешительности, она принимается складывать свои листочки. Когда она неподвижна, то кажется тяжелой и неповоротливой, но стоит ей начать печатать, и она преобразается, перед вами оказывается совершенно другая женщина. Природа, обделившая ее внешней привлекательностью, возместила несправедливость на другом уровне. Берта работает быстро, умело и толково. Она — выдающаяся секретарша, и могу с уверенностью сказать, что без нее мои романы были бы куда хуже. Именно она помогает мне избежать множества ошибок, которые я непременно наделал бы, увлекшись сюжетом.

Берта — женщина с развитой интуицией, она чувствует, что произошла какая-то перемена. А, может быть, ей что-то известно...

Она возится у стола, избегая смотреть на меня.

Сижу, устремив глаза в пустоту, не в силах приняться за работу, а ведь это — мое единственное спасение, единственное противоядие.

— Берта!

— Да?

— Если вы не против, давайте прослушаем пленки, на которых записаны первые главы, это даст мне представление о целом, а вы тем временем перечитаете отпечатанные страницы.

Мне безразлично, что она отвечает, я прислушиваюсь к шуму воды, доносящемуся из ванной. Убедившись в том, что я здоров, Патриция успокоилась и теперь наводит красоту, готовится к вечернему свиданию.

Внезапно в кабинете раздается мой голос. Пленка начинает медленно прокручиваться, я слышу надиктованное начало романа. Бросаю взгляд на Берту. Она сверяет текст с уже выправленными мной листками рукописи. В общем-то, правки там немного, чаще всего я ограничиваюсь тем, что толстым синим карандашом вычеркиваю несколько фраз.

Притворяюсь, будто слушаю, а сам, обхватив голову руками, в который раз передумываю все те же мысли. Я нарочно выбрал сегодня такую работу, чтобы мне не мешали, не отвлекали. Фразы, которые произносит мой голос, кажутся мне ничтожными, пошлыми, бессмысленными. Я знаю наизусть все, что произойдет с моим героем. Этот жалкий тип, оказавшийся замешанным в преступлении, окончит свои дни на эшафоте.

История начинается с последних минут перед казнью. Когда я надиктовал этот кусок, он показался мне великолепным, я был доволен собой, считал, что хорошо передал владевший героем мучительный, тоскливый страх. Теперь все выглядит совсем по-другому.

История продолжается.

Если я убью Патрицию и меня приговорят к смерти, я смогу узнать, верно ли мое описание. Я вздрагиваю и покрываюсь холодным потом, несмотря на то, что через открытое окно в комнату потоком льются солнечные лучи. Но, может быть, меня не поймают... Алиби! Вот что мне необходимо! Как раз в этом самом романе человек совершает идеальное преступление, и мой герой расплачивается вместо него. Неужели писатель, сочиняющий детективные романы, не сможет придумать что-то подобное для себя? Я столько раз мысленно совершал преступления и подделывал улики, что легко справлюсь и на этот раз, надо только чуть-чуть поднапрячься.

Подскакиваю от внезапного щелчка, за которым наступила тишина. Я так перепугался, будто кто-то может прочесть мои мысли.

Берта ставит вторую пленку, главы с восьмой по четырнадцатую включительно. Идеальное преступление!

И снова раздается мой голос, он обволакивает, защищает меня, заглушая доносящиеся из-за стены звуки.

Вот бы заставить его, этого бабника, поплатиться вместо меня! Красавчик Ришар Ланн рядом с гильотиной — какая была бы реклама для его последних фильмов!

Собственный голос, звучащий на другом конце стола, сверлит мне чреп. Я раздвоился, и оба двойника говорят одновременно. Не могу справиться с мыслями, рвущимися из моего воспаленного мозга, изнемогаю под их тяжестью.

Способен ли я ее убить?

Глава 5

И снова, уже во второй раз, мой голос внезапно умолкает. Словно во сне, смотрю на Берту, которая убирает в коробку вторую пленку. Я помню, что осталось прослушать еще несколько глав. Третья пленка, главы с пятнадцатой по восемнадцатую.

Только что мне в голову пришла мысль настолько чудовищная, что я, испугавшись, попытался ее прогнать. Я старался изо всех сил, но тщетно, она знала, что я, в конце концов, уступлю, она не упиралась, не настаивала, даже не оформлялась окончательно, она попросту не уходила. Теперь она будет неспешно пробираться по моим извилинам, терпеливо дожидаться, пока я созрею, и тогда внедрится окончательно, бесповоротно овладеет мной.

У меня есть алиби! Только что Берта помогла мне до этого додуматься.

Напряженно размышляю. Главное — ничего не упустить, все хорошенько проверить и взвесить. В моей голове звучит сигнал тревоги. От результата моих размышлений будет зависеть моя жизнь. Ставка в этой игре — моя голова.

Каждое утро Берта приходит ко мне, чтобы отпечатать на машинке ту главу, которую я надиктовал без нее накануне поздно вечером. Потом, когда мой голос стихает, добросовестная секретарша дает пленке покрытись еще несколько минут, чтобы убедиться в том, что я закончил работу, а не просто сделал небольшую паузу.

Так вот, если однажды утром, расшифровывая очередную главу, Берта после такого перерыва вновь услышит мой голос, который будет диктовать еще час, это будет означать, что я работал поздно вечером или ночью. Я не мог надиктовать это утром, потому что по утрам мы вместе прокручиваем вчерашнюю запись. Берта — мой ежедневный свидетель.

Остается середина дня. Допустим, я проведу это время с друзьями. Я так все устрою, составлю такое расписание, чтобы никто не смог доказать, что я находился вне дома, это будет просто физически невозможно.

Если Патриция будет убита в доме Ланна, к примеру, между десятью и одиннадцатью часами вечера, на кого падут подозрения? Само собой, на Ланна!

Вот теперь коварная мысль прочно утвердилась в моей голове, ее оттуда уже не выгонишь. Мысль — просто гениальная. Страшно представить себе, какую работу способен проделать охваченный ненавистью мозг!

Берта помогает мне выбраться из этого кошмара.

— Уже почти полдень, — сообщает она.

— Прекрасно. Берта, ну, и что вы обо всем этом думаете?

— Неплохо получилось. А чем вы закончите?

Пожав плечами, заставляю себя улыбнуться.

— Как по-вашему, должен ли виновный, в конце концов, погибнуть?

Следует ли его наказать?

— Да, с точки зрения морали так было бы лучше.

— Может быть, можно найти оправдание?

— Нельзя оправдать преступление.

— Ну, а если он достаточно умен и хитер для того, чтобы подставить вместо себя кого-то другого?

— Мсье Ронни, какие-то нездоровые у вас идеи! А мне пора обедать, на сегодня работа закончена.

— До завтра, Берта!

Она закрывает чехлом пишущую машинку, придвигает ко мне магнитофон, прощается и уходит. Я слышу, как она спускается по лестнице, открывает дверь, потом ее каблуки стучат по ведущей к воротам асфальтированной дорожке.

Дверь открывается, и в кабинет входит Патриция. Цветущая, ослепительная, сияющая. На ней — легкое открытое платье без рукавов, руки по самые плечи голые. Она — без чулок. Маленькие ступни обуты в подобие эспадрилий, сплетенных из узких кожаных ремешков. От нее так и веет молодостью и здоровьем.

— Как ты себя чувствуешь, Ронни?

— Отлично.

— Ты меня не обманываешь?

— Зачем мне тебя обманывать?

— Обед готов, ты спустишься?

— С удовольствием!

— После обеда приляжешь?

— Наверное. А ты чем займешься?

— Не знаю, может, поеду покататься куда-нибудь за город. В Фонтенбло, например. На обратном пути искупаюсь. Хочешь, встретимся на пляже?

Спускаюсь по лестнице вслед за Патрицией.

— Утром были какие-нибудь письма?

— Для тебя ничего — одни проспекты и рекламные листовки.

Мы входим в столовую. Мариетта подает закуски.

— Знаешь какие-нибудь новости про Ланна? — как бы невзначай спрашиваю я. — Что-то давно его не видно.

Патриция замирает с раскрытым ртом, не донеся до него вилки с куском помидора.

— А почему это ты ни с того ни с сего меня о нем спрашиваешь?

— Простая логическая цепочка, только и всего. Отсутствие писем заставило меня вспомнить о наших знакомых, в том числе и о Ланне.

— Понятно, только почему именно о нем?

— Мне казалось, среди всех наших друзей ты его особенно отличаешь.

— Ты смешон.

Заметив, что она начинает злиться, я отступаю.

— Будем считать, что я неудачно пошутил.

— Ты что, ревнуешь?

Ревную! Если все страдания, которые я испытываю, всего-навсего ревность, пусть меня повесят. Заставляю себе сохранять хотя бы внешнее спокойствие.

— Только этого не хватало, плевать мне на Ланна.

Она бросает на меня долгий взгляд и продолжает есть. Но я вижу, что попал в больное место: у нее явно пропал аппетит. Наверное, подумала о Ланне и, может быть, заподозрила, что я обо всем догадался.

Обед заканчивается в тягостной атмосфере. Патриция, положив салфетку на стол, встала, налила себе чашечку кофе и ушла с ней в гостиную. Смотрю на часы: половина третьего. Обычно к этому времени мы давно встаем из-за стола. Наверное, она уже опоздала на свидание...

Глава 6

Дни идут. С точностью хорошо налаженного автомата я изображаю подобие жизни. Заставляю себя есть, иногда даже удается и заснуть, разговариваю, дышу, встречаюсь с друзьями, передвигаюсь по дому и при этом непрестанно сражаюсь с мыслями, которые не могут быть моими, с незнакомыми, новыми ощущениями. В моем теле поселился другой человек, оставив мне роль статиста, годного только на то, чтобы выполнять необходимые для обмана публики действия: зритель слишком озабочен собственными проблемами и не заметит подмены.

Единственное, чего я не могу — заставить себя работать, закончить роман. Каждый вечер я закрываюсь в кабинете, но сосредоточиться мне не удастся, в голове осталась лишь одна неотвязная мысль, она возвращается снова и снова неутомимым лейтмотивом. Я не могу заниматься своим картонным героем. Неделю назад он у меня потерял сознание от удара по голове, и я все еще не нашел в себе сил привести его в чувство, вернуть к жизни. Пусть так и остается в бессознательном состоянии, он хоть боли не чувствует. Я всегда успею его разбудить, даже знаю, когда я это сделаю... Когда мой голос извлечет его из небытия, вместо него туда отправится Патриция.

Бедный, жалкий человек! Этому выдуманному созданию предстоит сыграть куда более заметную роль, чем та, что ему предназначалась. На этот раз герой романа поможет живому человеку.

Телефонный звонок раздался внезапно. Однажды утром мы с Бертой сидели вдвоем, правили недописанный роман. Берта нисколько не удивлялась тому, что я внезапно прервал работу, бросил на середине историю, которую начал диктовать. У меня, естественно, нашлось множество оправданий: усталость, необходимость разработать идею и еще немало других. К тому же нечто подобное случалось и раньше.

Я снял трубку, продолжая договаривать начатую фразу, и оборвал ее на полуслове, услышав голос Могамы. У меня перехватило дыхание. Убедившись в том, что никто не взял отводную трубку, он назвался.

Повернувшись к Берте спиной, я уставился невидящими глазами на лениво текущую под моим окном Марну. Детектив коротко сообщил, что фотографии и подробный отчет готовы, и спросил, когда я могу с ним встретиться. Я взглянул на часы. Берта вот-вот уйдет. Нехотя проговорил в трубку:

— Через полчаса, на том же месте.

Я отпускаю БERTУ и, оставшись один, надеваю куртку, прихватываю побольше денег: наверняка Могам заставит меня раскошелиться.

Патриция с Мариеттой ушли за покупками. Вывожу машину, ворота не запираю, достаточно просто притворить. Направляюсь вдоль берега Марны к мосту, останавливаю машину, закуриваю. Через десять минут позади меня останавливается машина Могама. Отвратительный тип усаживается рядом, и я внимательно за ним наблюдаю: нет никакой уверенности в том, что подлец, натравивший его на Патрицию, за это время не объявился снова.

Могам с улыбкой извлекает из внутреннего кармана куртки конверт.

— Вот документы, мсье Блэк.

Конверт перекачевывает в мой карман. Могам, наслаждаясь сознанием того, что оказался в выгодном положении, неспешно закуривает. Он явно ждет, что я начну его расспрашивать, но я не издаю ни звука. В машине повисает тягостное молчание. Могам делает долгую затяжку, медленно выпускает дым через ноздри, наконец, не выдержав, поворачивается ко мне и первым начинает разговор.

— Вы больше ничего не собираетесь мне поручить?

— Нет. Я не хочу, чтобы вы дальше занимались этим делом.

— Вы разведетесь?

— Возможно.

У него вырывается невольное движение.

— В таком случае, ничего лучше развода не придумаешь. С тем, что теперь у вас в руках, вы можете быть уверены, что выиграете процесс.

— Может быть, я этим даже и не воспользуюсь.

— Ну, это вам решать.

— Пожалуй, да.

Разговор с сыщиком для меня мучителен. Могам ведет себя развязно, притворяется безразличным, я знаком показываю ему, что тема исчерпана. Он не понимает меня или делает вид, что не понял, чего я хочу, его бегающие глазки загораются:

— Разве вы не хотите прямо сейчас взглянуть на фотографии?

— Мне некуда торопиться. Я полностью вам доверяю.

— Ну, раз так, я удаляюсь. — Он вытаскивает из кармана какую-то бумажку. — Маленький счетец, мсье Блэк.

Могам прячет в карман полученные от меня тридцать тысяч франков и, не протягивая мне руки, вылезает из машины. Захлопнув дверцу, наклоняется к окошку.

— Если вам понадобится снова обратиться ко мне, вы знаете, как меня найти, номер телефона у вас есть.

Глава 7

В доме тихо. Патриция отправилась к парикмахеру, Мариетта дремлет в кухне над гладильной доской.

Фотографии лежат передо мной на столе. Это оказалось куда хуже, чем я мог предположить, я и не думал, что будет так больно на них смотреть.

После того, как я расстался с Могамом, мне все время не по себе. Обед превратился для меня в пытку. Я отвечал на вопросы Патриции, улыбался, делал вид, будто меня страшно интересует то, о чем она рассказывает, а конверт с фотографиями лежал у меня в кармане и сквозь рубашку жег мне кожу. Я еле сдерживался, чтобы не бросить фотографии ей в лицо и не назвать ее так, как она заслуживает.

Наконец, Патриция ушла, напоследок посоветовав мне хорошенько отдохнуть. Это просто невообразимо — ей кажется, что я плохо выгляжу, переутомлен, напряжен, встревожен, она разговаривает со мной, как заботливая мамочка, и жесты у нее соответствующие. Вздохи, восторги, порывы страсти — это все она приберегает для него. На мою долю остаются микстуры!

Раскладываю на столе снимки. Отличная серия. Я вынужден признать, что Могам — специалист высшего класса, просто ас. И как только он захитрил сделать такие кадры? Теперь я пожалел о том, что не расспросил его. Шесть фотографий, одна красноречивее другой. На каждой Патриция обнимается с Ланном. Я узнал сад вокруг дома Ланна, особнячок, в котором он живет один. На заднем плане виднеются деревья парка Со. Это недалеко, на машине добираться совсем недолго, от силы минут двадцать. Патриция водит машину очень быстро, наверное, на дорогу много времени не тратит.

Я достаточно хорошо знаю дом, не раз в нем бывал. Внизу — гостиная, столовая и кухня, наверху — две спальни и ванная. Большой запущенный сад, — Ланн им совсем не занимается, — за высокими стенами, ограждающими от нескромных взглядов.

Ланн живет достаточно уединенно. По утрам приходит пожилая служанка, убирает в доме, готовит обед и в полдень уходит. При всем своем богатстве и громкой славе, Ланн — человек довольно простой, вкусы у него скромные, он не стремится себя рекламировать, не привлекает внимания. Правда, если приглашаешь чужую жену, и впрямь лучше обойтись без журналистов.

Рассматриваю фотографии. Не очень четкие, явно сняты издалека. Могам, наверное, влез на дерево, возвышающееся над оградой сада, и дождался подходящего момента. Два снимка сделаны против света. На Патриции ее любимое зеленое платье.

На первом — она и Ланн, держась за руки, идут через лужайку возле дома. На втором — они стоят на крыльце. Патриция тянется к нему, ждет поцелуя. Эти два снимка откладываю в сторону. Судя по освещению, они сделаны в середине дня, когда Патриция только-только пришла к Риша-

---

ру. Остальные четыре — позже. Они выходят из дома, вид у них довольный, потом что-то потягивают из бокалов, растянувшись в шезлонгах. На последней фотографии — Патриция за рулем своей «симки», она собирается выехать за ворота.

Складываю снимки в конверт и засовываю его поглубже в ящик стола. Знаю, что надо их разорвать, еще лучше — сжечь, но решиться на это не могу.

Рассеянно пробегаю глазами могомовский отчет, потом перечитываю еще раз, более внимательно. Расписание Ришара Ланна изучено детективом с такой тщательностью, что я невольно восхищаюсь проделанной им работой.

Мне становится известно, что Ланн уже три недели назад закончил сниматься в очередном фильме и на студии должен появиться не раньше, чем через полтора месяца. Я даже знаю, как будет называться очередная его картина.

Ришар редко выходит из дома, еще реже принимает гостей. Собственно, навещает его одна Патриция: она, если ничто не помешает, приезжает два раза в неделю, по понедельникам и пятницам после обеда.

Так, а сегодня у нас какой день? Четверг! Вот почему она отправилась делать прическу и... Я еще не вполне убедился. Кроме того, Ришар встречается с ней по средам вечером. Выронив листок, обхватываю голову руками. Я оглушен, уничтожен. Каждую среду Патриция предлагает мне пойти с ней в театр, прекрасно зная, что я откажусь.

В бешенстве скомкав отчет, сжигаю его в пепельнице. Больше он мне не понадобится, каждое слово накрепко врезалось в память.

Долго сижу, оставившись на магнитофон, даже не видя его.

Теперь мне известно все — дни, часы и место их свиданий. Я могу застукать парочку в любой момент, могу... и тут у меня в голове, в пылающем моем мозгу мелькает ослепительная молния. За какую-то долю секунды мне все становится ясно, я понимаю, как должен действовать.

Все складывается как нельзя лучше, с математической точностью выстраивается в неумолимом порядке. Мне остается лишь назначить день.

Почему бы не выбрать для этого среду на следующей неделе? Действительно, почему бы не в среду?

Дверь кабинета распахивается, мощный порыв ветра сметает со стола бумаги. В кабинет влетает Патриция, лицо у нее недовольное, в голосе упрек:

— Ронни, ты сидишь на самом сквозняке!

Проходит через комнату к окну, закрывает его. Она уже собралась, готова принести себя в жертву. Только она пока еще не знает, что палача в последний момент заменят. Несмотря ни на что, не могу не залюбоваться ею.

На ней — серое платье, шею украшает тонкая золотая цепочка, которую я же сам ей и подарил, впрочем, не только ее. Чулки плотно обтягивают красивые загорелые ноги. Короткие рукава почти не скрывают без-

упречной формы рук. Новая прическа слегка изменила ее облик, и волосы стали более яркого оттенка.

Вопросительно смотрю на нее:

— Уж не собираешься ли ты куда-то идти в такую погоду?

Она отвечает, не глядя на меня, листая первую подвернувшуюся книгу:

— Ты же знаешь, я просто обожаю прогулки под дождем.

— А как же твоя новая прическа? Ты ведь только что от парикмахера.

— В машине с ней ничего не случится. И со мной — тоже.

Садимся за стол. Я рассеянно слушаю новости, а сам глаз не могу оторвать от Патриции. Она ест молча, явно через силу. Краснеет, чувствуя на себе мой взгляд. Я много пью, но не пьянею. Между нами повисает плотное, тягостное, невыносимое молчание.

Патриция наливает себе чашку кофе и забирается с ней в кресло.

Я снова наливаю себе полный стакан вина, залпом опрокидываю. За моей спиной Патриция тяжело, неловко поднимается с кресла. Я оборачиваюсь и смотрю на нее. Она выходит и медленно поднимается по лестнице на второй этаж. Слышу, как она ходит взад и вперед по спальне, потом начинают гудеть трубы в ванной. Потом хлопает дверь, стонут пружины кровати, на которую рухнула Патриция. Неужели решила заснуть?

В наступившей тишине открываю окно, в него врывается свежий, прохладный воздух. Вдыхаю его полной грудью, и мне становится легче. Я чувствую себя одновременно умиротворенным и уязвленным. Довольно долго стою без движения, глядя, как дождь морщит гладкую поверхность воды в Марне, потом закрываю окно.

Мариетта пришла убрать со стола после обеда. Не слушая ее болтовни, время от времени отвечаю нечленораздельным мычанием. Мое внимание приковано к телефону. Ланн наверняка беспокоится. Бросаю взгляд на часы: половина четвертого.

Проглоченный за последний час алкоголь, наконец, начинает действовать, ударяет в голову. Мне кажется, будто стены шатаются, кружатся, но ни малейшей усталости я не ощущаю.

Поднявшись на второй этаж, тихонько приоткрываю дверь спальни. Патриция спит, вытянувшись на спине, растрепанные волосы окружают ее лицо золотым ореолом. Щеки пылают.

Закрываю дверь и ухожу к себе в кабинет. Вскоре пепельница уже полна окурков. Четыре часа. Ланн все не звонит. Представляю, как он мечется по комнате, словно тигр по своей клетке, кружит у столика с вином и пирожными, то и дело приглаживает волосы, когда на глаза ему попадает зеркало.

Мои плечи трясутся от невеселого смеха. Я от всего сердца жалею бедняжку Ришара, знал бы он, как я ему сочувствую!

Внезапно раздавшийся телефонный звонок ударяет в барабанные перепонки. Шестое чувство подсказывает мне, что это звонит он. Даю ему потомиться, не спешу снять трубку: каким бы нетерпением ни был охвачен Ланн, вряд ли оно сильнее моего.

Оттягиваю до последнего, потом беру трубку.

— Да!

По моему голосу ни о чем догадаться нельзя. Он, наверное, строит там одну гипотезу за другой, и все — совершенно неправдоподобные. Слышу, как учащается его дыхание, он не узнал меня, но понимает, что это не Патриция. Наконец, решается заговорить.

— Кто это?

— Ронни Блэк, слушаю вас.

Короткие гудки — он повесил трубку. Я тоже кладу трубку, поднимаю глаза.

Передо мной стоит Патриция в накинутом на плечи халате. Смотрит вопросительно.

— Кто звонил?

— Не знаю. Ты ждала звонка?

Она досадливо морщится.

— Ничего я не ждала. Просто этот звонок меня разбудил, вот и все.

Поворачивается ко мне спиной и поспешно выходит из комнаты.

Мне остается только наблюдать за ней до вечера и любой ценой помешать переговорить с Ланном. В субботу утром я позволю ей это сделать, но только по телефону, это неизбежно, и это входит в мои планы, не могу же я все время торчать у нее за спиной так, чтобы не вызвать подозрений. Надо, чтобы она пообещала ему приехать в понедельник. Но она опять не явится на свидание. Я хочу, чтобы они сгорали от нетерпения, чтобы мечтали о встрече, чтобы лихорадочно ждали вечера среды.

Это будет великий вечер. Их последний вечер.

Патриция так никуда и не ушла, бродила, как неприкаянная, по дому до самого ужина, потом уселась перед телевизором. В десять часов я ушел от нее и отправился в кабинет диктовать двадцать первую главу своего романа.

Мне стоило нечеловеческого труда вернуться к работе, я никак не мог ощутить атмосферу, но потом ремесло и привычка сделали свое дело, и я диктовал целый час.

Я знал, что получалось не блестяще, мои персонажи изменились, их поведение покажется художественному совету необъяснимым. Я смотрю теперь на мир другими глазами, моя система ценностей внезапно перестроилась, рухнуло все, во что я еще недавно верил.

Откручиваю пленку назад, потом слушаю то, что надиктовал, и выключаю магнитофон.

Снизу доносится голос телевизионного комментатора из программы новостей, слова звучат приглушенно. Может быть, через неделю он вот так же будет рассказывать об убийстве Патриции.

Глава 8

Суббота, воскресенье, понедельник, вторник — четыре дня прошли в невыносимом напряжении. Особенно тяжелым был понедельник. Для того, чтобы не дать Патриции встретиться с Ланном, я увез ее обедать в

Барбизон. На ней было легкое платье, мужчины на нее засматривались, завидовали мне, и лишь я один знал, что веселость ее — напускная. За столом она то и дело украдкой поглядывала на часы. В три она встала, извинилась и направилась в сторону туалетов. Я видел, как она о чем-то поговорила с барменом, потом надолго исчезла. Расплачиваясь, я внимательно просмотрел счет: телефонный звонок в него включен не был!

Когда Патриция вернулась, на ее лице уже не было притворной улыбки. Наверное, Ланн устроил ей сцену и, в общем-то, был прав, она пропустила два свидания подряд.

Я прикинулся встревоженным: может быть, лучше вернуться домой? Не замерзла ли она? Не простудилась? Не разболелась ли у нее голова? Патриция кусала губы, я видел, что она вот-вот расплчется.

После обеда я надолго утащил Патрицию в лес — погулять на свежем воздухе. Около четырех мы снова сели в машину и поехали дальше, в Немур. Вернулись только к ужину.

После ужина Патриция сразу же легла, а я закрылся в кабинете и принялся диктовать двадцать вторую главу романа.

Сегодня утром Берта расшифровала запись, а во второй половине дня я, как обычно, внес правку синим карандашом.

Сейчас вечер вторника, и мне предстоит поработать больше обычно. Передо мной с шорохом прокручивается пленка, я сижу, подперев лоб рукой, и в каком-то потустороннем состоянии одновременно диктую двадцать третью главу и стенографически ее записываю. Мои персонажи ведут себя вполне логично, но голова у меня занята собственными проблемами. Время летит быстро, а до полуночи еще столько надо успеть!

Наконец глава закончена. Я прокручиваю кусочек пленки впустую и выключаю магнитофон. Надо проверить еще раз. Я все делаю как надо, но ничего нельзя упустить, я не имею права даже на самую незначительную ошибку. Та катушка, что сейчас стоит на магнитофоне, содержит три главы. Две из них Берта уже отпечатала на машинке. Передо мной лежит выправленная рукопись.

Делаю несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы расслабиться, и снова приступаю к делу. Теперь самое главное: я снимаю пленку с тремя главами и ставлю чистую катушку. Включаю запись и читаю тот кусок, который сочинял в пятницу и понедельник по вечерам. Диктую по напечатанным Бертой листкам рукописи.

Закончил. Теперь у меня на двух пленках есть двадцать первая и двадцать вторая главы. Ставлю вторую сторону и, пользуясь своими стенографическими заметками, второй раз диктую двадцать третью главу. Теперь, когда я закончил и это, у меня две катушки, на каждой из которых записаны двадцать первая, двадцать вторая и двадцать третья главы. Даю катушке покрутиться еще минуту-другую. На лбу у меня выступил пот, в висках стучит кровь, я собираюсь с силами для броска и диктую двадцать четвертую главу, ту, которую должен записать только завтра вечером.

В самый разгар работы дверь отворилась, и в кабинет вошла Патриция. Увлечшись, я не слышал, как она подошла. Я даже не заметил, когда она выключила телевизор.

Останавливаю запись. Патриция в ночной рубашке, уже готова лечь в постель.

— Ронни, ты все никак не закончишь, уже первый час. Чем это ты сегодня так занят?

У меня внутри все оборвалось. Провожу рукой по лбу и с трудом, еле слышным голосом отвечаю:

— Я неважно себя чувствую. Работа не идет.

— Ну, так остановись, никто же не заставляет тебя так гнать.

Качаю головой.

— Ты пока ложись, я уже почти закончил и через несколько минут к тебе приду.

— Хорошо, милый!

Она не спорит и уходит после короткого, довольно-таки прохладного поцелуя.

Закрываю окно, возвращаюсь к письменному столу. Я уже ничего не соображаю, руки у меня дрожат, ладони взмокли, мне кажется, мой череп вот-вот не выдержит и лопнет. Включаю магнитофон, заново прокручиваю пленку. С моих закушенных губ срывается облегченный вздох: звуки с улицы не слышны. Зато записался приход Патриции, ее первые слова. Стираю эту часть записи, повторяю все заново.

К часу ночи все закончено, кажется, я ничего не забыл. Сжигаю заметки, при помощи которых без ошибки надиктовал двадцать третью главу, и снова заряжаю магнитофон первой пленкой. А ту, другую, с записью главы, которую я должен был надиктовать только завтра, прячу под стопкой чистых пленок.

Теперь у меня есть алиби!

Завтра утром Берта, как обычно, приступит к работе. Она расшифрует двадцать третью главу и потом даст немного прокрутиться пустой пленке. Когда понадобится, она сможет подтвердить под присягой, что больше там ничего записано не было. Ничего!

Совершенно вымотанный, иду в спальню. Ложусь рядом с Патрицией, но уснуть не могу. Перебираю в памяти все, что сделал. Моя судьба может зависеть от любого пустякового случая, достаточно, чтобы он произошел под окнами моего кабинета. Да нет, мне случается работать и с закрытыми окнами, а телевизор не так громко орет, чтобы звук его записался на пленку. Впрочем, завтра телевизор будет выключен, Патриция уйдет, а поскольку, когда я диктовал двадцать четвертую главу, телевизор уже не работал, все в полном порядке.

Снова мысленно проверяю и перепроверяю все свои действия. Затем, покончив с этой частью своего плана, перехожу к следующей и продумываю все, что непосредственно относится к исполнению.

Назавтра я пригласил к обеду собрата по перу Франсиса Берта. Надо будет задержать его до вечера, но у нас найдется, о чем поболтать. По-

---

том я предложу ему остаться поужинать. Машины у него нет, и Патриции придется отвезти его домой, а я тем временем сведу счеты с Ланном.

Наверное, это будет не так-то легко — он здоровый, крепкий мужик, но на моей стороне есть одно преимущество: внезапность, я воспользуюсь его растерянностью. Он будет ждать Патрицию, а когда вместо нее в дом войду я, будет уже поздно.

Если он вдруг заметит меня раньше, чем я начну действовать, он все равно ничего не сможет сделать, даже если догадается, что я хочу его убить. Так обычно происходит в подобных случаях. Да Ланн меня и не увидит. Он должен расплатиться вместо меня. Я знаю, где он держит револьвер. Он сам мне его показал, думал, автору полицейских романов интересно взглянуть на оружие. Он не ошибся — его пушка 38-го калибра неудержимо влечет меня к себе, рука так и тянется к револьверу, мне не терпится ощутить его тяжесть.

Сжимаю кулак, нечаянно толкнув при этом Патрицию. Она что-то бормочет во сне, поворачивается на другой бок, кладет руку мне на грудь. Приподнявшись на локте, смотрю на спящую жену.

Когда я впервые увидел, как она спит? От этого воспоминания у меня сжимается сердце. Длинные ресницы подрагивают, она вздыхает, морщит нос, спокойно, доверчиво вытягивается на постели, глубоко дышит, полуоткрыв рот.

Меня охватывает невыносимая тоска. Патриция, Патриция! Как я люблю тебя!..

Глава 9

Мариетта подает ликеры.

Франсис Берт, удобно устроившись в шезлонге, потягивает ликер с видом знатока, раздувает ноздри толстого носа.

Мы сидим на лужайке за домом. В полумраке я скорее угадываю, чем вижу, Патрицию, просто ощущаю ее присутствие.

Из-под двери гостиной просочилась струйка света, добралась до Франсиса Берта, играет в его роскошной седеющей гриве. Щеки гостя лоснятся от сытной еды и хорошей выпивки. Ему — пятьдесят пять лет. Он несколько растолстел от неподвижного образа жизни и чревоугодия. В свое время Берт был довольно известным писателем, но стремительное развитие литературы постепенно оставило его за бортом. Свои неудачи и разочарования он заливает спиртным и, думаю, завидует молодым, которые его обставили.

Слышу, как Патриция вздыхает в темноте. На моих часах — десять минут десятого. Она возится, чем-то шуршит, ей явно не сидится на месте. Допиваю свой коньяк, мне хорошо, я сегодня почти ничего не пил, и теперь моя кровь разогрелась от алкоголя, а голова осталась ясной.

Франсис Берт откидывается на спинку шезлонга, рот у него приоткрыт, он дремлет.

Я наслаждаюсь этими минутами покоя, безмятежности. С самого утра мне не удавалось хоть сколько-нибудь отдохнуть. Утром Берта печатала двадцать третью главу. Я ни на шаг от нее не отходил. Убедившись, что она достаточно долго крутила пустую пленку, я завязал с ней долгий разговор о работе, которую собирался сделать вечером, мне ничего не стоило внушить ей мысли, которые она как будто бы подсказывала мне. Словом, она ушла, глубоко убежденная в том, что внесла большой и ценный вклад в работу, проделанную без ее помощи и уже законченную.

Тем временем появился Франсис.

Мы пообедали в саду, в тени каштанов. Франсис живет в центре Парижа и охотно принял наше приглашение, он даже обрадовался возможности провести с нами день. А нам пришлось терпеть его бесконечный треп, да еще в придачу выслушать во всех подробностях план его будущего романа.

Весь день Патриция казалась спокойной. Она начала нервничать только под конец обеда. Я без труда могу прочесть ее мысли. Ее ждет Ланн. Она то и дело меняет позу, не может усидеть в кресле, с мучительной тоской следит за неумолимо уходящим временем. Еще час, и пропадет уже третье свидание подряд. Должно быть, она в душе давно проклинает Берта, который теперь еще ко всему взял да и заснул! Все! Идти уже поздно!

Закуриваю, прислушиваясь к доносящимся с кухни звукам. Мариетта гремит посудой, должно быть, убирает ее в буфет. Еще несколько минут, и она, закончив работу, уйдет в свою комнату.

Плетеное кресло, в котором сидит Патриция, тихонько поскрипывает. Поворачиваюсь к ней. Ее невозможно разглядеть в темноте, я еле угадываю очертания фигуры. Она наклоняется ко мне, шепчет:

— Думаешь, тебе еще удастся сегодня поработать? От этой пивявки не избавишься!

Мои губы раздвигаются в невеселой улыбке, больше похожей на крикую болезненную гримасу. Едва слышно шепчу в ответ:

— Пойду поработаю, все-таки это легче, чем его слушать. Хорошо, хоть сейчас отключился.

— Милый, только не бросай меня с ним одну!

Не могу удержаться от желания помучить ее.

— А что тут такого, тебе остается только присматривать за ним вместо мамочки.

Она отвечает еще тише, почти беззвучно, ее голос дрожит и замирает, наверное, нервы у нее на пределе. Каждая секунда стала для нее нестерпимой пыткой.

— Ронни, прошу тебя, не делай этого!

— Тебе надо куда-то уйти?

Жду ее ответа, сердце отчаянно колотится, вот-вот выскочит из груди. От слов, которые сейчас сорвутся с губ Патриции, зависит ее жизнь. Впрочем, ответ мне известен заранее. И даже если бы она сказала «нет», она только выиграла бы время, несколько дней, самое большее — неделю, но

я еще семь дней мог бы держать ее в своих объятиях. Кажется, никогда я не любил ее так сильно, как сегодня вечером. Не знаю, какая сила удерживает меня от того, чтобы броситься к ее ногам и вымалить прощение.

От ее ответа мое сердце перестает биться.

— Схожу в кино, в «Рекс». Может, бросим его здесь, пусть себе спит?

— Нет, вдруг он проснется и будет истязать меня, пока ты не вернешься? Может быть, если тебе не трудно, забросишь его домой? Он живет недалеко от Биржи труда, тебе это по пути.

На какую-то долю секунды она задумывается, наверное, молча прикидывает, сколько поцелуев отнимет у нее этот крюк, скольких ласк она недосчитается; но, с другой стороны, я даю ей единственную законную возможность улизнуть.

Снова слышу ее голос. Она не может скрыть радости, слова звенят торжеством, она ликует. Из ее груди вырывается вздох облегчения.

— Хорошо, давай, буди его. Я пойду собираться.

Не дожидаясь моего ответа, она встает. Тенью проходит передо мной. На мгновение ниточка света запуталась в ее рыжих волосах, зажгла в них золотые отблески, скользнула вниз, очертила крутые бедра, нежно коснулась стройных загорелых икр и снова затерялась в шевелюре Франсис Берта.

Патриция окончательно превратилась в тень. Слышу, как она взбегает по ступенькам. Хлопает дверь, льется вода, позвякивают флаконы на туалетном столике. Ясно, торопится: теперь, когда она добилась своего, выиграла эту партию, ей не хочется потерять ни секунды.

Чувствую, как перекашивается мое лицо. Нет, ну надо же ей было так на нем помешаться!

Франсис Берт вздрагивает, приоткрывает один глаз, зеваает и встряхивается. Постепенно начинает соображать, где находится.

— Ах, черт! Простите меня, Ронни, я, кажется немного вздремнул.

— Всего минутку.

— Мне так неловко.

— Да ладно, это же естественно.

Подходит Патриция, останавливается у меня за спиной. Наше состязание в вежливости, наверное, доводит ее до белого каления, ведь оно может и затянуться. Она делает последнюю ставку.

— Я собираюсь в кино. Если хотите, могу по дороге забросить вас домой.

Собственно, я ничего не имею против: свою роль он уже сыграл, пора ему уходить со сцены. Предлагаю выпить по последней. Берт смотрит на часы.

— Уже половина десятого! Из-за меня вы опоздаете к началу сеанса!

Патриция улыбается:

— Я хочу посмотреть только фильм, журнал меня не интересует.

— Понятно. Ронни, а вы тоже идете?

— Нет, я буду диктовать двадцать четвертую главу того романа, который пересказывал вам сегодня вечером. Когда я плотно вхожу в работу, то не позволяю себе ни малейшей передышки, никогда не расслабляюсь...

— Вы правы: секрет успеха — в упорном и неустанном труде, и еще...

Патриция выразительно поглядывает на часы. Берт понимает безмолвный намек и встает:

— Дорогие друзья, я замечательно провел день, все было чудесно, надеюсь вскоре увидеть вас у себя.

Патриция идет к гаражу. Берт подхватывает ее под руку, я вслед за ними пересекаю лужайку. Он снова начинает извиняться:

— Мне так неловко, в самом деле...

Похоже, за время своего недолгого сна он так и не протрезвел.

Провожая его до «симки», усаживаю рядом с Патрицией. Она подставляет мне губы. Холодный, равнодушный поцелуй, тягостная повинность, от которой хочется побыстрее отделаться.

Какая она красивая! Глаза блестят, молодое гибкое тело горит страстью и нетерпением. Она включает первую скорость, машина выкатывается из гаража. Патриция оборачивается ко мне:

— Милый, закроешь за мной ворота?

Молча киваю — в горле у меня стоит комок. «Симка» с тихим ворчанием отъезжает. Мне приходится прислониться к стене, чтобы удержаться на ногах.

И вот Патриция превратилась в красную точку, совсем маленькую точку. Прощай, любовь моя...

Меня трясет, я обливаюсь потом, мне не сразу и лишь с большим трудом удается оторваться от стены. Прикрываю ворота гаража, но не запираю, гашу свет и, еле передвигая ноги, иду к дому.

На мгновение мне захотелось все бросить. У меня не осталось ни сил, ни решимости довести дело до конца. Но стоило мне представить себе голую, задыхающуюся от страсти Патрицию в объятиях Ланна, и эта картинка подействовала на меня, словно удар хлыста.

Перебегаю лужайку, захожу в дом. Мариетта появляется в дверях кухни в ту самую минуту, как я ставлю ногу на первую ступеньку лестницы. Она уже сняла передник и собирается уйти к себе. Смотрит на меня лишенным всякого выражения взглядом и сообщает:

— Я все закончила.

— Прекрасно, Мариетта, идите. Жена ушла, а я сажусь за работу. Вы приготовили для меня минеральную воду?

— Да, мсье.

— Спасибо, Мариетта, и спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она уходит. Я поспешно взбегаю по лестнице, влетаю в кабинет. Уже половина десятого. В десять я должен быть у Ланна. По моим подсчетам, Патриция доберется до него не раньше, чем к четверти одиннадцатого, самое раннее — в десять минут одиннадцатого.

Включаю свет, закрываю окно. Щелкает клавиша магнитофона, пленка начинает крутиться, и вскоре трех надиктованных глав романа как не бывало. Они стерты. Я прячу пустую пленку среди других бобин, вместо

нее ставлю на магнитофон ту, на которой записана двадцать четвертая глава.

Убедившись, что все в порядке, быстро выхожу из кабинета. В доме — темно и пусто. Выглянув из окна столовой, вижу, как тень Мариетты пляшет на занавесках окна ее комнаты.

Жду несколько минут. Свет гаснет, Мариетта легла. Сейчас заснет. Она спит, как бревно.

Уже вполне овладев собой, направляюсь к гаражу.

Глава 10

Завожу мотор, он начинает тихонько урчать, медленно выезжаю на дорогу. Еще несколько секунд у меня уходит на то, чтобы закрыть ворота и снова забраться на сиденье.

Берега Марны пустынно. Сладкая музыка словно покачивается на волнах — играет оркестр в соседнем ресторанчике. Резко нажимаю на педаль акселератора, и машина срывается с места. Этот район я знаю, как свои пять пальцев. Еду быстро, слева показывается мост Бонней, пролетаю по нему на полной скорости, сворачиваю вправо, доезжаю до перекрестка Помпадур, стрелка дрожит около 120. Авеню Версаль расстилается передо мной — пустая и гладкая, как автодром. Прибавляю скорость до 140, выезжаю на шоссе, ведущее в Круа-де-Берни. Сбавляю скорость, мимо меня проплывает парк Со. Последние два поворота — и вот до дома Ланна остается всего каких-то двести метров.

Немного покружив, нахожу укромное местечко, где можно поставить машину. Здесь совершенно темно. Останавливаюсь, выключаю фары, натягиваю пару тонких перчаток и запираю дверцу.

Смотрю на часы. Пять минут одиннадцатого. Я потратил на дорогу несколько больше времени, чем рассчитывал. Каждая минута на счету. Быстрым шагом иду к дому.

Легкий ветерок пробегает по верхушкам деревьев, благоухают цветы в соседних садах. Окна распахнуты, из них в ночную тишину выплескиваются обрывки радиопередач. С лужаек доносятся негромкие голоса.

Иду по улице стремительно и бесшумно, сливаясь с ночными тенями. Свет фонарей слишком слаб, чтобы кто-то мог меня рассмотреть и узнать.

Останавливаюсь у ограды дома Ланна. Как я и думал, ворота открыты. Окно гостиной освещено. Наверное, Ланн сейчас бродит взад-вперед, курит одну сигарету за другой, тревожно прислушивается к малейшему шороху, надеясь различить звук мотора. Патриция опаздывает. Он уже достаточно издерган и взвинчен для того, чтобы все, кроме этого нетерпеливого ожидания, перестало для него существовать. Мои губы невольно кривятся: как бы там ни было, его нервы подвергаются не такому жестокому испытанию, как мои собственные.

Подкрадываюсь к окну гостиной, осторожно заглядываю в комнату. На низком столике — ваза с большим букетом роз, рядом — ведро со

льдом, из которого торчит горлышко бутылки. Горит только одна лампа; кресла и большой диван, на котором они, должно быть, и совершают свои любовные подвиги, остаются в полумраке. Толстый ковер заглушает шаги Ришара Ланна, который мечется по комнате, как зверь по клетке.

Несколько секунд рассматриваю соперника. На нем — серые габардиновые брюки, из-под расстегнутого ворота белой рубашки выглядывает шелковый платок. Синие кожаные сандалии на босу ногу. На тонком, красивом лице — тревожное выражение, он то и дело смотрит на часы, поглядывает на дверь.

Вдоволь на него налюбовавшись, отхожу от окна и огибаю дом. Дверь, ведущая в кухню, не заперта. Через кухню попадаю в прихожую. Чтобы ориентироваться здесь, мне не нужен свет. Справа от меня — лестница. Слышу, как Ланн, наткнувшись на какой-то острый угол, вполголоса чертыхается. Из-под двери гостиной выползает узкая полоска света.

В три бесшумных прыжка оказываюсь на площадке второго этажа. Дверь спальни — прямо напротив. Рукой в перчатке берусь за ручку, слегка поворачиваю, толкаю дверь — и вот я уже в спальне.

Ставни не затворены. В окно светит полная луна. Не взглянув на широченную кровать, иду к стоящему напротив нее комоду. Если память мне не изменяет, револьвер должен лежать в верхнем ящике. Пока я этот чертов ящик вытягиваю, сердце у меня в груди бешено колотится. Перед глазами оказываются стопки белья. Лихорадочно роюсь в ящике, ворошу майки и трусы в поисках оружия. По спине у меня начинает ползти струйка холодного пота. Еще полминуты, и я убеждаюсь: револьвера нет. Меня начинает трясти с головы до ног, хладнокровие улетучивается. Поспешно запихиваю белье на место, выдвигаю второй ящик. Руки дрожат, в голове проносятся обрывки безумных мыслей. Если я через пять минут не отыщу револьвер, все мои планы рухнут. В этом ящике лежат бумаги. Роюсь в них, несколько писем падают на ковер, наклоняюсь, чтобы поднять их, узнаю почерк Патриции.

Но я же должен найти этот чертов револьвер! Во втором ящике его тоже нет. Дергаю ящик так сильно, что целиком вытаскиваю его из комода. Едва успеваю подхватить, чтобы он не свалился на пол.

Кровь отчаянно стучит в висках. Я начинаю сходить с ума. С минуты на минуту может появиться Патриция, все может зависеть от пустяка, от случайного звука, от ее нетерпения, от какого-то упущения с ее стороны.

Ставлю ящик на пол и снова перерываю его сверху донизу. Наконец-то! С моих губ срывается вздох облегчения, исчезает сдавившая грудь тяжесть — мои пальцы наткнулись на холодный металл револьвера 38-го калибра, того самого, которым хвастался Ланн. Вдвигаю ящик на место, иду к окну. В лунном свете зловеще поблескивает ствол. Проверяю барабан, убеждаюсь, что револьвер заряжен, кладу его в карман и выхожу из комнаты.

Тыльной стороной ладони утираю пот со лба, иду к лестнице.

С тех пор, как я вошел в спальню, не прошло и трех минут, но мне показалось, что все это тянулось бесконечно долго.

Перегибаюсь через перила. В холле темно. Золотая черточка света обозначает приоткрытую дверь гостиной. Медленно спускаюсь вдоль стены. Удача мне улыбается: пока ни одна ступенька не скрипнула.

Внезапно дом затопляет волна музыки. Ланн включил радио и теперь выбирает программу на свой вкус. Вот он немного убавил звук и крутит ручку настройки. Воспользовавшись этим, подвигаюсь к двери гостиной. Кажется, он, наконец, сделал выбор, остановился на каком-то симфоническом концерте. Вхожу в кухню. Достāju револьвер из кармана, заворачиваю в тряпку. Еще мгновение, и снова оказываюсь у входной двери.

Голова работает четко, мысли ясные, я спокоен, только дыхание немного учащенное. Подхожу к двери, два раза негромко стучу в нее стволom револьвера, потом прижимаюсь к стене. Я совершенно невидим. Ланн никак не сможет включить свет в холле — выключатель у входной двери.

Следующие секунды показались мне самыми долгими в моей жизни. Слышу, как приближаются его шаги. Я весь превратился в слух, так напрягся, что различаю даже тиканье собственных часов. И мне кажется, что Ланн тоже его слышит.

Дверь открывается. Ланн стоит совсем рядом со мной, почти касается плечом. Стискиваю зубы.

— Это ты, дорогая моя?

Размахнувшись, обрушиваю рукоятку револьвера на затылок Ланна. Он тяжело падает к моим ногам. Несколько секунд смотрю на него, несколько ошеломленный тем, с какой легкостью его свалил. Потом нервы не выдерживают, меня начинает трясти, и приходится действовать, не дав себе времени успокоиться.

Лежащий Ланн кажется мне выше и красивее, чем всегда. Наклонившись, оттааскиваю его на середину гостиной. Завернутое в тряпку оружие не оставило следа. Место, куда пришелся удар, только чуть покраснело.

Перевернув Ланна на спину, убеждаюсь в том, что соперник жив. Пройдет не менее получаса, прежде чем он придет в себя. Пробуждение его будет кошмарным. Иду в кухню, кладу тряпку на место, возвращаюсь в гостиную.

В пепельнице дотлеает окурок. Лепесток розы, отделившись от цветка, кружит в воздухе и плавно опускается на белый ковер, он похож на пятнышко крови. Ведерко со льдом запотело. Мне самому странно, что я замечаю все эти незначительные детали.

Ланн тяжело дышит, стонет. Он оказался крепче, чем я думал, но я точно знаю, что он еще не скоро придет в себя, и время у меня есть.

Закуриваю. В перчатках мне неудобно, жесты становятся неловкими, спичка падает у меня из пальцев на ковер, прожигает дырку. Подбираю спичку, кладу в пепельницу, где она и догорает.

На моих часах десять минут одиннадцатого. Несмотря на то, что звучит радио, мне кажется, будто в доме повисла тяжелая, угнетающая тишина. Ожидание становится невыносимым. Дым от сигареты поднимается в неподвижном воздухе вертикальной струйкой. Правая рука, независимо от моей воли, стискивает револьвер, мне снова трудно дышать.

Ланн перестал стонать, цвет его лица сделался восковым.

Внезапно я застываю, словно прикованный к полу. Все мышцы болезненно сведены, меня бьет дрожь. Только что подъехала какая-то машина. Остановилась под деревьями. Хлопают дверца. Раздаются шаги. Каблуки стучат все громче, все чаще, кто-то взбегаёт на крыльцо. Входная дверь тихонько скрипит. Шаги отдаются в моем гудящем черепе ударами молотка. В одно мгновение человек оказывается у двери гостиной. Дверная ручка поворачивается, и мое сердце перестает биться.

Не отрывая взгляда от двери, поднимаю револьвер. Дверь открывается. Я готов отдать все, что угодно, лишь бы за ней оказалась не Патриция...

Глава 11

Мы стоим лицом к лицу. Патриция вжалась спиной в стену, глаза у нее непомерно расширились. Она часто дышит, грудь быстро-быстро поднимается и опускается.

Ее взгляд прикован к стволу револьвера, она не может от него оторваться. В одну секунду Патриция охватила взглядом всю сцену: бесчувственный Ланн, валяющийся у наших ног, радио, из которого льется тихая музыка, звучащая сейчас почти непристойно, она совершенно неуместна, и, наконец, револьвер тридцать восьмого калибра, готовый выплюнуть смерть. Ее собственную смерть.

Патриция так торопилась. Она буквально влетела в дом. Глаза блестя, губы приоткрылись, она всем телом тянулась навстречу ласке. И вот — резко остановилась, застыла.

Превращение совершилось в один миг. Патриция как будто стала меньше ростом, ей пришлось прислониться к стенке, чтобы не упасть. Рот раскрылся. Что она собиралась делать? Кричать? Молить о пощаде? Этого я не узнаю никогда. Она пристально смотрит на револьвер и знает, что сейчас умрет.

Она по-прежнему красива. В уголках глаз блестят слезинки. Между нами Ланн — ничто и никогда не сможет убрать эту преграду. Но сейчас я не должен дать Патриции заговорить. Если она скажет хоть слово, я уже не смогу выстрелить.

Мой палец, лежащий на спусковом крючке, напрягся. Мы смотрим друг на друга, перед нами проходит все наше прошлое, мое лицо искажено гримасой боли. Я не выдерживаю, опускаю глаза.

«Патриция!»

Мой крик заглушен выстрелом. На груди Патриции вспыхивает красное пятнышко, стремительно растёт, расплывается.

Патриция, любимая!

Одним прыжком оказываюсь рядом с ней. Она прижимает обе руки к груди, делает шаг ко мне — всего один шаг. Сквозь слезы, застилающие мне глаза, словно в тумане, вижу, как между ее сведенными пальцами сочится кровь. Она еще находит в себе силы поднять голову.

— Ронни...

Бескровные губы искривились.

— Патриция, я...

Не успеваю даже руку протянуть, Патриция падает и лежит неподвижно. Я обезумел от горя, мне нестерпимо больно. Умоляю ее:

— Патриция, ответь мне!

Ресницы дрогнули, Патриция судорожно передернулась, ее лицо на мгновение исказилось от боли. Все кончено. Теперь ее лицо разгладилось, стало спокойным, ясным, черты определились окончательно. На губах застыло подобие улыбки. Глаза открыты. Она смотрит на меня из вечности.

Встаю, пошатываясь, и чувствую, что схожу с ума, я истерзан горем, и вместе с тем голова совершенно ясная. Как будто мое сердце и мой разум ничем не связаны между собой.

Я способен подмечать малейшие подробности, я все запоминаю: положение тел, расплывающееся по ковру пятно крови, юбку Патриции, слегка задравшуюся на коленях. Машинально поправляю на ней платье, а мое сердце рвется от боли на части.

Во мне оказались два существа, они не могут ужиться друг с другом, каждое действует независимо от другого, само по себе. Вскоре перевес оказывается на стороне упорядоченного ума.

Я знаю, что соседи Ланна могли услышать выстрел, скоро они придут сюда. Мое второе, спокойное «я» берет на себя руководство дальнейшими действиями. Меня окружает туман, мне кажется, будто я продаюсь сквозь вату. С трудом отвожу глаза от тела Патриции, и это как будто помогает мне прийти в себя, сразу становится легче, все делается проще.

После выстрела прошло всего несколько секунд, в гостиной еще плавает дым, не рассеялся запах пороха. Я по-прежнему сжимаю в руке револьвер. Я так крепко в него вцепился, что больно пальцам. Наклоняюсь над Ланном. Он не шевелится. Приближаю револьвер к его виску, повернув стволом к стене, так, чтобы пуля прошла по касательной, спускаю курок. Ланн дергается, ожог вывел его из забытья. Но прежде чем он успевает открыть глаза, на него снова обрушивается удар; я попал по тому месту, где волосы обожжены порохом. Ланн снова впадает в бессознательное состояние.

Пуля, слегка задев Ланна, вошла в стенку и выбила несколько кусочков штукатурки, которые упали на сервировочный столик и раскрошились.

Осматриваю рану. Да, очень похоже, будто он хотел застрелиться и промахнулся. Вкладываю револьвер в его правую руку, покрепче прижимаю пальцы к рукоятке.

Теперь, когда я уверен, что он оставил на ней отпечатки пальцев, выпускаю его руку. Револьвер выскальзывает и падает на пол рядом с бесчувственным Ланном.

Встаю, оглядываю комнату, стараясь не видеть тела Патриции. Так: бутылка шампанского, розы, Ланн валяется на полу, все в порядке.

Нетвердо ступая, выхожу из гостиной. С улицы уже доносятся крики, топот бегущих ног, кто-то с кем-то перекликается. Сейчас сюда целая толпа набежит. Иду в кухню, осторожно приоткрываю дверь, выскальзываю в сад.

Здесь никого нет, все собрались у парадной двери. Словно лунатик, иду по темному саду. Звезды над моей головой отплясывают бешеный танец. Вот я уже стою на стене, за которой парк. Вот я уже на улице. Немного покружил, чтобы подальше обойти соседей Ланна. Шум затихает, никто меня не видел, иду осторожно, прижимаясь к стенам, используя любой темный закоулок, любую выемку, стараюсь слиться с темнотой ночи, раствориться в ней, словно призрак.

Неожиданно прямо передо мной оказывается моя машина. Вставляю ключ, негромкий щелчок — и вот я уже за рулем.

Минутой позже сворачиваю с шоссе у Круа-де-Берни. Стрелка спидометра приближается к отметке 120. Придорожные деревья проносятся мимо с головокружительной скоростью. Я знаю, что веду себя неосторожно. Нельзя ехать так быстро, можно напороться на патруль дорожной полиции. Но у меня очень мало времени, чтобы вернуться домой. К тому времени, как полицейские, которым поручат расследование, отыщут мой адрес и телефон, я уже должен сидеть в своем кабинете.

На поиски им много времени не понадобится. «Симка» стоит у дворе, и сумочка Патриции должна лежать на сиденье. Времени у меня в обрез. Соседи, наверное, уже позвонили в ближайший полицейский участок, оттуда вышлют на место происшествия рядовых полицейских, а те, в свою очередь, свяжутся с инспекторами. Все это займет у них от силы минут двадцать, потом работа начнется по-настоящему.

Я весь в поту, зубы до боли сжаты, изо всех сил давлю на педаль акселератора, стрелой проношусь через перекресток Помпадур. Вскоре передо мной вырастает металлический каркас моста Бонней. Поворачиваю направо, снимаю ногу с педали. До цели осталось метров пятьсот, выключаю мотор, машина едет по инерции.

На часах двадцать минут двенадцатого, время пролетело с невероятной скоростью, но каждая отдельная секунда тянулась бесконечно.

Ставлю машину у ворот гаража и выхожу.

Несколько парочек, обнявшись, идут к реке, они слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на меня. От воды поднимается легкий туман, окутывает их, скрывая от моих глаз.

Музыка из ресторанчика доносится приглушенно, ветер переменялся.

Ставлю машину в гараж и устраиваю там легкий сквозняк: если полицейские окажутся более или менее сообразительными, они могут догадаться потрогать капот. Надеюсь, радиатор успеет остыть до их появления.

Хотел бы я знать, что сейчас делается в доме Ланна. Меня не отпускает глухая тревога, нервы на пределе. Я боюсь, что где-то мог ошибиться, что-то сделал не так, но в любом случае теперь уже поздно, ничего изменить нельзя.

Быстро пробегаю через лужайку, вхожу в дом через кухню. Все спокойно. Приоткрываю дверь столовой, бросаю взгляд в сторону комнаты, где спит Мариетта. Там темно. Поднимаюсь на второй этаж, открываю дверь кабинета. С ужасом осознаю, что едва не засыпался, и на то, чтобы исправить положение, времени у меня в обрез.

Пепельница пуста и чисто вымыта, бутылка минеральной воды осталась нетронутой, чего никогда не бывает после того, как я провел два часа за работой.

Наливаю стакан воды, одним глотком его осушаю, за ним второй и третий. Мне не приходится вливать в себя воду насильно — меня и в самом деле мучает жажда.

Закуриваю одновременно две сигареты и судорожно затягиваюсь. Вскоре горло у меня пересыхает и приходится выпить еще стакан воды, уже четвертый по счету. Третью сигарету я ломаю пополам, зажигаю обе половинки, делаю четыре или пять затяжек и сминаю окурки в пепельнице.

Вскоре в кабинете становится нечем дышать. Открываю окно и слышу, как в эту самую минуту часы на колокольне бьют половину одиннадцатого. Жадно дышу, набираю полную грудь воздуха. Отхожу от окна и устраиваюсь за рабочим столом.

Рядом со мной — магнитофон. Меня осеняет внезапная идея. Придвигаю магнитофон поближе к себе, стираю то, что надиктовано за последние несколько минут работы, и держу магнитофон наготове. Палец лежит на кнопке записи, стоит ее нажать, катушки начнут вращаться, и любой шум, какой только послышится в кабинете, останется на пленке. Все эти звуки запишутся после моих слов.

Мне остается только ждать звонка полицейских. Уже недолго. Одиннадцать тридцать пять. Одиннадцать тридцать семь. Мне не по себе, я начинаю нервничать. Они должны позвонить сейчас, сию минуту, иначе мне снова придется диктовать конец главы, и эта хитрость может стоить мне жизни.

Смотрю на телефон, как утопающий — на спасательный круг, до которого не может дотянуться.

Когда звонок, наконец, раздается, я уже почти в истерике.

Глава 12

Автоматически, не раздумывая, нажимаю на клавишу, включаю запись, катушки начинают крутиться, я откашливаюсь, звонки продолжают, назойливые, невыносимые, сверлящие, я мычу что-то неразборчивое и, наконец, снимаю трубку.

— Да?

Мне в ухо ударяет незнакомый голос.

— Господин Блэк?

— Одну минутку, я сейчас.

Выключаю магнитофон.

— Слушаю вас.

Человек на другом конце провода тяжело вздыхает: слова, которые ему предстоит произнести, выговорить не так-то легко. В комнате душно, я задыхаюсь, весь взмок от пота. Мне надо казаться спокойным, безразличным, нет, самую малость встревоженным, но я с трудом выдерживаю эту роль, нервы, кажется, свились в клубок и копошатся, словно змеи.

— Ну, старина, выкладывайте, что там у вас? Вы прервали мою работу.

Эта фраза далась мне с величайшим трудом, но зато подействовала, и невидимый собеседник произнес:

— Говорит инспектор Теран.

— В чем дело?

Вопрос прозвучал резко.

— Я по поводу вашей жены...

Мне не надо прилагать усилий, чтобы в моем голосе прозвучала тревога:

— Несчастный случай? Что-то серьезное?

— Достаточно.

— Да говорите же, не тяните! Вы меня с ума сведете. Она ранена? Она всегда так гонит машину...

Мой голос прерывается, я не в силах продолжать.

— Не совсем так, господин Блэк.

— Значит, она кого-то сбила?

— Нет, машина здесь вообще ни при чем.

— Ну, так что же?

Он молчит, в трубке слышно его учащенное дыхание. До меня доносятся какие-то звуки, голоса. Наверное, он звонит от Ланна. Инспектор не отвечает на мой вопрос, вместо этого он спрашивает сам:

— Вы знакомы с Ришаром Ланном?

— Да. Мы приятели.

— Не могли бы вы немедленно приехать к нему?

— Но зачем? Это как-то связано с Патрицией? Да отвечайте же, не мучайте меня!

— Она здесь, господин Ланн.

— Ничего не понимаю.

— Лучше бы вам немедленно приехать сюда. Это очень серьезно. Мадам Блэк... Ну, словом, я жду вас, господин Блэк.

Он кладет трубку. Я вытираю пот со лба, как же я не подумал о том, что меня могут вызвать на место происшествия. Кладу трубку и выхожу из кабинета.

Минуту спустя стучу в окно комнаты Мариетты, она открывает почти сразу.

— Мариетта, с мадам случилось какое-то несчастье.

— Ах, Господи! Бедняжка! Это опасно?

— Сам не знаю, я уезжаю и надеюсь привезти ее домой. Приготовьте пока постель.

Не дожидаясь ответа, бегу через сад, влетаю в гараж, прыгаю в машину и уезжаю, не закрыв за собой ворота.

Успеваю заметить, что в окнах столовой и гостиной зажегся свет.

Никогда не думал, что способен на такое притворство, что смогу попросить Мариетту приготовить спальню для Патриции, когда... Нет, это омерзительно, я не мог так поступить, это не я, это какое-то чудовище, натянувшее на себя мою шкуру!

Дом Ланна ярко освещен, в окнах мелькают какие-то тени, кажется, все комнаты кишат полицейскими. У ворот собралась толпа. Двое полицейских с трудом удерживают зевак на расстоянии.

Останавливаю машину у кромки тротуара и с решительным видом пробираюсь сквозь толпу. Все одновременно галдят, спорят, каждый высказывает собственные предположения, выкладывает, что ему известно.

— Было два выстрела, почти одновременно, оба убиты.

— Да что вы говорите! А кто он?

— Актер, Ришар Ланн?

— А-а-а... Ну, с ним так и должно было кончиться. Эти артисты, они...

Полицейский пытается меня остановить.

— Я — Ронни Блэк, только что инспектор Теран...

Вхожу в сад. Около «симки» вертятся двое полицейских в штатском. Один подходит ко мне.

— Вы господин Блэк?

— Да.

— Это ваша машина?

Утвердительно киваю.

— Пожалуйста, пройдите в дом.

Поднимаемся на крыльцо. У меня пересохло в горле, колени дрожат. Человек, идущий впереди меня, — высокий, молодой, довольно робкий. По дороге нам то и дело встречаются полицейские, и каждый на ходу бросает на меня жалостливый взгляд.

Меня приводят в столовую. Войдя, мой провожатый направляется напрямиком к толстяку, который задумчиво поглаживает огромные усы. Его выпученные глаза обшаривают комнату, и кажется, будто они ощупывают все, на что упадет его взгляд. Наконец, толстяк переводит глаза на меня. Молодой полицейский берет слово:

— Вот господин Блэк, шеф, я его привел.

— Прекрасно, Стефан, а теперь оставьте нас.

Я узнал голос инспектора Терана. Мне отвратительна роль, которую сейчас придется играть, я с трудом выдавливаю из себя несколько слов:

— Ну, скажете вы мне, наконец, что случилось?

Теран поднимает толстопалую лапу с аккуратно подстриженными ногтями.

— Садитесь, господин Блэк.

— Я не желаю садиться, я хочу видеть мою жену и требую, чтобы мне объяснили...

Инспектор морщится.

— Сядьте.

Падаю на стул. Теран поднимает свою огромную колышущуюся тушу, приводит ее в движение и останавливается напротив меня.

— То, что я сейчас скажу, причинит вам...

Он умолкает, явно колеблется, потом продолжает тоном ниже, как будто каждое слово стоит ему нечеловеческих усилий:

— Ну, словом, наберитесь мужества.

Пытаюсь встать. Он без труда припечатывает меня к стулу.

— Мадам Блэк мертва.

На этот раз я нахожу в себе силы подняться.

— Нет! Я хочу ее видеть!

Теран кривится, потом понимает, что выиграет больше времени, если исполнит мое желание.

— Идите за мной.

Он проходит через столовую, толкает дверь гостиной.

Человек в белом халате стоит на коленях рядом с трупом Патриции. Вокруг ходит фотограф, то и дело вспыхивает магниевая лампа.

Сердце у меня разрывается, я бросаю Терана и устремляюсь к жене. Мое горе непритворно, и мои слезы такие же неподдельные, какой была моя любовь к ней. Полицейские вдвоем оттаскивают меня от тела. Меня терзает раскаяние, я хотел бы умереть рядом с Патрицией. Эта фантастическая сцена происходит в густом тумане, окутавшем меня, я плаваю в нем.

Теран с санитаром уводят меня в столовую, вернее было бы сказать — уволакивают. Они и не подозревают, что именно это меня спасает. То, что они принимают за невыносимое горе, внезапно обрушившееся на меня, на самом деле всего лишь жгучие сожаления. Но внешне это выглядит совершенно одинаково, и я сам уже не знаю, что делаю.

Ланна я не видел. Там, где он лежал, на ковре, остался только очерченный углем контур его тела.

Хлопают двери, туда-сюда снуют полицейские, наверное, уже и репортеры подросли, а как же, Ланн — звезда первой величины.

Теран закрывает окно, наливает в рюмку коньяк, протягивает мне. Залпом выпиваю, но коньяк на меня не действует, с таким же успехом он мог бы налить мне стакан воды. Теран отечески кладет мне на плечо свою толстую лапу, придвигает стул и усаживается напротив. Вид у него огорченный и несколько смущенный. Он облизывает губы, устремляет глаза на висящую позади меня картину и начинает говорить — делая явное усилие над собой.

— Мне очень жаль, что я вынужден задавать вам вопросы в такую минуту, но особенности моей профессии иногда заставляют проявлять бестактность. Прошу вас простить меня.

Он умолкает, подбирая слова, и, наконец, выпаливает:

— Я еще усугубляю, если это вообще возможно, ваше вполне понятное горе. Но... О, Господи, ну и работка у меня!

Поднимаю голову, пытаюсь поймать его взгляд и не могу.

— Ну, что ж тут поделаешь, господин инспектор, начинайте, я готов. Он смотрит на меня, оценивая, смогу ли я выдержать, и нехотя спрашивает:

— Вы знали, что мадам Блэк была...

Он спотыкается на следующем слове, оно у него никак не выговаривается — похоже, как будто перед ним преграда, и он сначала не может перескочить, но, наконец, с разбегу преодолевает:

— ... любовницей Ришара Ланна?

— Этого не может быть! Зачем вы меня мучаете?

На самом деле, мучаю его я. Теран — добрая душа, возможно, нежный отец семейства, по выходным играет с малышами и помогает жене мыть посуду. Но это совершенно не мешает ему быть хорошим полицейским, и интуиция мне подсказывает, что не следует злоупотреблять игрой на самой его чувствительной струне.

Теран, шумно дыша, ворчит:

— С фактами не поспоришь, и это он ее убил.

Вскакиваю со стула, он мягко толкает меня обратно.

— Потом Ланн попытался покончить с собой, но это ему не удалось.

Из его груди вырывается вздох облегчения: слава Богу, он освободился от тяжелой обязанности, теперь можно спокойно работать. Он встает.

— Вот и все, что я должен был сказать вам, господин Блэк.

Глава 13

Когда я открыл глаза, будильник у постели показывал двадцать минут одиннадцатого. Некоторое время я еще полежал, пытаюсь собраться с мыслями. Я проспал всего-то час, не больше, если это вообще можно назвать сном.

Теран отпустил меня около шести утра, потом я долго не мог отделаться от Мариетты. Где-то в семь лег в постель и на несколько минут задремал. Какая большая кровать, и теперь я буду спать в ней один, а ведь еще вчера...

Внезапно до меня доходит весь ужас моего поступка. Я подло, трусливо убил создание, которым дорожил больше всего на свете, и то, что послужило поводом к убийству, теперь кажется мне таким пустяком. Мне некуда приложить свои чувства, моя страстная, болезненная ревность умерла вместе с Патрицией. Остались только любовь, раскаяние и горечь.

Приподнявшись на локте, обвожу взглядом опустевшую спальню. Я пока не в состоянии разобраться в себе. Все произошло именно так, как я и предполагал, но я плохо представлял себе, что такое жизнь без Патриции. Оказывается, это несравненно тяжелее, чем знать, что она принадлежит другому.

Встаю и иду к зеркалу, мне хочется как следует рассмотреть лицо человека, совершившего тройное убийство. Я не строю иллюзий — вместе

с Патрицией я убил и себя. Что касается Ланна, мне на него наплевать. Мне все равно, что с ним будет.

Переживания нисколько не мешают мне ощутить запах кофе из кухни, где Мариетта готовит завтрак. Я сам удивляюсь своим реакциям, не ждал ничего похожего. Медленно, тяжело спускаюсь по лестнице. Добрая старушка, уже одетая в черное, опухшая от слез, прислуживает мне молча. Время от времени она всхлипывает, тщетно стараясь удержать слезы, но они одна за другой катятся по щекам.

Выпив большую чашку обжигающего, крепкого, горького черного кофе, закуриваю. На третьей затяжке в столовую входит Берта. В руке у нее — газета. Меня передергивает при виде заголовка на первой странице. Он напечатан огромными черными буквами. Формулировка как раз такая, какая привлечет внимание, понравится публике. Естественно — ведь Ланн известный актер, кинозвезда, Патриция — красивая женщина, да и я — не последний человек. Для репортеров вся эта история — лакомый кусочек, они так и набросились на нее. Хорошенько порылись в моем прошлом, со вкусом пересказали жуткие подробности — словом, все как полагается.

Берта наливает себе чашку кофе. Поднимаю на нее глаза. Лицо секретарши выражает сочувствие. Мне хочется сразу же отправить ее домой, но я вовремя удерживаюсь. А вдруг моя инсценировка не удалась? Я представления не имею о том, как реагировал Ланн, Теран ничего мне про него не рассказал. Он, конечно, будет все отрицать, наймет хороших адвокатов. Вполне возможно, к их доводам прислушаются. Я должен держаться, идти до конца. Делаю над собой огромное усилие и заглядываю Берте в глаза.

— Сегодня все — как обычно, мне позвонили около полуночи, я успел поработать. Возьмите то, что я надиктовал этой ночью. Теперь, разумеется, я не скоро вернусь к работе, и пока вы можете располагать своим временем как вам будет угодно. Не торопитесь, напечатайте, сколько захотите, а когда вам надоест, идите домой. Если у вас работа не пойдет, посмотрите корректуру. Словом, решайте сами, что делать, я сегодня не в силах заниматься чем бы то ни было.

Берта кивает, поправляет очки.

— Я все понимаю, мсье. Я хотела бы сказать вам, как мне больно за вас, как я вам сочувствую, вы этого не заслужили, вы и мадам так любили друг друга, казались такими счастливыми вместе...

Разрыдавшись, она выбегает из комнаты.

Через несколько минут слышу, как открывается дверь кабинета.

Мариетта молча убирает со стола. Снова закуриваю, и тут начинает звонить телефон. Делаю знак Мариетте, она снимает трубку, слушает, поворачивается ко мне.

— Господин Берт.

— Давайте.

Пять минут, изнывая, слушаю нескончаемую болтовню Франсиса Берта. Он потрясен, оглушен, только что узнал новость из газет. Он сообщает мне, что вчера Патриция довезла его до дома, а потом отправилась в «Рекс». Наконец, мне удается прервать поток его соболезнований,

---

но, едва я успеваю повесить трубку, в ту же секунду раздается новый звонок. На этот раз — журналист. Бросаю трубку, выжидаю несколько секунд, снова ее снимаю и кладу рядом с аппаратом. Все! Больше никто не будет мне надоедать.

Время тянется однообразно, нестерпимо медленно, мучительно. Конечно размышляю над тем, как может отреагировать Ланн, и не могу отогнать от себя маячащее перед глазами лицо Патриции.

Наступает полдень. Ничего нового.

Берта уходит. Не успевает она переступить порог, как на нее наваливаются репортеры.

У входа она выпускает посетителя.

Издаലെка узнаю внушительную фигуру инспектора Терана. Он большими шагами идет через сад ко мне на лужайку, не дожидаясь приглашения, грузно усаживается в плетеное кресло, которое стонет и прогибается под его тяжестью. Теран достает платок, машинальным движением вытирает пот со лба, приглаживает густые темные волосы.

Он выглядит еще более усталым, чем был ночью. По тусклому взгляду, землистому цвету лица и уныло повисшим усам я догадываюсь, что он ни минуты не отдохнул с тех пор, как стало известно об убийстве. Он шумно дышит. Его взгляд упирается в кувшин с апельсиновым соком. Он сдвигает густые брови.

— Вы позволите?

Наливает себе полный стакан и залпом пьет. Переводит дух, щелкает языком и устраивается поудобнее.

— Хорошо!

Наверное, я поморщился, потому что Теран, взглянув на меня, снова становится невозмутимым и сдержанным. Его выпученные глаза рыщут, обшаривают все кругом, взгляд, словно бабочка, порхает над клумбами от цветка к цветку, поднимается в небо, опускается и, наконец, замирает, устремленный в какую-то невидимую точку над моей головой.

В горле у меня пересохло, во рту горечь.

— Ну?

Теран закуривает, стряхивает упавший на жилет пепел и погружается в созерцание собственной сигареты. Я больше не могу сдерживать себя.

— Вы что, хотите наглядно показать мне, что означают слова «напряженное ожидание», я должен почувствовать это на собственной шкуре?

Качает головой.

— Ничего подобного, господин Блэк. Я пришел для того, чтобы проинформировать вас о результатах расследования.

Он пытается улыбнуться, но вместо этого его лицо жалостно кривится.

— Вот, в нескольких словах, то, что мне удалось выяснить. Должен вас предупредить, что эти сведения могут разбередить и без того слишком свежую рану вашего сердца, но я не могу поступить иначе.

Махнув рукой, начинает излагать:

— Наше расследование дало следующий результат: мы выяснили, что Ланн довольно часто встречался с вашей женой, об этом красноречиво

говорят найденные у него письма. Нет никакого сомнения в том, что Ланн убил вашу жену, а потом пытался покончить с собой. Кстати, у вас с мадам Блэк все было хорошо? Вы не ссорились?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Вы что-то подозревали?

— Ни малейших подозрений.

Теран едва заметно вздрагивает. Улыбка исчезает с его лица, взгляд становится жестким.

— Есть одна вещь, которой я никак не могу понять.

— Что именно?

— Почему Ланн убил ее?

Пожимаю плечами.

— Понятия не имею.

Внезапно его глаза загораются.

— Может быть, она решила с ним порвать?

— Возможно.

Теран уцепился за эту идею.

— Это единственное объяснение, ведь им никто не мешал встречаться, никто ничего не подозревал. Ваша жена ни разу не заговаривала с вами о разводе?

— Никогда.

— Как она вела себя с вами?

— Да не знаю, думаю, как все жены.

Теран поглаживает себя по подбородку.

— Это могло бы объяснить поступок Ланна — страсть, ярость, потом — раскаяние, которое довело его до самоубийства.

Теран пристально смотрит на меня, мне вдруг становится не по себе. Он делает такое движение, как будто собрался встать, но передумал, и продолжает:

— Только все это не согласуется.

— С чем?

— Ланн все отрицает. В первый раз за все годы своей работы вижу человека, который не признается в убийстве из ревности, когда против него столько неопровержимых доказательств. Поверьте мне, господин Блэк, в таких случаях убийца никогда не отпирается.

Глава 14

Молчание затягивается. Теран не сводит с меня глаз. Его толстая физиономия застыла, и я мучительно жду, когда он снова заговорит. Я уверен, что инспектор пришел не для того, чтобы повторить все, что уже говорил несколько часов назад.

Ночные события с невероятной скоростью проносятся у меня перед глазами. С трудом дышу, воздух словно застревает в горле, отчаянно пытаюсь найти ошибку, вспомнить, что я мог сделать не так.

Инспектор стряхивает пепел с сигареты, прокашливается.

— А знаете, какая версия у Ланна?

Пожимаю плечами.

— Не имею ни малейшего представления.

— Он заявил, что перед тем, как пришла ваша жена, его оглушил ударом по голове некто, кого он не успел разглядеть. Когда он пришел в себя, рядом с ним лежала убитая мадам Блэк, а дом был наводнен не знакомыми ему людьми.

— Мне такая система защиты кажется слабоватой.

Теран широко улыбается.

— Действительно, вы ведь сочиняете детективы. От вас не может ускользнуть шаткость и непрочность такой постройки.

Пытаюсь ответить Терану любезностью на любезность:

— Между выдумкой и действительностью есть некое пространство, преодолеть которое мне не под силу.

— И все же вы сделали этот шаг помимо своей воли.

— Я ни в коем случае не намерен делать какие-либо выводы в присутствии инспектора, которому поручено расследование. Предпочитаю оставить свои рассуждения при себе.

Теран тяжело хлопает себя по ляжке толстой лапой.

— Превосходно, господин Блэк. Как вам будет угодно.

Его улыбка становится еще шире. Он наклоняется вперед.

— Я заговорил о полицейских романах только для того, чтобы выявить, известно ли вам, какие методы применяются при расследовании. Мне предстоит выполнить некоторые формальности.

Делает успокоительный жест и продолжает, разглядывая кусты роз:

— Не могли бы вы рассказать мне, чем занимались в течение вчерашнего дня и ночи?

— Вы меня подозреваете?

— Ничего подобного! Но давайте на минуту предположим, что Ланн говорит правду. Мне будет спокойнее, если я смогу убедиться, что вы — вне подозрений, не имеете ко всему этому отношения.

Потираю лоб, делая вид, будто припоминаю, что-то обдумываю. Несколько секунд собираюсь с силами, потом выкладываю свою историю.

— Вчера, по-моему, я все утро провел в своем кабинете. Берта в это время...

Теран вопросительно приподнимает брови.

— Берта — это моя машинистка. Она печатала главу, которую я продиктовал на пленку накануне вечером, если не ошибаюсь, двадцать третью.

— Что было дальше?

— У нас обедал гость, мой коллега, Франсис Берт, который провел с нами все время до отъезда Патриции. Она завезла его домой, перед тем как отправиться к Ланну. Нам она сказала, что пойдет в кино.

— А вы?

— А я поднялся к себе в кабинет и стал диктовать продолжение моего романа, именно этим я и занимался, когда вы позвонили.

Теран, кажется, заинтересовался.

— Значит, мой звонок тоже записан на магнитофон?

— Вполне возможно!

— Нельзя ли мне послушать, если вас это не затруднит?

Мне не нравится выражение его лица. Что-то в нем не так, но никак не пойму, что именно. Встаю и веду Терана в дом. Он поднимается по лестнице позади меня, пыхтя и отдуваясь, ступеньки под ним трещат и стонут.

Он внимательно оглядывает кабинет и переключает все свое внимание на магнитофон. Бросаю взгляд на рукопись: Берта успела напечатать половину главы. Включаю магнитофон, и в тишине кабинета начинает звучать мой голос.

Рассказываю Терану о моем способе работы. Он кивает в ответ и начинает слушать запись. Стискиваю кулаки, вспомнив, что, пока я диктовал эти слова, Патриция спала в соседней комнате. У меня на лбу выступают мелкие капельки пота.

Останавливаю пленку. Инспектор вопросительно смотрит на меня.

— Это будет очень долго, ваш звонок в самом конце, до этого вам придется прослушать три четверти часа диктовки.

— Вы можете прокрутить побыстрее?

— Пожалуйста.

Прокручиваю катушку на большей скорости и включаю на нормальной приблизительно в том месте, на котором меня прервал звонок.

Неразборчивый писк превращается в мой обычный голос, который внезапно умолкает на полуслове, я слышу собственный кашель, потом звонит телефон. Звучит мой резкий вопрос, потом Теран осведомляется, с кем говорит. Слышен мой ответ: «Одну минутку, я сейчас», затем раздается щелчок, и дальше пленка крутится беззвучно.

— Достаточно, господин Блэк, можете выключить.

Теран встает. Еще раз обшаривает взглядом кабинет и направляется к двери. Лестница во второй раз изнывает под его тяжестью.

Выходим на лужайку. Теран погружен в какие-то мрачные размышления. Он снова наливает себе стакан апельсинового сока, но теперь пьет маленькими глотками. И только поставив стакан, задает мне неизбежный вопрос:

— Само собой разумеется, вы не можете за один вечер продиктовать две главы?

Надеюсь, он не заметил, как я побледнел и каких усилий мне стоит отрицательный ответ.

— Со мной ни разу такого не случилось, но, в принципе, здесь нет ничего невозможного.

Потемневший взгляд Терана скрещивается с моим. Он пристально смотрит мне в глаза.

— Вы могли бы это сделать?

Выдавливаю из себя улыбку.

— Да.

— Значит, в данном случае могло быть и так?

Мотаю головой.

— Могло, но я этого не делал, а если бы такое произошло, это прежде всего заметила бы моя машинистка.

— Каким образом?

— Она оставляет пленку довольно долго крутиться без звука после того, как я кончу говорить. Если бы я продиктовал две главы в один вечер, она бы это заметила.

Теран выглядит все более измученным. Он с недоверчивым видом поглаживает усы, вздыхает и, наконец, говорит:

— Превосходно, господин Блэк. Разрешите откланяться.

Провожая его до двери, на пороге без особой сердечности пожимаю ему руку, после чего мы расстаемся.

Репортеры удалились вместе с инспектором.

Дом выглядит унылым и печальным, мои шаги отдаются в комнатах зловещим эхом. Я знаю, что долго так не протяну. Сейчас я должен бороться, чтобы устоять перед сыщиками. Но через неделю, через месяц...

Посылаю Мариетту за вечерними газетами. Убийство все еще занимает первые полосы. Лихорадочно просматриваю статьи. Но ничего нового в них нет. Запирательство Ланна передано со всеми возможными приукрашиваниями. Инспектор Теран во время короткой пресс-конференции повторил все то, что мне уже известно.

Продолжаю читать, и в самом конце обнаруживаю коротенькую заметку, которую тиснули в последнюю минуту и от которой у меня волосы встают дыбом. «Хотя версия, выдвинутая в свое оправдание господином Ланном, кажется невероятной и совершенно неприемлемой, все же полиция занялась поисками следов в окрестностях его дома. Нельзя совершенно сбрасывать со счетов гипотезу, согласно которой Ланн подвергся нападению со стороны неизвестного взломщика. Человек, которого мадам Блэк, предположительно, застала в доме киноактера, убил ее, а потом инсценировал покушение Ланна на самоубийство, чтобы отвести от себя подозрения. Этим мог бы объясняться тот факт, что из дома Ланна ничего не похищено. Учитывая личность подозреваемого, полиция не может отбросить эту версию».

Откладываю газету и пытаюсь отдышаться. Если Теран это пропустил, значит, есть какой-то факт, какая-то мелочь, говорящая в пользу Ланна. Это ясно. И доказательство тому — вежливый, но жесткий допрос, которому я сегодня был подвергнут. Теран не вполне убежден в виновности Ланна, а пока он в ней не убедится, моя жизнь висит на волоске.

Глава 15

До утра субботы ничего нового не произошло. Ланн — по-прежнему в предварительном заключении, окончательного обвинения против него пока не выдвигают. Его адвокаты, которых поддерживают крупные продюсеры, из кожи вон лезут, стараясь доказать его невиновность.

Полиция оказалась между двух огней: с одной стороны — друзья Ланна, которые с выводами следствия не соглашаются и хлопочут наверху, чтобы поискали другого преступника, с другой — общественное мнение, в свою очередь, разделившееся на два лагеря. Одни стоят за то, чтобы Ланна немедленно и примерно наказали, другие требуют столь же немедленного освобождения.

Инспектор Теран совершенно растерян, не знает, что ему делать. У него есть преступник, не являющийся таковым, поскольку это не устраивает начальство, и, тем не менее, улики против артиста вполне достаточно, чтобы отправить этого человека на эшафот.

Наше дело исчезло с первых страниц газет. Поиски предполагаемого взломщика прекращены. Сегодня утром я проводил Патрицию в последний путь. Интерес к нам пропал, ни один зевака не присоединился к группе, сопровождавшей катафалк. На кладбище оказались лишь двое журналистов, уж не знаю, кто им сказал. Они немного пощелкали фотоаппаратами. Все прошло очень быстро и без разговоров. Инспектор Теран тоже пришел. Разумеется, присутствовал и Франсис Берт.

К десяти часам все было кончено. Лучшая часть моей жизни теперь покоилась на глубине двух метров под землей.

Теран сказал, что придет ко мне во второй половине дня. Жду его с нетерпением. У него должны быть какие-то новые сведения, результаты экспертизы, лабораторные анализы... может быть, он даже успел сделать какие-то выводы.

Мариетта неслышно, словно тень, бродит по дому. Берт у я на неделю отпустил. Когда мне становится совсем невыносимо, я достаю фотографии, которые дал мне Могам, и смотрю на Патрицию в объятиях Ланна. Но теперь это действует на меня совсем по-другому...

Раздался звонок в дверь, и я немного отвлекся от своих мук. Мариетта пошла открывать и вернулась с инспектором Тераном.

Он все в том же темном костюме, по свежеевыбритым толстым щекам струится пот. Никак не может отдышаться после того, как поднялся по лестнице всего на один этаж. Падает в кресло, достает пахнущий одеколоном носовой платок, утирает лоб, устраивается поудобнее, распределяет по сиденью свою тушу, вытягивает ноги и приглаживает усы.

Я начинаю привыкать к его манерам миролюбиво настроенного носорога, к его долгим паузам. Терпеливо жду, пока он решится заговорить.

Теран поднимает глаза к потолку, внимательно рассматривает трещину, морщится и тусклым голосом сообщает:

— У меня, кажется, будут неприятности, господин Блэк.

Мне стоит большого труда скрыть свое изумление. Теран закрывает глаза, лицо его словно окаменело. Он продолжает, не глядя на меня:

— С одной стороны, у меня достаточно улик, чтобы обвинить Ланна в убийстве, с другой — я нашел ряд доказательств в пользу его версии.

Мучительно пытаюсь глотнуть, сердце замирает. Теран приоткрывает один глаз, выпускает сквозь щель между веками пронизывающий взгляд и снова начинает говорить.

— На рукоятке револьвера, принадлежащего Ланну (он признает, что это его оружие), остались четкие отпечатки его пальцев. Этого, вместе с другими, менее значительными уликами, было бы вполне достаточно, однако... — Теран открывает оба глаза. Мне не по себе. Он умолкает, как будто хочет испытать на прочность мои нервы, потом продолжает: — С другой стороны, кое-что явно противоречит этой гипотезе.

Наклоняюсь вперед, стискиваю зубы. Вот сейчас, сейчас я узнаю, где ошибся, осталось потерпеть всего несколько секунд.

Прекрасно сознавая, каким нетерпением я охвачен, Теран неторопливо закуривает.

— Прежде всего, если принять версию, согласно которой вашу жену убил Ланн, мы вынуждены признать, что он хороший стрелок. — Инспектор на мгновение умолкает, делает долгую затяжку и, выпустив дым, объясняет: — Вы как автор детективных романов должны быть хорошо знакомы с научными методами, которыми пользуется в наши дни полиция. Мы можем, не рискуя ошибиться, определить, из какой точки произведен выстрел, рассчитать траекторию полета пули, словом, узнать множество вещей того же рода. А теперь вернемся к Ланну. Мы видим, что он совершенно точно находился в другом конце гостиной, откуда и стрелял в вашу жену. Одного выстрела оказалось достаточно. Пуля попала прямо в сердце, и это заставляет предположить, что Ланн — меткий стрелок, умеющий обращаться с оружием. На самом же деле, нам известно, что Ланн стрелять не умеет. Мы выяснили, что всякий раз, как возникала такая необходимость по ходу съемок любого из его фильмов, ему требовался дублер.

Жестом выражаю недоверие.

— Не можете же вы отпустить его только на этом основании?

— Конечно. Я и сам знаю, что этого недостаточно, так что перейдем к главному, не задерживаясь на мелочах. Итак, господин Блэк, что вы можете сказать о человеке, который, с одной стороны, с двадцати шагов не попадает в стенку, с другой — попадает в яблочко, стреляя по движущейся мишени с расстояния в шесть метров?

— Случайность!

— Согласен, это может быть случайностью. Ну, а потом тот же самый человек, только что совершивший убийство, решает покончить с собой, и на этот раз, приставив ствол пистолета к виску, он умудряется промахнуться в упор.

Морщу лоб, с моих бледных губ срывается клубок спутанных предположений. Не разбираясь, вываливаю все их на Терана.

— Это объяснимо и вполне согласуется с тем, что Ланн плохо стреляет, единственная пуля, которая, к несчастью, попала в цель, предназначалась моей жене.

— Гм! — только и отвечает Теран, поглаживая усы, потом поясняет: — Дело не только в этом.

В горле у меня пересохло, дым сигареты щиплет глаза. Я не решаюсь спросить толстяка, с какой целью он мне все это рассказывает.

— Вчера мы провели следственный эксперимент с участием баллистической службы, — говорит он. — Рассчитав траекторию движения второй пули, той, которая должна была помочь Ланну последовать в могилу за вашей женой, и, сопоставив ее траекторию с положением тела Ланна, в каком застали его свидетели, мы неопровержимо доказали, что ствол револьвера был направлен не в висок Ланна, а в сторону...

Не могу дышать, воздух не проходит. Когда мне, наконец, удастся ответить инспектору, я едва узнаю собственный голос.

— Может быть, в последний момент он испугался, и рука невольно дрогнула.

Теран морщится.

— Все-таки это странно. Более того, траектория второй пули свидетельствует о том, что Ланн стрелял из положения лежа, и это еще больше запутывает дело, потому что пуля вошла в стену намного выше того места, куда она должна была в таком случае войти.

— Что это значит?

Теран вздыхает.

— Даже если мы допустим, что Ланн улегся на пол, чтобы застрелиться, и что рука у него дрогнула, все же из этого положения очень трудно попасть в ту точку на стене, какую поразила пуля. Если же поверить в то, что, как утверждает Ланн, какой-то человек стрелял, склонившись над ним, — и мы проделали такой эксперимент, — пуля как раз туда и попадет. Вам понятно?

Пожимаю плечами. На самом-то деле я давно все понял.

Теран разъясняет снова.

— Все очень просто: поскольку правая рука Ланна была повернута так, чтобы ствол револьвера упирался в висок, а он при этом лежал на полу, пуля могла отклониться только в одну сторону — вправо, иначе она прошла бы через его голову. Наши эксперты выяснили, что пуля ушла влево, они мастерски с этим справились. Такое могло произойти лишь в том случае, если револьвер был в руках у другого человека. Тот стоял напротив, понимаете? И траектория изменилась.

Вытираю пот со лба. Ноги у меня стали ватными, желудок болезненно сжался. Мне еле-еле удастся выговорить:

— Да, в самом деле, очень странно. А кроме этого, вы ничего не нашли?

— Да нет, есть еще кое-что: мы обнаружили следы в саду. Но это мало что дает. Сейчас так сухо и жарко, поди разбери, в какой день их оставили. Что касается отпечатков пальцев, их не нашли, это скорее говорило бы против Ланна, но взломщики всегда надевают перчатки.

— А пепел вам ничего не дал?

Теран широко улыбается.

— Ваша профессия заставляет вас заходить слишком далеко, я все-таки не Шерлок Холмс!

Пытаюсь улыбнуться, улыбка не складывается. Я сильно опасаюсь, что этот тип окажется умнее самого Шерлока Холмса!

Глава 16

Теран закуривает новую сигарету. Его взгляд упирается в магнитофон, потом возвращается ко мне.

— Должно быть, вы сейчас спрашиваете себя, зачем я вам все это рассказываю?

— Да, меня это несколько удивляет. Хотя в каком-то смысле это естественно, ведь именно я больше всего заинтересован в исходе дела: чем быстрее преступник понесет наказание, тем скорее я смогу спать спокойно.

Теран пристально смотрит на меня. Мне приходится опустить глаза, я не могу вынести взгляда его глаз, похожих на две незабудки, воткнутые в глыбу тающего масла. Я должен что-то сказать, надо увести разговор в сторону. Добродушный вид инспектора просто невыносим. Дорого бы я дал, чтобы узнать, о чем он сейчас думает. Наклоняюсь к нему.

— Похоже, вы колеблетесь между версией Ланна и собранными против него уликами.

Теран в ответ кивает.

— В таком случае, я не понимаю, почему вы прекратили поиски, начатые рядом с его домом, ведь это была единственная возможность снять с него обвинения.

— Эти поиски ничего не дали. Как я вам и говорил, всего несколько нечетких следов, по которым ничего не прочтешь. Я думаю, решение кроется не здесь.

Я больше не могу выносить присутствия полицейского, его намеки действуют мне на нервы.

— А где же?

Молча смотрит на магнитофон.

Я уже не могу сдержаться:

— Думаю, вы уже допросили мою машинистку, равно как и мою служанку?

Теран нехотя отрывается от созерцания магнитофона.

— Да.

— У вас огорченный вид.

Он пожимает мощными плечами, и кажется, будто это движение отнимает у него последние силы.

— Должен признать, что их показания полностью снимают с вас подозрения.

— Вы этим недовольны?

— Ничего подобного, господин Блэк. Просто я хочу вам сказать, что не верю ни в какого взломщика. Для меня есть только два возможных убийцы: вы и Ланн. Что касается Ланна, есть доказательства и в его пользу, и против него, я уже говорил вам об этом. Но, если начать рассматривать проблему с другого конца, мы увидим, что у вас было столько же причин, сколько и у него, для того, чтобы...

Не закончив начатой фразы, он прикрывает глаза. Снова открыв их, встречается взглядом со мной. С трудом подавляю бешенство.

— Я вижу, вам просто покоя не дает этот магнитофон!

— Еще как! Если Ришар Ланн не убийца, — а есть множество фактов, говорящих в его пользу, — то остаетесь только вы. Я не могу забыть об одном обстоятельстве, господин Блэк: вы очень умны, и вы — один из лучших наших детективных писателей.

— И что же вы хотите этим сказать?

Смотрит выжидающе.

— Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос. Пока не отвечать.

Показывает толстым пальцем на магнитофон.

— Можно мне взять его с собой?

— Нет. Если вам надо что-то проверить, делайте это здесь. Магнитофон — мой рабочий инструмент, и я расстанусь с ним, только если меня к этому вынудят. Ланна поддерживают, я в этом не сомневаюсь, инспектор, но и я — не последний человек, и я — не мальчишка. Понимаю, что из нас двоих у вас более трудное положение, но я никому не позволю превышать свои полномочия. Словом, вы магнитофона не получите, таких прав вам никто не давал.

Теран вздыхает, ворочается, кресло скрипит под его тушей.

— В таком случае, я вынужден буду вернуться сюда, мне хотелось бы прослушать то, что вы надиктовали.

— К вашим услугам.

Мотнул головой в сторону папки, в которой лежит отпечатанная Бертой рукопись.

— Вы сейчас над ней не работаете?

— Я не в состоянии работать.

— Вы позволите мне ее взять?

Я на мгновение заколебался. Теран прочел это у меня на лице и воспользовался моим замешательством, чтобы вкрадчиво сказать:

— Вы же не можете во всем мне отказывать, господин Блэк! Было бы очень жаль, если бы мы поссорились из-за такого пустяка...

Подталкиваю к нему рукопись.

— Берите, но будьте осторожны, помните, что это — единственный экземпляр, и мне бы не хотелось, чтобы он потерялся или испортился.

— Не беспокойтесь, я буду заботиться о вашей рукописи, как о собственном счете в банке, обещаю вам, с ней ничего не случится.

Теран берет папку с рукописью и собирается уходить. Передо мной вырисовывается его обширная фигура, скрывающая часть стены. Мы прощаемся, довольно вяло пожав друг другу руки.

День тянется и тянется бесконечно, я оступел, мысли у меня неясные, расплывчатые, туманные, не связанные между собой. Бесцельно слоняюсь по дому, из одной комнаты в другую, не могу нигде остановиться, как не могу сосредоточиться на чем-то одном.

Наступает вечер. На берегу Марны звенят голоса, крики и смех. Жизнь внезапно остановилась только для меня одного, для всех остальных она продолжается. Последние лучи солнца озаряют верхушки деревьев. Через

час в ресторанчике заиграет оркестр. Все те же люди сменяют амплуа, станут играть другие роли. Купальщики превратятся в танцоров. Все ищут встречи. А я, кажется, встретился с собой, нашел себя в среду вечером...

Закрываю окно. Мариетта подает мне ужин. С трудом заставляю себя хоть что-то проглотить. Не могу отвести глаз от того места, где всегда сидела Патриция. Отодвигаю тарелку, встаю.

Мариетта убирает со стола, что-то ворчит себе под нос. Закончив, отправляется к себе, ложится спать.

На меня наваливается гнетущая тишина. Время идет. Наступает самый страшный для меня час, я боюсь его приближения: тогда я остаюсь один на один со своей совестью, со своим раскаянием.

Вздрагиваю от неожиданного телефонного звонка. Этот резкий звук, нарушивший ночную тишину, все ставит на свои места. Я выхожу из своего болезненного состояния, снимаю трубку.

Слышу голос Могама. Я не удивлен. Я ждал, что он как-то даст о себе знать, но думал, что это произойдет немного позже.

— Господин Блэк?

— Да.

Могам часто дышит. Наверное, сейчас он облизывает губы. Слова, которые он, наконец, произносит, подтверждают мои умозаключения.

— Я узнал из газет о постигшем вас несчастье.

— Покороче, старина. Благодарен вам за соболезнования.

Он, должно быть, подумал, что я собираюсь повесить трубку, голос у него становится пронзительным, он чуть ли не взвизгивает мне в ухо:

— Подождите!

— Слушаю вас.

— Я хотел бы поговорить с вами о вещах, которые меня удивили.

— Да что вы! Может быть, сейчас не самый лучший момент для этого?

— Мне кажется...

Он ненадолго умолкает, потом тихонько хихикает. Он все больше и больше напоминает мне шакала. Внезапно Могам перестает веселиться и сухо продолжает:

— По сведениям, которыми я располагаю, положение у вас — не самое лучшее, господин Блэк.

— Возможно. Только не вам об этом судить, в полиции хватает инспекторов.

Могам на какое-то время замолкает, о чем-то размышляя, потом снова начинает говорить, отчеканивая каждый слог:

— А не кажется ли вам, что, если бы инспектор, которому поручено расследование, узнал, что за несколько дней до убийства вы начали следить за вашей женой, у него сложилось бы совершенно другое мнение об этом деле?

— Вполне возможно, только мне на это наплевать.

Могам, похоже, не готов к такому обороту. Он шумно дышит в трубку, мне даже кажется, будто его дыхание щекочет мне ухо. В конце концов, Могам решается продолжить.

— А что если кто-нибудь намекнет инспектору, что вы устроили слежку за вашей женой, и не для того, чтобы собрать доказательства и подготовить бракоразводный процесс, а для того, чтобы выяснить, в какое время она встречается с Ланном и тому подобные вещи? Тогда у следователя открылись бы глаза, он по-новому взглянул бы на проблему, не так ли?

— И что же?

— Мне бы хотелось побеседовать с вами на эту тему.

— И в какую сумму, по-вашему, мне могла бы обойтись подобная беседа?

На долю секунды он задумывается.

— Не больше ста тысяч франков.

— Превосходно! Где и когда?

— На том же месте, через час. Вас это устраивает?

Кладу трубку, улыбаюсь. Могам и не догадывается, что его ждет.

Глава 17

По мосту Шампиньи неслышно проехали несколько машин. Берега Марны пустынные, неизбежные парочки влюбленных растворились в пейзаже.

Могам опаздывает. Я догадываюсь, в чем дело: храбрость не принадлежит к числу украшающих его добродетелей. Наверное, сейчас он мучительно выбирает между сотней тысяч франков и своим страхом.

На дороге зашуршали шины, этот звук отвлек меня от моих размышлений. Перед моей «ведеттой» остановился «пежо» частного детектива. Он выключил фары, и я снова оказался в полной темноте.

Могам не вылезает из машины. Трясусь от беззвучного смеха. Меня охватывает жестокая радость. Выхожу из машины, направляюсь к его «пежо».

Приглядевшись, среди темного пятна машины различаю силуэт сыщика. Он съехал на сиденье, тревожно всматривается в меня, пока я приближаюсь к нему. Его бегающие за стеклами очков глазки оглядывают мои руки, мои карманы. В руках у меня нет оружия, и карманы совершенно плоские.

Он успокаивается, его физиономия хорька разглаживается.

— Садитесь сюда, господин Блэк.

Скрип дверцы, стон пружин сиденья, на которое я плюхнулся рядом с Могамом. Внутри машины пахнет потом и погасшей трубкой.

Начинаю говорить первым, довольно-таки нелюбезным тоном.

— Похоже, вы не брезгуете и шантажом, если подворачивается удобный случай?

Могам передергивает хилыми плечиками.

— Вы неверно поняли мое намерение, господин Блэк. Одни платят мне за то, чтобы я говорил, другие — за то, чтобы молчал. В данном случае получилось так, что после того, как я с вами пооткровенничал, вы...

Обрываю его на полуслове:

— Зубы заговаривать я и сам умею не хуже вашего! Чего вы от меня хотите?

Могам втягивает воздух и, собрав все силы, решается, наконец, бросить мне в лицо:

— Сто тысяч франков, или инспектор Теран обо всем узнает!

Закатываюсь смехом, не имеющим ничего общего со взрывом искреннего веселья.

Могам продолжает:

— Поймите, что и я в какой-то мере чувствую ответственность за то, что случилось. Ведь это я подробно рассказал вам, как расписано время Ришара Ланна.

— И сто тысяч франков сильно поспособствуют тому, чтобы эти сведения изгладились из вашей памяти?

— В каком-то смысле, да.

Наклоняюсь к нему. Могаму приходится отшатнуться, прижаться к дверце спиной. Правую руку он так и не вытащил из кармана, левая жестикулирует, подчеркивая каждое слово; при таком расположении, если я неожиданно загоню его в угол, он не сумеет воспользоваться оружием, которое стискивает сейчас изо всех сил, чтобы придать себе храбрости.

— Значит, вы считаете меня преступником?

Он мучительно пытается сглотнуть.

— Это — не мое дело. Просто у меня есть кое-какая информация, которая могла бы заставить полицию подозревать вас, а все остальное... Вы меня понимаете, господин Блэк?

— Да, вполне! Но мне кажется, что вы не совсем верно излагаете суть дела. Допустим, я убил свою жену. Но, если я сейчас уступлю вам, поддамся на ваши угрозы, то через два месяца вы снова станете меня шантажировать. И так может продолжаться до бесконечности. Нам обоим это прекрасно известно, разве не так?

Он попытался вытащить правую руку из кармана, но я прижал его к дверце. Могам с ужасом осознал, что допустил непростительную ошибку — позволил мне слишком близко придвинуться. Его лицо становится смертельно бледным. От моих резких движений очки слетели с его носа, упали к нему на колени. Могам поворачивает ко мне полуслепое лицо.

В моем голосе звучит жестокая издевка. Я наклоняюсь к его уху и шепчу:

— А что, если ты сказал правду? Если я действительно убил жену? Что, в таком случае, я должен сделать, чтобы избавиться от шантажиста?

Он лепечет:

— Но я этого не говорил!

— Ты же знаешь, что одно убийство неминуемо влечет за собой другое. Все равно придется расплачиваться, так уж лучше за все сразу.

Он бледнеет еще сильнее.

— Господин Блэк, я...

Быстро оглядевшись, убеждаюсь, что улица совершенно пуста.

— Ты понимаешь, что я могу сейчас влить тебе пулю в лоб? Потом брошу тебя в воду, а твою машину отгону подальше отсюда, и никто ничего не узнает. Никому ведь не известно, что мы вообще знакомы. Ключи от твоей конторы, наверное, у тебя с собой?

— Да.

— Я мог бы обыскать твой кабинет и уничтожить все компрометирующие документы. И никто никогда не отыщет ни малейшей связи между убийством моей жены и исчезновением какого-то паршивенького частного детектива. Есть кое-что, о чем ты не подумал. У меня неопровержимое алиби. Можешь доносить на меня Терану, можешь не доносить, от этого все равно ничего не изменится. Да, я умолчал о том, что мне было известно о связи моей жены с Ланном, но сделал это просто из стыдливости, а может быть, и из гордости. В любом случае, чувство вполне понятное. А вот у тебя положение незавидное.

Толкаю его на сиденье и обыскиваю. Он не сопротивляется. Вытаскиваю у него из кармана маленький пистолет и бросаю в реку, он описывает изящную кривую и с тихим всплеском уходит под темную воду.

Могам начинает суетиться, пытается открыть левую дверцу и сбежать, но я оказываюсь проворнее, я хватаю его и водворяю на место. От его суетливых движений очки падают на землю, слышится звон разбитого стекла, уведомляя хозяина о потере. Могам всхлипывает:

— Мои очки! Теперь я не смогу вернуться домой, без них я не способен вести машину.

— Ничего, потерпишь до утра, какая разница. Но, вообще-то, я хотел с тобой поговорить совсем о другом...

Могам, внезапно приободрившись, поворачивает ко мне уже спокойное лицо и выпрямляется, вывернувшись у меня из рук. Раз я собираюсь о чем-то его спрашивать, у него еще остается шанс выпутаться. Обеими руками схватив его за лацканы, приподнимаю над сиденьем.

— В самом начале не я поручил тебе следить за моей женой. И ты немедленно назовешь мне имя этого типа!

Ужас, промелькнувший в его глазах, сказал мне даже больше, чем гримаса, смахнувшая с его губ появившуюся было улыбку. Я безжалостно встряхнул Могама.

— Ну, так ты его знаешь?

— Нет, клянусь вам, нет.

Я с такой силой влил ему пощечину, что Могам повалился на руль.

— Говори, или я сотру тебя в порошок!

Прикрывает лицо руками.

— Ты ведь с самого начала, как только я позвонил в первый раз, знал, что перед тем имел дело с другим человеком, так?

— Да.

— И ты ничего не сказал мне, надеясь, что события будут развиваться для тебя благоприятно, и ты сможешь тянуть с обоих?

Могам, не отвечая, потирает щеку. Я продолжаю, тихо закипая от еле сдерживаемой ярости:

— Ты искал его?

— Да.

— Надеялся, что он раскошелится, если ты пригроишь ему, что все расскажешь мне?

Резко отшвыриваю от себя мерзкого подонка, он стучается головой о стекло. Еле слышно подтверждает мои слова.

— И как же ты его искал?

Могам проводит пересохшим языком по вспухшим губам и шепотом отвечает:

— Ходил на почту с извещением.

— И какое же имя отправителя там стояло?

— Ваше.

— А приметы этого типа ты узнал?

— Не так-то это оказалось легко, почтовые служащие видят столько людей каждый день.

— Ну, так ты добился чего-нибудь, в конце концов, или нет?

Могам кивает.

— На почту приходил какой-то мальчишка. Но мне не удалось его отыскать.

— Ты хорошо знаешь тот квартал?

— Да.

— В каком это округе?

— В десятом.

И вдруг у меня в голове вспыхивает ослепительный свет. Оттолкнув Могаму, вылезая из машины и ухожу, нетвердо ступая. Он больше мне не нужен, теперь я и сам все знаю. Без единой мысли в голове, совершенно автоматически завожу «ведетту» и уезжаю, бросив частного детектива на произвол судьбы.

Глава 18

Не было и девяти утра, когда меня разбудил пронзительный звонок.

Мариетта прошла через сад, скрипнула калитка; теперь старуха и тот человек, которого она впустила, идут сюда, по мере приближения к дому их голоса становятся все громче.

Входная дверь тихонько закрывается. По скрипу ступенек догадываюсь, что ко мне поднимается инспектор Теран. Он подходит к двери, негромко стучит.

— Войдите!

Его внушительная фигура преграждает путь солнечным лучам. Теран — в своем обычном костюме, на голове — летняя шляпа. Он держит в руках картонную папку с рукописью моего последнего, незаконченного романа.

Несмотря на ранний час, инспектору жарко, до меня доносится смешанный запах его пота и одеколона, которым он поливается. В комнате

полутемно. Теран моргает, щурится, делает несколько неуверенных шагов по направлению к окну.

— Можете открыть.

Он распахивает ставни, теперь я закрываю глаза. Снова открыв их, вижу, что Теран плюхнулся в большое кресло у моей постели. Его плечи перекрывают часть оконного проема, он оказался в тени, мешающей разглядеть его лицо.

Теран покашливает. Со своего места я вижу только его густые, кустистые брови, широкий лоб и светлое пятно шляпы.

По своему обыкновению, он молчит, он еще ни слова сегодня не произнес. Я уже измотан безмолвными схватками, в которых силами меряются только нервы. Однако эту утреннюю битву я надеюсь выиграть, больше того — я уверен в своей победе.

Теран тусклым, монотонным голосом обращается ко мне:

— Я прочел ваш роман, господин Блэк, он показался мне чрезвычайно увлекательным. Очень жаль, что вы его не дописали. Как вы собираетесь закончить?

— Еще не знаю.

— А кто убийца?

— Пока не решил.

— Может быть, вы позволите мне высказать несколько предположений?

— Охотно выслушаю.

Теран промокает платком лоб, откидывается на спинку кресла. Теперь мне вообще ничего не видно, кроме верхушки его шляпы. На присутствие инспектора в моей спальне указывает только голос. Кажется, что звуки возникают ниоткуда, и в то же время раздаются со всех сторон одновременно.

— Мне кажется, алиби у героя слишком безупречное, чтобы не оказаться подстроением!

— Что вы имеете в виду — роман или меня самого? Это, как-никак, не совсем одно и то же, а?

— Но ведь это вы его создали.

Беззвучно смеюсь.

— Я породил, кажется, десятка два, а то и три всевозможных преступников, можете сами подсчитать, сколько их в уже вышедших книгах.

Теран поглубже забирается в кресло. Теперь мне вообще ничего не видно, он полностью исчез из поля моего зрения.

— Почему вы не сказали мне, что вам было известно о связи вашей жены с Ланном?

Должно быть, его не интересует моя реакция, он даже не пошевелился, головы не повернул, чтобы увидеть, как на меня подействовали его слова.

— Могам времени даром не теряет. Он ведь вам донес на меня, этот жалкий частный сыщик?

Теран глубоко вздыхает, по-моему, это можно считать утвердительным ответом. Приподнявшись на локте, смотрю на него.

Глаза у инспектора закрыты, руки он скрестил на толстом животе. Кажется, будто уснул. Но это не так, я знаю, его мозг сейчас работает на всю катушку. Снова опускаюсь, вытягиваюсь на постели.

— Ну, так как, это действительно он вам доложил?

Теран ворчит:

— Вы не хуже меня знаете, что такие люди ни в чем не могут отказать полиции, собственно говоря, их вполне можно считать осведомителями. Они всегда идут навстречу нашим желаниям и даже опережают их.

— Он сообщил вам и о том, что меня поставили в известность обо всем помимо моего желания?

— Да, и это обстоятельство практически ставит вас на одну доску с Ланном.

— Это еще почему?

— Потому что всего через неделю после того, как вы узнали о измене жены, она была мертва.

— И что это доказывает?

— Что вы реагируете очень быстро и яростно.

— По-моему, вы несколько торопитесь с выводами и заходите слишком далеко.

— Возможно. Но я должен сделать вам одно признание, господин Блэк. Теперь я совершенно уверен в том, что Ланн не убивал вашу жену.

Ладони у меня в один миг стали мокрыми, и я сам не узнал своего голоса, когда ответил:

— Ну, так и отпустите его...

— У меня против него слишком много улик, а против вас недостаточно. Тем не менее, я уверен, что вы все это подстроили.

Теран сжимает кулаки, и в первый раз его глаза оживают, загораются.

— Даю вам слово, Блэк, я поймаю вас.

Делаю нечеловеческое усилие, чтобы победить страх и выдавить из себя смешок.

— Вы, вообще, ведете расследование, основываясь на догадках, продиктованных чувствами, или все же рассуждаете, опираясь на доказательства?

Теран морщится.

— Не нравятся мне такие разговоры, господин Блэк, да и ваш способ мышления тоже, но, раз вы так к этому относитесь, отвечу: я предпочел бы согласовывать свои сентиментальные догадки и соображения с фактами.

— Замечательно, но не находите ли вы, что пока откровения Могама ничем не подтверждают ваших предчувствий, а только направляют по ложному следу?

— Я ничего такого не нахожу, я только знаю, что буду искать, пока не найду.

Теран усаживается на край кровати, которая угрожающе наклоняется и трещит под его тяжестью. Он не смотрит на меня и продолжает говорить так, словно рассуждает вслух:

— У вас — безупречное алиби, но все-таки не может быть, чтобы вы нигде не допустили хотя бы одной-единственной ошибки, самой маленькой, почти незаметной. Вы привыкли решать задачи, строить интриги, плести паутину, загадывать читателям загадки, словом, ваше ремесло — интеллектуальная игра. Но если на этот раз ваш читатель, господин Блэк, то есть я, успеет найти решение до того, как наступит развязка, боюсь, вы больше никогда не поставите слово «конец» под очередной детективной историей.

Теран словно бы и не видит, как я вскипаю, он невозмутимо продолжает своей монолог:

— У вас есть три свидетельства, которые говорят в вашу пользу: показания вашей машинистки, господина Берта и вашей прислуги, все они, а также магнитофонные записи, вещественное подтверждение ваших слов, согласуются как нельзя лучше. Мадемуазель Берта заявила, что отпечатала двадцать третью главу утром того самого дня, когда было совершено убийство. Она утверждает, что к моменту, когда покинула ваш кабинет, двадцать четвертая глава еще не была продиктована. Когда она уходила, на часах было около полудня. В это время к вам пришел Франсис Берт. Он ушел от вас поздно вечером вместе с вашей женой.

С другой стороны, Мариетта клянется, что слышала, как вы поднялись к себе в кабинет, что свет у вас весь вечер оставался зажженным и что ее внимание не привлек никакой необычный шум. Она спокойно проспала час или два, и никакие звуки ее не будили. К тому же, когда я вам позвонил, вы сами подняли трубку, я лично убедился в том, что мой звонок записан на пленку, а это неопровержимо доказывает, что магнитофон был включен. — Прервав свой монолог, Теран поворачивается ко мне. — Значит, если искать нестыковку, то вашу машинистку, господина Берта и Мариетту следует оставить в покое, здесь мы ничего не найдем. Если вы допустили ошибку, она осталась на магнитофонной пленке, и у меня вполне достаточно времени, чтобы кропотливо ее поискать и, в конце концов, найти.

— Кое о чем вы забыли, инспектор.

— О чем же?

— Берта могла солгать из любви ко мне. Что, если она — моя любовница, и, защищая меня, надеется со временем занять место моей жены?

Теран как-то нехорошо усмехнулся.

— Вы обо всем подумали, ничего не упустили.

Пожимаю плечами.

— Я только пытаюсь вам помочь.

— Спасибо, но здесь я уже все проверил.

— Жаль, а то получилась бы эффектная театральная развязка, вот газетчики порадовались бы!

Уже стоя у двери и взявшись толстой лапой за ручку, Теран поворачивается ко мне.

— Можно мне посидеть у вас в кабинете?

— Вы собираетесь выучить мой роман наизусть?

— Почти угадали. Собственно говоря, вы сами только что подсказали мне идею.

Возвращается, подбирает рукопись, которую оставил на ковре, выходит из спальни.

Через несколько минут слышу собственный голос, который доносится из кабинета.

Мне становится страшно. Теран не преминет выжать из каждой фразы все, что только можно, а я не уверен, что не совершил той незначительной ошибки, которую он так терпеливо ищет.

Глава 19

Утро тянется бесконечно, невыносимо. Мой голос преследует меня повсюду. Теран не выходит из моего кабинета. Время от времени он останавливает пленку, отматывает назад, снова прослушивает одну из глав. У меня нервы на пределе, я сломлен, не могу больше слышать собственный голос, ничего не соображаю, ни на что не способен.

К десяти часам, не выдержав, отправляюсь в кабинет. Теран, сидящий за столом на моем месте, посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом. Пленка угрожающе крутится с тихим шорохом, мне кажется, я обращаюсь сам к себе, словно я раздвоился, и моя совесть сейчас произнесет обвинение.

Перед Тераном лежат отпечатанные Бертой листки, рядом с правой рукой — блокнот, в котором он делает какие-то пометки карандашом.

Мне не надо долго думать, чтобы догадаться, чем он занят: явно сверяет запись с текстом. Указывая на кресло, инспектор говорит:

— Присядьте на минутку, Блэк. Мне надо задать вам несколько вопросов.

Усаживаюсь в кресло, а мое второе «я» тем временем продолжает с мельчайшими подробностями рассказывать об убийстве.

Теран резко выключает магнитофон. Сердце у меня колотится так, что мне кажется, будто и Теран тоже слышит его удары.

Справившись со своими записями, инспектор утирает пот со лба и начинает говорить ровным, безразличным голосом:

— Если я правильно понял, вы вечером диктуете очередную главу, утром ваша машинистка ее печатает, а во второй половине дня вы вносите правку?

— Да.

— Таким образом, листки, которые лежат сейчас передо мной, проверены и исправлены вами?

— Совершенно верно.

— Прекрасно. Вы проверяете распечатку, исправляете и после этого к ней больше не прикасаетесь?

Качаю головой.

— И рукопись остается в таком виде до самого завершения работы?

— Когда роман закончен, я снова перечитываю его, правлю снова, если есть такая необходимость, потом Берта печатает окончательный вариант, и я несу роман издателю.

Нахмурившись, как будто он изо всех сил старается сосредоточиться, Теран говорит:

— А теперь, Блэк, слушайте меня внимательно.

С трудом удерживаюсь от недовольной гримасы. Он уже не в первый раз опускает «господина», и мне это совсем не нравится.

Инспектор, поглощенный своей идеей, продолжает медленно, взвешивая каждое слово:

— Включив магнитофон, я слышу именно то, что печатает ваша машинистка?

— Да.

— Без малейших изменений?

Он поднимает взгляд на меня, и у меня обрывается сердце. На мгновение замешкавшись, отвечаю:

— Без малейших изменений.

— Хорошо. Так, значит, здесь я вижу правку, внесенную позже?

— Да.

— А если бы вы два раза продиктовали на разные пленки одну и ту же главу, во второй раз вы повторили бы свои ошибки?

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Я имею в виду погрешности стиля, повторы, неточности, неуклюжие выражения, и так далее. Именно то, что вы впоследствии обычно исправляете.

У меня пересохло в горле, я не могу говорить. Теран очень близок к цели. Устало посмотрев на меня, он продолжает:

— Не думаете ли вы, что в таком случае инстинктивно избежали бы подобных огрехов? Вполне естественно для писателя, вы не находите?

С трудом заставляю себя подтвердить:

— Вы правы.

— Очень хорошо, господин Блэк, благодарю вас.

Явно намекает, что мне пора уходить. Встаю, пошатываясь, ноги меня не держат.

Когда я уже открываю дверь, Теран говорит:

— Наверное, не надо и напоминать вам о том, что я надеюсь сегодня вечером найти эту запись в целости и сохранности, было бы очень неприятно, если бы она вдруг оказалась стертой.

— Еще бы!

Он улыбается — в первый раз за сегодняшнее утро.

— Не сомневаюсь, тогда у вас не останется алиби, сами понимаете.

У меня едва хватает сил закрыть за собой дверь. Вцепившись в перила, с трудом спускаюсь по лестнице.

Едва я поставил ногу на пятую ступеньку, считая сверху, как в уши мне снова ударил мой голос. Дотащившись до столовой, наливаю себе стакан чинзано и залпом выпиваю.

Никаких иллюзий на этот счет у меня больше нет — я влип. Диктуя во второй раз двадцать первую и двадцать вторую главы, я невольно исправлял погрешности, я читал вычищенный текст, в общем, диктовал окончательный вариант главы, — в этом ни малейшего сомнения не остается.

Теран знает, что решение задачи кроется именно здесь. Сравнивая запись с рукописью, он заметит все расхождения такого рода. Но когда все это закончится? Сейчас он гоняет взад-вперед первую катушку, как будто хочет запечатлеть в памяти каждое слово. Когда дело дойдет до шестой катушки, я могу складывать вещички, не забыв сунуть в чемодан рубашку с открытым воротом. Я попался, загнал себя в мышеловку. Еще неделя, и Ланн будет на свободе. Он выйдет из тюрьмы в ореоле мученика и снова начнет затаскивать к себе в постель жен приятелей. А тот, другой, который все закрутил, воспользуется этой историей... Какой сюжет!

Сжимаю кулаки, корчусь от холодного бешенства. Главное — не потерять сейчас голову, иначе я погублю себя безвозвратно и наверняка. У меня остался всего один шанс выпутаться. Надо что-то такое придумать, найти предлог, чтобы заставить Терана на время оторваться от магнитофона. Он должен выйти из кабинета, но, кроме убийства, его ничем не выманить, и к тому же убийство должно быть как-то связано с его расследованием.

Это — провал. Подобно большинству преступников в романах, мне придется совершить еще одно убийство. Одно преступление влечет за собой другое, и так до бесконечности. Я думал, что окажусь поумнее своих героев, но, оказалось, я ничем не лучше их. И, как им, мне тоже нечего терять, я рискую всем. На этот раз мне будет труднее все проделать, но и опасаться приходится меньше.

Теран выключает магнитофон, поднимает глаза на меня.

— А почему вы не ищете того типа, который натравил Могам на Патрицию? — спрашиваю я.

— Мы этим занимаемся. Но что, по-вашему, мы можем с ним сделать? Он не совершил никакого правонарушения.

— Значит, вы не можете начать дело?

— Я ничего не могу. Я занимаюсь поисками убийцы, а не мерзавца.

Пожав плечами, улыбается.

— Впрочем, он мог бы нести частичную ответственность, но только в том случае, если бы вы, получив отчет Могам, убили свою жену.

И, чуть помедлив, спрашивает:

— Но ведь это не так?

— Нет...

Выхожу, хлопнув дверью. В одном я убедился — Теран не очень-то старается отыскать того типа, который все это закрутил. А поскольку Могам не преуспел в своем расследовании, очень мало шансов, что полицейские с этим справятся. Меня такой вариант устраивает.

То, что мне предстоит сделать, не слишком приятно, но ни угрызений совести, ни сожалений я не испытываю. Через несколько часов он за все расплатится, и все встанет на свои места: его смерть меня спасет.

Глава 20

Раздавив в пепельнице шестую сигарету, упираюсь головой в сжатые кулаки. В тысячный раз задаю себе все тот же вопрос: когда я диктовал второй раз, то в точности повторял текст или нет? Мои воспоминания об этом нечетки, расплывчаты.

Там, наверху, Теран прокручивает пятую катушку. Мой голос проникает всюду, добирается даже до того дальнего уголка сада, куда я забился.

После убийства я не сплю, не ем, держусь только на алкоголе и сигаретах, один на один со своими мыслями, бегущими по кругу, и это сводит меня с ума. Я боюсь посмотреть на свое отражение в зеркале, мне страшно себя увидеть. Это — не я, это не мое лицо — осунувшееся, с запавшими щеками, обросшими щетиной, не мой жесткий взгляд.

Часы бьют четыре. Мой кошмар продолжается; завтра или послезавтра Теран закончит свою работу. Пытаюсь вспомнить и не могу, только напрасно напрягаю мозг.

Я помню, что в тот день Патриция вошла ко мне в кабинет, я снова вижу ее перед собой, какая она красивая, я так ее люблю. Я закрыл окно, чтобы не слышен был уличный шум, потом взял листочки, отпечатанные Бертой.

Я так боялся, я уже совершал преступление. Не уверен, что действительно допустил ту ошибку, которую Теран надеется найти, но не могу ждать. Я все предвидел, но только не это. Не может быть, чтобы я тогда не помнил, хотя бы подсознательно, об опасности. Все мои мысли и чувства как раз и работали на то, чтобы все предвидеть.

Пять часов. Шесть часов. Я выкурил последнюю сигарету, допил минеральную воду.

Давным-давно пробило семь, когда Теран, наконец, появился на крыльце. Он сдвинул шляпу на затылок и расстегнул пиджак. Тяжело спустившись по ступенькам, направился ко мне. Мой взгляд прикован к папке с романом, которую он держит в правой руке. Глаза у него воспаленные, вид усталый, но это ничего не значит, наверное, он и просыпается такой. Не могу удержаться от вопроса:

— Ну, как ваши изыскания, продвигаются?

Он делает неопределенную гримасу, с тоской смотрит на пустую бутылку от воды, отмахивается от моего вопроса и падает на стул.

— У вас бывают отличные идеи, Блэк!

— Меньше, чем у вас.

Качает головой, шляпа съезжает.

— Это совсем другое дело. Мои умозаключения вытекают из фактов, от меня не зависящих. А вы даете условия задачи, потом туманно намекаете на решение, запутываете все при помощи фальшивых доказательств, чтобы, в конце концов, прийти к безупречному логическому заключению, которое вы ловко прятали, и которое, тем не менее, бросается в глаза.

Он встает, смотрит на меня, поджав губы, потом уходит, ни разу не обернувшись.

Я уверен, он найдет то, что ищет. Упорство тут сравнимо только с невозмутимостью, его не собьешь, любые доводы от него отскакивают.

Мариетта зовет меня ужинать и отвлекает от мрачных размышлений. Заставляю себя проглотить суп, заедаю какими-то фруктами. Нетерпеливо жду, пока она уберет со стола и уйдет, курю сигарету за сигаретой. Наконец, она, закончив все, уходит. В ее комнате зажигается свет, потом гаснет.

Сейчас — тридцать пять минут десятого. До десяти заставляю себя терпеть, с десятым ударом часов встаю, поднимаюсь на второй этаж, иду в ванную. Вымыв руки, открываю аптечку, перебираю копившиеся годами коробочки, пакетики и пузырьки, отыскиваю трубочку со снотворным и прячу ее в карман.

Потом иду в кабинет, беру фотографии, на которых Патриция в объятиях Ланна, выхожу, сажусь в машину и отъезжаю от дома.

Через несколько минут мчусь по Парижу. Останавливаюсь в темном закоулке неподалеку от площади Республики. Запираю дверцы на ключ, оглядываюсь кругом. Осталось перейти две улицы, и я — на месте. Медная табличка с выгравированным именем. Пересекаю маленький безлюдный двор, быстро поднимаюсь по темной лестнице на четвертый этаж.

Дом — очень старый, здесь на каждой площадке — всего одна квартира. Дверь оказывается прямо передо мной.

Пренебрегая звонком, два раза отрывисто стучу.

За дверью раздаются шаркающие шаги, потом в замочной скважине поворачивается ключ.

В дверном проеме появляется Франсис Берт. Узнав меня, он пятится и пытается закрыть дверь, я успеваю вставить ногу, потом отшвыриваю дверь так, что она стучается о стену, вхожу, ногой захлопываю дверь.

Франсис Берт не знает, как ему со мной держаться. Несколько секунд рассматривает меня и выбирает сердечный и приветливый тон.

— Ронни! Простите, не сразу вас узнал, я не ждал вас в такое время.

Протягивает мне взмокшую ладонь.

— Входите, старина!

Иду следом за ним в кабинет, стараясь ни к чему не прикасаться. Он усаживается за стол и указывает мне на кресло. По столу разбросаны листки с какими-то записями, стоят телефон, пишущая машинка и неизбежный магнитофон.

В первый раз в жизни внимательно его разглядываю. Он кажется встревоженным. Закуриваю, протягиваю ему свою пачку. Он жестом отказывается.

— Ну, как, Берт, работа идет?

Он отвечает «да», голос у него дрожит. То и дело облизывает губы.

— Как продвигается ваш роман?

— Я еще не все материалы собрал.

— Ах, вот оно что! И чего же вам еще недостает?

Он жалок, особенно когда пытается придать себе хоть немного уверенности.

— Еще многого.

Перебиваю его:

— Держу пари, вы не знаете, как закончить.

— Да, действительно, это так.

— Может, вам добавить второе убийство, иногда это помогает писателю выкрутиться?

— О, нет!

Его лицо искажается. Я усмехаюсь.

— Психологический роман, не так ли?

— Да, именно так.

Он окончательно растерялся, не владеет собой.

— А убийца?

Он обхватывает голову обеими руками. Выпускаю дым ему в лицо.

— Вы знаете, кто убил?

При этих словах он неожиданно вскакивает, дергается, будто схватился рукой за оголенный провод под током. Голос поднимается до крика:

— Да, я знаю, знаю!

Дрожащий палец упирается в меня.

— Это вы, Блэк, это вы.

Он пытается выбраться из-за стола, но выражение моего лица его останавливает, он опасно пятится, кажется, под прикрытием стола он чувствует себя немного увереннее, ощущает слабый прилив смелости. Тянется к телефону. Жестом пресекаю его попытку.

— Нет! Лучше расскажите мне, как вы узнали, Франсис.

Трясущейся рукой проводит по перекошенному лицу, падает в кресло. Поторапливаю его:

— Ну, говорите, живее!

— Расставшись с Патрицией, я позвонил вам.

У меня внутри все обрывается.

— Зачем?

— Хотел вас поблагодарить.

— Сволочь! Ты хотел узнать, как я себя чувствую, пока моя жена развлекается с другим, да?

— Нет, нет!

— Ты забавлялся, наблюдая за нами, особенно за мной. Какой сюжет, и все с натуры! Надо бы заглянуть в твои записи.

Он прикрывает бумажки обеими руками.

— Я вам не разрешаю!

— Да ну!

Вытаскиваю из кармана фотографии, швыряю на письменный стол.

— На, взгляни! Могам зашел дальше, чем тебе хотелось бы. Посмотри же! Ты любил ее, да? И подышал от ревности, зная, что она принадлежит другому, двум другим. И ты отомстил?

Он выпрямляется, скрипит зубами.

— Убийца, ты еще смеешь так говорить со мной? — Берт злобно хихикает. — Ну, и как ты себя почувствовал, узнав, что ты — рогоносец?

Изо всех сил даю ему пощечину, и он падает.

Глава 21

Смотрю, как он трясется и всхлипывает. У меня просто нога чешется его пнуть. Берт ревет, как баба, смотреть противно. Я уверен, что он полностью в моей власти.

Не теряя ни минуты, иду в прихожую, достаю из кармана носовой платок, оборачиваю им руку и открываю дверь кухни. Там беру стакан, до половины наполняю водой и бросаю туда полдюжины таблеток снотворного.

Терпеливо жду, пока они растворятся. До меня все еще доносится хныканье Берта. Вернувшись в кабинет, нахожу его на прежнем месте. Он валяется на полу, прикрыв голову обеими руками.

Он не может увидеть, что я держу стакан, закрыв руку платком. Ставлю стакан на стол, прячу в карман лоскуток ткани.

Пиная Берта ногой.

— Встать!

Он громко хлюпает носом и с трудом встает.

— Выпей вот это, может, немного очухаешься.

Берт тупо смотрит на стакан. Таблетки полностью растворились, и я точно знаю, что они совершенно безвкусные.

— Это что?

— Вода из-под крана, набрал у тебя на кухне, думаю, она не отравлена, ее можно пить?

Хватает стакан. Руки у него так дрожат, что часть воды выплескивается на стол. Остальное Берт выпивает одним глотком. У меня вырывается облегченный вздох, чувствую, как расправляются и опадают судорожно сведенные легкие.

— Сядь!

Берт падает в кресло. Ногтем подталкиваю к нему его заметки. Берт смертельно бледнеет.

Наклоняюсь поближе. Ну да, именно то, что я думал: Патриция, Ланн и я сам — три персонажа его будущего романа.

На том листочке, который он, должно быть, исписал как раз перед моим приходом, несколько фраз, из которых становится ясно: он знает, что Патрицию убил я.

Пристально смотрю в его бегающие глазки.

— А после ты собирался меня заложить, да? После того, как насладился бы мучениями Ланна и тем, как я медленно подыхаю у тебя на глазах от раскаяния и страха.

Он проводит рукой по лбу.

— Ты все равно погиб, Ронни, слышишь, ты пропал.

Меня трясет от злобного смеха.

— Пока еще нет. И, раз уж ты совершенствуешься в этом жанре, я кое-что тебе покажу. Включи-ка магнитофон.

— Зачем? Ты что, с ума сошел?

— Ну, давай-давай, пошевеливайся.

Он забивается поглубже в кресло.

— Нет.

Пожимаю плечами.

— Как жаль.

Достаю из кармана листок бумаги и быстро пишу на нем несколько фраз. Берт тревожно поглядывает на меня. Закончив, прячу ручку и протягиваю ему листок.

— Вот это ты сейчас продиктуешь.

Он пробегает глазами строчки, и я вижу, как кровь внезапно отливает от его лица.

— Но это преступление!

— Вот именно, преступление, и совершишь его ты.

Берт пытается встать, но его останавливает решительное выражение моего лица.

— Послушай, Ронни, я же не могу обвинить Ланна, сказать, что видел, как он убил Патрицию.

— Можешь.

По его лицу катятся крупные капли пота, глаза время от времени закрываются. Таблетки начинают действовать, мне следует поторопиться.

— Вот что я тебе предлагаю. Ты сейчас прочитаешь то, что я написал, это своего рода исповедь, и в ней ты признаешься, что обратился к Могаму, выдав себя за меня. Ты любил Патрицию, она тебя отвергла, да к тому же ты терпеть не мог Ланна и таким образом мог отомстить за себя и одновременно воспользоваться случаем. Сделав дело, ты стал наблюдать за нами, за всеми троими, изучая наши реакции. Ты ждал, что в один прекрасный день я ворвусь к Ланну, и нетерпеливо подстерегал эту минуту.

Берт встает, он совершенно уничтожен.

— Никто не поверит.

— Поверят! Инспектор, который ведет расследование, уже встречался с Могамом. Он в курсе, и он уже тебя ищет.

Берт снова падает в кресло, вытирает пот со лба.

— Продолжаю. В тот вечер, когда Патриция отвезла тебя домой, ты, едва выйдя из машины, пересел в такси. Ты знал, куда она едет, поэтому сумел ее обогнать, даже при том, что, замечая следы, несколько раз менял машину. Итак, ты приехал на место раньше, чем она, и видел, как Ланн ее убил.

— Это все неправда!

— Разумеется. Но это не имеет никакого значения.

И, немного помолчав, объясняю ему:

— Собственно, я пока не собираюсь использовать эту пленку, но, когда ты запишешь на нее то, что я сказал, я возьму ее с собой, и ты не сможешь на меня донести. Если же ты не справишься с желанием меня заложить, я отдам запись журналистам. Представляешь, как взорвется эта бомба? С одной стороны, ты обвиняешь меня в убийстве, с другой — оправдываешь своей пленкой. У тебя будут неприятности с полицией — лжесвидетельство, пособничество убийце и все такое прочее. К тому же весь Париж узнает, какой ты мерзкий ублюдок.

Жестко смотрю на него.

— Я же тебя знаю, Берт, ты предпочтешь, чтобы казнили Ланна, не так ли?

Он вздыхает. Глаза у него сами собой закрываются, он покачивается в кресле. У меня остается всего несколько минут. Берт все же находит достаточно сил, чтобы немного поработать головой.

— А если я откажусь?

Встаю, подхожу к нему, сильно встряхиваю.

— Все очень просто — вместо того, чтобы твое признание спокойно лежало, записанное на пленку, у меня в надежном месте, оно будет отпечатано на твоей пишущей машинке, и завтра полиция найдет его рядом с твоим холодным трупом.

Берт качается. Он уже не может держать глаза открытыми. Внезапно он показывает пальцем на стакан.

— Что за гадость ты туда положил?

— Ничего, ровным счетом ничего. Это у тебя, гаденыш, нервы сдают.

Он поворачивается ко мне. Видно, что изо всех сил борется со сном.

— Ты же не сделаешь этого?

— Почему же, сделаю. Какая мне разница, одним больше, одним меньше!

— Тебя поймают.

Я только смеюсь в ответ.

— Ты не хуже моего знаешь, какие есть способы, чтобы не поймали. Закрою все на ключ. Никто не видел, как я вошел. Подожду до двух или трех часов ночи, а потом выйду через окно. Легче легкого. Ну, так как? Ты диктуешь, или я...

Его лицо искажается, голос едва слышен. Берт скорее выдыхает, чем говорит.

— Я продиктую...

Он склоняется над столом, нажимает клавишу, катушка начинает медленно крутиться, я отодвигаюсь подальше, чтобы не было слышно моего учащенного дыхания.

Берт долго не решается начать, потом все-таки произносит:

— Мое имя — Франсис Берт, я... — Он умоляюще на меня смотрит. Я сжимаю кулаки. Берт продолжает, глядя в пустоту, руки у него трясутся. — ... обратился к частному детективу Могаму с тем, чтобы...

Я уже не слушаю, его тихий голос звучит ровным шумом, вроде дождя, все мое внимание приковано к его лицу, которое постепенно становится восковым, дыхание делается свистящим, Берт судорожно цепляется за край стола, чтобы не упасть.

Теперь уже все его тело трясется мелкой дрожью, постепенно до него начинает доходить. В его отуманенной голове что-то брезжит. Он задыхается. Его отяжелевший мозг не может справиться с двумя делами сразу — передавать не свои мысли и одновременно соображать.

— Я приехал к дому Ланна... (торопливо пишу на листочке адрес и подсовываю ему)... в Со... раздался выстрел... человек поднес револь-

---

вер к своему виску, я убежал (царапаю на листке: «я испугался»)… я испугался, — послушно повторяет Берт.

Внезапно он падает на стол, обхватив голову руками, дрожит и всхлипывает. Ногтем нажимаю на клавишу, останавливаю магнитофон. Наступает полная тишина. Берт спит, уронив голову на стол. Щупаю у него пульс, он кажется мне слабым. Поднимаю Берта, прислоняю его обмякшее, безвольное тело к спинке кресла, собираю свои листочки, потом, снова обернув руку платком, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, обследую ящики письменного стола и убеждаюсь, что там нет ничего опасного для меня.

Через пять минут заметки Берта уже рассортированы. Я оставляю на месте те, в которых он описывает поведение Патриции, действия Ланна и мои реакции. Те листки, на которых написано, что он знает о моем преступлении, забираю с собой.

Оглядываюсь, проверяю, не упустил ли чего. Убедившись, что все в порядке, склоняюсь над Бертом. Он дышит с трудом, редко и неглубоко. Лицо у него мучительно искажено, наверное, он все успел понять, прежде, чем заснул.

Поворачиваюсь к магнитофону, отматываю пленку назад, прокручиваю все сначала.

Пока голос Берта рассказывает о приключениях его героев, осматриваю пишущую машинку и ничего компрометирующего не нахожу.

Успокоившись на этот счет, отправляюсь в кухню и открываю газ; его запах преследует меня и тогда, когда я возвращаюсь в кабинет.

Берт уронил голову на грудь. Прядь пожелтевших волос свисает, касаясь стола. Вытаскиваю его из кресла, укладываю на низкий диванчик, стоящий у двери. Подбираю свой окурок, прячу его в карман, иду в прихожую и запираю входную дверь на задвижку.

Возвращаюсь в кабинет. Запах газа стал уже невыносимым. Закрываю окно, иду в спальню.

Глава 22

Инспектор Теран появился у меня около девяти. Ничто в выражении его лица не указывало на то, что есть какие-либо новости о Франсисе Берте. Он не слишком убедительно пожелал мне доброго утра и заперся в кабинете.

Не могу заставить себя уйти со второго этажа. Магнитофон начинает работать. Снова кружит адская карусель. Медленно переходит с катушки на катушку шестая пленка. Осталось совсем немного, еще несколько минут — и Теран все узнает.

Наверное, тело Франсиса Берта уже обнаружено. Я без конца спрашиваю себя, что там сейчас делается, я не могу думать ни о чем другом. Должна же у него быть прислуга, черт возьми! В половине десятого ей следует приступить к работе. Это невысказанно, невозможно, кто-то ведь

должен же был почувствовать запах газа, вызвать полицию... Нашелся кто-нибудь, кто догадался включить магнитофон, не совсем же они все тупые, хоть один должен сообразить. Наверное, сейчас ищут Терана, чтобы сообщить ему. В конце концов, это его дело.

Резкий телефонный звонок отдается в моей голове победным пушечным залпом. Все смешалось, обрывки моих спутанных мыслей, односложные ответы инспектора. Мне трудно дышать. Теран кладет трубку. Я больше не могу. Не выдержав, открываю дверь кабинета.

— Это вам звонили или мне?

Теран утратил свое непробиваемое спокойствие; похоже, он проснулся.

— Звонили вам. Но сообщение касается нас обоих.

— Ах, вот как?

— Франсис Берт, ваш главный свидетель защиты, только что найден мертвым в собственной квартире.

— Не может быть!

Теран улыбается жестокой, недоброй улыбкой.

— Может.

Он смотрит на меня в упор. Не отрывая взгляда от моего лица, четко, чуть ли не по слогам, выговаривает:

— На первый взгляд, это самоубийство, как... едва не произошло с Ланном. Похоже, вам это на руку, снимает с вас подозрения.

Падаю в кресло, вытираю мокрый лоб.

— Ничего не понимаю. Каким образом смерть свидетеля защиты могла бы снять с меня обвинение, если бы даже и существовала такая необходимость?

Улыбка Терана застывает.

— Перед тем, как покончить с собой, Франсис Берт написал признание. И прибавляет:

— Если, разумеется, он действительно покончил с собой.

Его лицо каменеет.

— Кстати, а где вы были сегодня ночью?

— Здесь.

— Вы можете это доказать?

— А вы можете доказать обратное?

Наши взгляды скрециваются. Продолжаю сухо и холодно:

— Раз уж об этом зашла речь, могу вам сообщить, что в утренней газете говорится о трех преступлениях, совершенных поблизости. Так вот, в этих трех случаях у меня тоже нет алиби.

Теран небрежно отмахивается.

— А вам не кажется, что в вашем окружении что-то часто используют магнитофон?

— Столяры часто пользуются молотком и пилой, мясники — ножом, а полицейские — собственными мозгами, и это вам не кажется странным!

Теран как будто съежился в кресле, бессознательно скрестив руки на животе, он стал похож на статую Будды. Я продолжаю:

— Все это не объясняет, каким образом смерть Берта может оказаться мне на руку, если воспользоваться вашим же выражением.

— Да что вы! И в самом деле не догадываетесь?

Он разглядывает меня, словно коллекционер — редкую марку.

— В самом деле.

— Именно Берт поручил Могаму следить за вашей женой.

— Сволочь!

Кровь в моих жилах закипает, я чувствую, что победа близка, только руку протянуть.

— Переходите к делу, инспектор, я давно знаю, какие чувства вы ко мне питаете, незачем на этом задерживаться. Лучше скажите, в чем признался Франсис Берт.

Теран жмурится, вздыхает и отвечает угасшим голосом.

— Он признался в том, что обратился к Могаму из ревности — ваша жена отклонила его ухаживания. Многие за ней ухаживали, за мадам Блэк!

Вскакиваю, ору:

— Еще одно слово о ней, и я вот этим кулаком дам вам по морде!

Теран успокаивает меня жестом.

— Подобные чувства делают вам честь.

Усмехнувшись, продолжает:

— Кроме того, Могам подтвердил принадлежность записи, он формально опознал голос Берта, как тот самый, который слышал по телефону... Вы в курсе?

Лихорадочно соображаю. Теран так искусно расставляет ловушки, что приходится взвешивать каждое слово. Только оскорбления и ругательства я могу выкрикивать совершенно безбоязненно.

— Да, этот грязный недоделанный сыщик признался мне, что слышал два разных голоса; а вам он признался, что пытался меня шантажировать? Кстати! (У меня только что мелькнула мысль, и я поспешил ее использовать.) Когда он обратился к вам после своей неудачной попытки — обратился явно из мести — он еще не опознал голос, он сам мне об этом сказал. С тех пор прошло несколько дней, а он тем временем...

Теран хмурит густые брови. Моя идея внедряется медленно, но верно. Продолжаю гнуть свое.

— Он попытал счастья со мной, рассуждая примерно таким образом: я заплачу ему, чтобы он вам не говорил, что я поневоле узнал об изменах моей жены: вот вам и первый взнос. А сам тем временем изо всех сил искал обладателя другого, анонимного голоса. Если бы он его нашел, тот бы тоже стал платить. Ему следовало пригрозить, что все станет известно мне. Кроме того, есть еще третья возможность: нет никаких доказательств, что он не обращался к Ланну или к моей жене, чтобы предупредить их об опасности и за это тоже потребовать денег.

— Словом, Могам вполне мог получить со всех?

— Похоже, вы придаете большое значение тому обстоятельству, что у писателя, сочиняющего детективные романы, ум достаточно логичен, чтобы разработать идеальное преступление. А не думаете ли вы, что на такое способен и частный сыщик? Шантаж — опасное занятие, он шел на огромный риск.

Теран вздыхает, его глаза превращаются в узкие щелочки. Вид у него такой, словно он вот-вот уснет.

— Мне очень нравится, как у вас работает воображение. На первый взгляд, ваши умозаключения кажутся очень привлекательными, но они ничего не объясняют. Продолжайте, для меня это весьма поучительно. Давайте разберем случай Франсиса Берта. Допустим, Могам его нашел. И какое отношение он, в таком случае, имеет к самоубийству Берта?

— Он толкнул его на это своими угрозами.

— Очень интересно. А что, если это убийство?

— С чего вы взяли?

— Так, просто предположение, ничего более.

— Если бы это оказалось убийством, мы вернулись бы к случаю Ришара Ланна.

— Продолжайте, вы меня просто заворожили.

— Вернемся к версии взломщика, которого якобы застала на месте преступления моя жена. Этот человек, о котором известно, что он перелез через ограду, поскольку вы нашли его следы, вполне мог оказаться и шантажистом. Его попытка не удалась, Ланн хотел его поколотить, тот стал защищаться, револьвер Ланна оказался у него под рукой, и шантажист воспользовался им для того, чтобы оглушить Ланна. В это время пришла Патриция, он испугался и выстрелил в нее.

У меня в голове загорается красный огонек. Я зашел слишком далеко. Я понял это по улыбке инспектора, хотя он и пытался ее скрыть. Кусаю губы. Напрягаю мозг, наконец, высекаю спасительную искру мысли. Отвечаю инспектору улыбкой.

— Ну, разумеется, все это я нагородил, чтобы показать вам несостоятельность вашей убежденности в том, что Ланн невиновен, хотя, повторяю, я в этом с вами не согласен. Что, продолжать мне или не надо?

— Да. Знаете, меня просто пугает количество версий, которые вы способны выстроить за несколько минут. Снимаю шляпу. Значит, по-вашему, Могам мог убить вашу жену и инсценировать неудавшееся самоубийство Ланна? Вот только здесь есть одна загвоздка.

— Да?

— Франсис Берт признался, что видел, как Ланн убил вашу жену и поднес револьвер к собственной голове.

Набираю в грудь побольше воздуха и ныряю.

— Чтобы покончить с этой версией, выведу такое заключение. Франсис Берт видел Могама. Он представлял для него угрозу, а молчал он, потому что сам замешан в этом деле и огласка для него нежелательна. Могам нашел его и обнаружил, что они поменялись ролями, теперь Могам стал шантажистом. Он заставил Берта продиктовать то, что хотел, и потом убил его.

— Это все?

— Да.

Теран как-то странно смотрит на меня.

— Послушать вас, можно поверить, что вы при этом присутствовали. Поэтому мне хотелось бы знать, как и где вы провели сегодняшнюю ночь.

— На вашем месте я лучше бы выяснил, чем занимался Могам.

— Это уже сделано.

— И что?

— У Могама безупречное алиби, сегодня вечером он был в полиции и рассказывал, что его поиски человека, натравившего его на вашу жену, не увенчались успехом.

Облизываю губы. В этой игре все шансы — на моей стороне.

— В котором часу это было?

— Кажется, в половине десятого.

— А вы знаете точное время смерти Берта?

Во взгляде инспектора мелькает досада. Он неохотно признается:

— Нет, очень приблизительно.

Не могу удержаться от улыбки.

— Поразмыслите над этим.

Теран смотрит на меня с уважением.

— Ваше ремесло, инспектор, до странности похоже на мое. Я по-прежнему убежден в том, что Ланн убил Патрицию, Могам — мелкий жулик, не такого калибра, чтобы совершить два преступления и нигде не допустить ошибки.

— А вот у вас калибр достаточно велик, и ремесло у нас разное. Ничего общего: вы выдумываете преступления, вы могли бы их совершать, а я пытаюсь найти настоящего, реального убийцу.

Теран встает.

— Мне надо идти. Возможно, я вернусь сегодня вечером, и хотелось бы застать вас дома.

Дверь захлопывается.

Рукопись осталась на столе.

Глава 23

Дрожащей рукой включаю магнитофон. Мой голос будто повторяет за мной слова, которые я шепчу, читая опечатанную Бертой рукопись.

Было бы так глупо потерпеть поражение, оказавшись у цели. Одна ошибка, две, три. Меня трясет от злости, я продиктовал исправленный текст. Шестнадцать различий подобного рода в двух главах.

Вовремя я спохватился, еще час, и Теран бы... Если бы я мог... Мои движения опережают мысль, палец сам по себе нажимает на клавишу, катушка вертится задом наперед, мои слова стираются. Остается только продиктовать, повторяя то, что я вычеркнул, восстанавливая все, как было, здесь работы-то всего часа на два. Читаю слово за словом, в горячке, сам не понимая, что говорю, меня терзает запоздалая мысль: если я потрачу на диктовку больше или меньше времени, чем в прошлый раз, если главы не состыкуются, я пропал. Надо, чтобы текст уложился точно.

Эта битва со временем невыносима. Никогда в жизни я не испытывал такого мучительного страха, такой тревоги.

После двухчасовой пытки я добрался до конца и выключил магнитофон. Вроде бы, несмотря на то, что я едва не терял сознание от ужаса, удалось уложиться в нужное время. Привычка, рутина, ремесло спасли мне жизнь!

Он позвонил в мою дверь около семи часов вечера. Мариетта привыкла считать его своим человеком в доме, она ведет его в ту комнату, где я нахожусь. В гостиную.

Инспектор кладет свою шляпу на крышку бара и, не спрашивая разрешения, наливает себе стакан пива. Под рукой он держит папку, очень похожую на ту, что оставил сегодня в моем кабинете.

Падает в кресло, достает носовой платок, вытирает струящийся по лицу пот. Я сгораю от нетерпения. Он это знает и не торопится. Через полминуты можно подумать, что он спит. Я больше не могу сдерживаться.

— Если вы пришли сюда отдохнуть и расслабиться, так поищите для этого другое место!

Он едва приметно вздрагивает.

— Мне так хорошо у вас, мне так нравится ваше общество!

— Спасибо, взаимно.

Он делает усилие, пробует встать, потом снова опускается, разваливается в кресле.

— Ах, да! Насчет Берта, — он искоса поглядывает на меня. — Можете не волноваться, все в порядке.

— То есть?

— Никаких следов, в признаниях ничего подозрительного, никаких отпечатков, вот разве что на водосточной трубе кое-где стерта пыль.

— Плевать я хотел на ваши водосточные трубы, не понимаю, какое отношение это имеет ко мне?

— В этом-то я и хочу разобраться. Допустим, тот, кто это сделал, был уверен, что все пойдет как надо: лошадиная доза снотворного, полная кварта газа... Короче, сработано на совесть. К тому же не меньше двадцати соседей утверждают, что ночь провели у своих окон и ни одной живой души не видели.

Смеюсь про себя. Хотел бы я послушать, что рассказывала женщина со второго этажа!

Теран прерывает мои размышления, сухо прибавив:

— На этот раз получилось еще лучше, чем с Ланном.

— Послушайте, придется вам все-таки смотреть на Ланна как на убийцу.

— Я так и поступлю, вот только кое-что проверю.

— Опять эти ваши глупости с магнитофоном, мне уже начинает надоедать. Наверное, ваша жена влюблена в Ланна и умоляет вас сделать так, чтобы он оказался невиновным!

— Нет! Женщина, которая с ума сходила по этому актеру, мертва, и она была не моей женой, а вашей!

Мои пальцы впиваются в подлокотники кресла, царапают ткань.

— Убирайтесь-ка отсюда, Теран, убирайтесь, да поживее, иначе...

Он вскакивает с удивительным проворством, не ожидал от него такого.

— Я еще немного побуду у вас. Потом, если потребуется, принесу вам свои извинения. Но заметьте — я очень тяжелый и неповоротливый, и со мной вам трудно будет выдумать историю вроде той, какую вы сочинили про Могаму, Берта, Ланна и компанию.

Теран выпрямился во весь рост. Он все еще не расстается с папкой, теперь он похлопывает по ней и спрашивает:

— А знаете ли вы, что в ней лежит?

— Да какое мне до этого дело?

— Это рукопись, которую напечатала ваша машинистка.

По моему телу пробегает ледяная дрожь. Я невольно вскрикиваю.

Он невозмутимо продолжает.

— Та, что осталась там, наверху, у вас в кабинете — копия, которую я приготовил для вас: я вставил туда несколько фраз, которых вы не писали. Вы же не думаете, в самом деле, что я учил наизусть ваш роман для собственного удовольствия? Ваши поправки очень легко подделать — там вычеркнуть одно слово, здесь другое. Ничто не может быть проще! В тексты двадцать первой и двадцать второй глав я вставил несколько проходных фраз, позаимствованных из первых десяти глав, сохранив, таким образом, в неприкосновенности ваш лексикон. И вы не заметили этого, господин Блэк.

В первый раз за то время, что я его знаю, Теран раздражается смехом, холодным, безрадостным, от которого кровь у меня стынет. Он продолжает, не сводя с меня глаз:

— Я уже давным-давно заметил ошибки. Когда вы сидели в саду, я менял катушки и изучал последние часы диктовки. — Его взгляд мрачнеет. — Я хотел расставить вам эту ловушку еще вчера, никогда себе не прощу, что сделал это только сегодня утром: если бы я немного поторопился, Берт был бы сейчас жив. — Помолчав немного, Теран продолжает, немного сбавив тон.

— Вот как было на самом деле. Вы продиктовали за один вечер пять глав, сначала — продолжение, одну главу после двадцать первой и двадцать второй. Закончив, вы взяли чистую пленку и снова продиктовали двадцать первую и двадцать вторую главы, пользуясь рукописью. Но здесь вы промахнулись. Текст был уже исправлен, и вы так его и прочитали, думаю, ремесло оказалось сильнее. Потом вы продиктовали на другой стороне пленки двадцать третью и двадцать четвертую главы. Таким образом, у вас получились две пленки, одна — для вашей машинистки, там запись обрывалась после двадцать третьей главы, другая содержала двадцать четвертую главу, которую вы должны были диктовать в тот вечер, когда совершено было убийство. Ваше алиби было безупречным.

Я уничтожен, я не в силах пошевелиться и утратил дар речи. Теран неумолимо продолжает.

— Все это я знаю давно. Меня забавляло, как вы мечетесь за дверь, пока ваш собственный голос понемногу ведет вас к развязке, к смерти.

Только у меня не было доказательств. Видите ли, с одними этими доводами я мало что мог сделать, особенно если учесть, что вы были дома, когда я позвонил. Хороший адвокат поднял бы меня на смех. Но теперь, если вы действительно убили вашу жену и Франсиса Берта, а я думаю, что это так и есть, вы должны были поспешить уничтожить эти главы, стереть их и снова продиктовать в первоначальном виде. И одновременно вы должны были запечатлеть на пленке ваше признание, повторив слова, которых никогда не было в вашем тексте. — Теран переводит дух, в его глазах горит жестокая радость. — Вы хорошо меня поняли, Блэк?

— Да.

— Что вы думаете о моих предположениях?

— Это потрясающе.

— Не правда ли, мы просто созданы друг для друга! Какой роман мы могли бы написать в соавторстве, а?

— Действительно.

Инспектор распрямляется, левой рукой похлопывает меня по плечу, правой достает из кармана пистолет. Кладет его на крышку бара.

— Я проверю свои догадки в кабинете, господин Блэк. Откровенно говоря, я, вопреки всему, преклоняюсь перед вашим умом, как жаль, что... Думаю, вам не хочется огласки?

— Нет.

— Моему начальству — тоже. А ваше самоубийство легко будет объяснить. Шум меня не беспокоит. Прощайте, господин Блэк.

Здравствуй, Патриция!.. □

Перевод с французского
Александры Васильковой.

Владимир Бочаров

Авиатор

иллюстрация
Алексея
Остроменцкого

Авиатор

Гражданская война катилась по дорогам России. Февральский переворот 1917 года послужил толчком к развалу фронта — бездарное командование, братание с врагом, предательство, тысячи калек и военнопленных, брошенных на произвол судьбы. Поезда были забиты солдатами со всех фронтов, вместе с ними ехали мешочники, дезертиры и бывшие военнопленные. Только надежда на новый, 1918-й, год вселяла в сердца людей веру в будущее.

Эшелон под литером «26-12» мчался вперед, рассекая потоки холодного воздуха. Вагоны отклонялись то влево, то вправо, тормозя со скрежетом на поворотах, цокая буферами, словно в танце. Пронизывающий ветер врывается в вагоны через щели плохо сбитых досок, не давая согреться и уснуть ослабшим людям.

В одном из таких вагонов ехал бывший офицер воздушного флота Владимир Михайлович Камзолов, дважды раненный и сбивший над территорией противника пять аэропланов. Бежав из австрийского плена и попав в Россию, он наслушался от своих товарищей и случайных знакомых о беспорядках и разгуле черезвычайки. Поэтому, на всякий случай, Володя за пайку хлеба и пачку махорки выправил себе документы на имя рядового пехотного полка Крайнова Владимира Михайловича, возвращающегося из плена домой в деревню. Документ, сложенный пополам, лежал в левом кармане гимнастерки, застегнутой на все пуговицы. Обмундирование дополняли шинель с чужого плеча без погон, старые изношенные сапоги и солдатская фуражка, надвинутая на уши. Помимо него, в вагоне находилось еще человек тридцать. Володя держался особняком, сидя в углу на пустом ящике из-под снарядов и ни с кем не заговаривая. Гнилая солома, служившая подстилкой, основательно примерзла к полу. Костер, разведенный на небольшом листе железа, не мог обогреть людей, лишь едкий дым, исходящий от сырых березовых поленьев, разъедал в темноте глаза. Чтобы отвлечься и не думать о холоде, он погрузился в воспоминания...

До Первой мировой войны Володя, будучи студентом технического училища, как и многие

студенты, увлекся тогда еще новым, входящим в моду веянием — полетами на воздушных шарах и аэропланах. Со своими однокурсниками он начал посещать свободные лекции воздухоплавательного кружка, а по окончании училища твердо решил посвятить себя авиации. Было два пути — либо продолжить учебу в военном училище, либо ехать за границу и поступать частным образом в летную школу, так как за счет государственной казны могли учиться только командированные на учебу офицеры. В конце концов, на семейном совете решили, что он поедет учиться во Францию в летную школу Фармана.

Отец его, Михаил Юрьевич, написал письмо своему старинному другу, купцу первой гильдии Дворянчикову Степану Ивановичу, жившему в Париже, с просьбой, в случае необходимости, помочь сыну.

Сборы были недолгими. На перроне его провожали мама, отец, младший брат и два друга детства, Николай и Сергей, поступившие в военные училища, один — в Александровское, а другой — в Алексеевское. После всех напутствий и прощания Володя зашел в вагон, поезд тронулся, провожающие замахали платками и шляпами вслед уходящему поезду, мама платком украдкой вытирала слезы, а отец даже пытался улыбаться, чтобы не показать сыну, как он беспокоится за его дальнейшую судьбу.

Приехав во Францию, устроившись и заплатив первый взнос в летную школу, Владимир, наконец, пошел навестить Степана Ивановича. Супруга его, Надежда Ивановна, сразу же прониклась к Володе симпатией и во время чаепития просила Володю бывать у них почаще. К ним приехала погостить из России дочь Верочка, и в первый же день знакомства она вызвалась показать Володе Париж. Гуляли они долго, и эта прогулка как-то сблизила молодых людей...

Ежедневная учеба и тренировочные полеты в летной школе отнимали много времени, но в свободное от занятий время Владимир ехал к Верочке в Париж, и они бродили по Елисейским Полям и набережной Сены. А по воскресным дням он чаевничал в кругу ставшего дорогим ему семейства, обсуждая последние новости и рассказывая о своей учебе. А потом молодые весело прощались с родителями и уходили гулять. За время таких прогулок они пешком обошли чуть ли не пол-Парижа...

Володя часто писал домой, описывая свое знакомство с семьей Дворянчиковых и парижские прогулки с Верочкой. По этим письмам сына родители быстро догадались о зарождающейся взаимной симпатии молодых людей...

Время летело быстро. Верочке пора было возвращаться в Россию. Прощальный обед Дворянчиковы обставили по-купечески. На большом дубовом столе, покрытом белоснежной скатертью, красовались всевозможные соленья, грибки да огурчики, икра сига и щуки, паюсная икра стояла особняком на ледяной горке. Язычок говяжий с хреном и заячьи почки в чесночном соусе находились рядышком с тарелками, на одной из которых лежал амурский омуль и тонко нарезанный рыбий балык. В середине стола, на большом блюде, лежал отварной рассыпчатый картофель, обильно посыпанный укропом и политый растительным

маслом. Горячие куски телятины издавали такой аромат, что руки сами тянулись к столовым приборам. Небольшой хрустальный кувшин с водой и бутылка наливки дополняли эту праздничную картину.

После сытного обеда и долгих разговоров на стол поставили самовар, и началось чаепитие. Баранки, конфеты, пастила яблочная и рябиновая с кондитерской фабрики Абрикосова лежали в соломенных тарелках. Любил Степан Иванович поесть, а особенно накормить гостей. Вот уже гости начали расходиться, а близкие собрались на вокзал провожать Верочку.

Прогуливаясь по перрону в ожидании поезда, Володя и Верочка тихо разговаривали, давая обещания чаще писать друг другу. Неожиданно раздался сигнал к отправлению, и Володя легонько сжал хрупкую руку любимой.

— Верочка, мне хотелось многое тебе сказать, но главное — это то, что я тебя очень люблю, — произнес он, нежно притягивая к себе девушку.

— Володенька, милый мой авиатор, я не в силах поверить услышанному, это, наверное, сон, повтори еще раз, — еле слышно проговорила она.

— Люблю, люблю, моя единственная! — медленно повторил он и робко, чуть смущаясь, поцеловал Верочку...

Теперь влюбленным осталось только писать друг другу письма, нежные и трогательные, готовые согреть и поддержать. Володя с удвоенной энергией постигал летную азбуку. Вера писала часто, он старался отвечать сразу, не задерживаясь с ответом. Володя помнил почти все письма наизусть, но одно ему особенно нравилось.

«Милый мой Володенька, здравствуй, очень скучаю по тебе, одно утешение — твои теплые письма, которые, впрочем, не заменят тебя. Я пишу вздор, но на меня напала хандра, я постоянно плачу, смотрю в окно на улицу и жду своего воздухоплователя. Володя, очень за тебя тревожусь, береги себя. У нас все дожди и слякоть, я бы все отдала, чтобы побыть с тобой хоть один день, час, минутку. Целую тебя нежно и жду вестей из далекой Франции, твоя Верочка...»

Вагон неожиданно качнулся, поезд остановился. Володя очнулся от воспоминаний, поднял голову и прищурился.

Дверь со скрежетом отодвинулась, слабый свет от железнодорожного фонаря выхватил из темноты серые, воспаленные, обветренные от едкого дыма и холода лица людей.

«Выходи по одному!..» — раздалась команда проверяющего.

Нехотя поднимаясь, кряхтя и ругаясь, люди начали выпрыгивать из вагонов, выстраиваться в шеренгу перед группой солдат, начавших тут же проверять документы. Вот очередь дошла и до Володи. Развернув протянутую им вдвое сложенную бумажку, уполномоченный медленно прочел ее, шевеля большими губами, затем посмотрел на Володю полным взглядом и вернул документ.

Те, кому повезло, карабкались обратно в промерзшие вагоны, а кто попал под подозрение, были отведены к станционной будке и расстре-

---

ланы. С убитых снимали шинели, нижнее белье и сапоги, для верности коля мертвые тела штыками.

Наконец проверка закончилась, двери с лязгом задвинули, и поезд покатил дальше.

В вагоне стояла гробовая тишина, лишь несколько огоньков от самокруток светились, как светлячки в ночи.

— Эй, служивый, огоньку не найдется? — обратился к Володе сидящий рядом солдат.

Ему не хотелось лезть в карман шинели, но, сделав над собой усилие, Володя достал коробок и протянул незнакомцу. Спичка с шипением зажглась ярким огоньком и на миг из темноты выхватила небритое лицо, мясистый сломанный нос и черный вьющийся чуб из-под солдатской папахи. Пыхтя самокруткой, незнакомец затушил спичку, и опять воцарилась темень.

— Солдат или офицер? — не унимался он, обращаясь к Володе.

— Солдат, — запахивая плотнее солдатскую шинель, коротко ответил Володя.

— Да мне все равно, кто ты, просто лицо показалось знакомым, — продолжил незнакомец и неожиданно резко отвернулся, показывая всем видом, что юноша ему не интересен.

Володя закрыл утомленные глаза и вновь погрузился в воспоминания...

Время учебы пролетело незаметно. Получив диплом об окончании летной школы и присвоении звания пилота-авиатора аэроклуба Франции, Володя начал собираться домой. В фибровый чемодан положил кожаную куртку, к карману которой был приколот серебряный значок аэроклуба, кожаные краги, летный шлем и очки. Открытки с видами Парижа и письма от родных и Верочки лежали рядышком, учебники и справочники до отказа заполнили пустоты чемодана. Билет в мягком купе гарантировал приятное путешествие.

Доехав без приключений до России, Володя вышел из поезда на перрон. Его встречали мама, отец и брат, чуть поодаль, у ограждения, стояла Верочка с небольшим букетиком цветов. Володя предупредил ее о своем приезде. Родные обступили юношу, каждый пытался обнять и поцеловать, но первой была мама, она прижимала его к груди, плакала и никак не могла отпустить сына. Наконец, Володя нежно обнял ее за плечи и подвел к своей возлюбленной.

— Познакомьтесь, это Верочка, — с улыбкой проговорил он.

— Вера, какая ты стала взрослая, я тебя помню совсем маленькой девочкой! — воскликнул Михаил Юрьевич и, воспользовавшись возникшей паузой, добавил: — Ну, что, мы будем и дальше так стоять? Едем быстреей домой, обед ждет.

Взяв чемодан, носильщик быстрым шагом поспешил на площадь, где расположились извозчики со своими экипажами. Подъехав к дому, все быстро прошли в гостиную, где их уже ждали Володины друзья Сергей

и Николай. Запах от приготовленного обеда проникал во все комнаты и коридоры. На первое была рыбная солянка, особенно любимая в семье Камзоловых, всевозможные соленья и холодец с хреном, тушеный гусь лежал на большом блюде посередине стола, водка и наливки стояли в бутылках на отдельном маленьком столике. К чаю подали яблочный пирог.

Володя подробно рассказывал о своей учебе, показывал фотографии аэропланов и групповое фото с друзьями, иногда Николай и Сергей прерывали его рассказ, задавая вопросы, а брат Алексей, получивший в подарок несколько открыток с видом Парижа, не сводил восторженных глаз со старшего брата.

После сытного обеда, чая и разговоров друзья Володи откланялись, сославшись на то, что другу с дороги следует отдохнуть, а повидаться и поговорить они еще успеют. Вера и Володя отправились погулять по скверу, расположенному неподалеку от дома. Оставшись в столовой одни, мать и отец неторопливо вели разговор о старшем сыне и Верочке.

— Мне нравится Вера, скромна, образованна, из купеческой семьи, видно, что она любит Володю, да и ему нечего болтаться, семейный человек и думает по-другому, — придвигая поближе к себе чашку с чаем, философствовал Михаил Юрьевич.

— Да, она красива, умна и тактична. Но насколько сильны ее чувства? Впрочем, Верочка мне тоже нравится, — махнув рукой и улыбаясь, произнесла Лукерья Петровна.

Прогуливаясь в скверике, Верочка и Володя вспоминали парижские встречи и строили планы на будущее. Вдруг Верочка остановилась, открыла сумочку и вынула из нее небольшую зеленую коробочку, аккуратно перевязанную алой ленточкой.

— Это тебе на память о сегодняшней встрече, обещаю, что откроешь ее дома, перед сном, — протягивая коробочку и загадочно улыбаясь, проговорила она.

Проводив Верочку и вернувшись домой, Володя закрыл поплотнее дверь в комнату, сел на край дивана и какое-то время подержал подарок в руке. Затем, потянув за кончик ленточки, развязал узелок. Внутри коробочки, на самом ее дне, лежал золотой медальон, на крышке которого была выгравирована витиеватая буква «В». Открыв его, Володя увидел портретную миниатюру своей возлюбленной. Подумав, он решил повесить медальон на один шнурок с ладанкой. Развязав узелок и продев его в узенькое колечко медальона, завязал два конца и надел на себя. Перекрестившись на образа, затушил свечу, лег в кровать, накрывшись с головой одеялом, и погрузился в глубокий сон.

Утром после завтрака Володя решил посетить кружок воздухоплавания и провести преподавателей технического училища, чтобы окончательно сделать выбор — оставаться ли дома или продолжить учебу в офицерском училище.

Но продолжить учебу не пришлось, 1914 год перепутал в одночасье все надежды, началась мировая война...

Пронизывающий холод не давал задремать, открыв глаза и закулив самокрутку, Володя прижался к стене и глубоко вздохнул.

«Когда же эти мучения закончатся? Как я устал, быстрее бы домой к родным. Что с младшим братом, где Верочка?» — эти мысли не давали ему покоя.

Огонь костра давно потух, замерзшие люди тесно прижимались друг к другу, голова сильно болела. Володя снова закрыл глаза, возвращаясь в далекие довоенные дни.

...После объявления мобилизации он поступил охотником в армию, через некоторое время все охотники приняли присягу и были переименованы в рядовые. Учитывая, что Володя закончил летную школу и имел диплом авиатора, его зачислили в корпусной авиаотряд. Медальон и письма от Верочки он отдал маме. Прощаясь на перроне под звуки духового оркестра, Володя обещал родным, что скоро вернется. Мама плакала, утирая платком слезы, отец с братом успокаивали ее. Отец шутил, что пули не достанут Володю высоко в небе, да и война будет недолгой. Верочка поцеловала Володю, он обнял ее, касаясь светлых волос, и они рассыпались по его плечу, словно золотая солома спелой ржи.

«По ва-го-нам!» — неожиданно для всех прокричал кондуктор, и оркестр заиграл «Прощание славянки». Володя прижал к себе Верочку, пристально глядя на нее, будто старался запомнить, затем нежно поцеловал в губы и, махнув рукой, зашагал, не оборачиваясь, к вагону. Поезд медленно двинулся под прощальные возгласы провожающих, выбрасывая под колеса белый пар, увозя в неизвестность, может быть, навсегда, дорогих и близких людей.

Через несколько дней эшелон с добровольцами прибыл на фронт. Володю и еще нескольких солдат отправили на подводах в корпусной авиаотряд, который располагался в нескольких километрах от передовой. После небольшого экзамена по материальной части самолета и собеседования со старшим офицером он был допущен к полетам. Вылеты и разведку Володя совершал на «Фармане», фотографируя позиции противника. За август он совершил четырнадцать боевых вылетов, случалось, что они с наблюдателем летали бомбить железнодорожные пути.

В свободное от вылетов время Володя писал письма домой и Верочке. Полученные от любимой письма перечитывал по несколько раз, а многие из них помнил наизусть.

«Здравствуй, Володя, горжусь тобой, дорожу каждой строчкой письма, подаренного мне в эти роковые дни, разлучившие нас. Храню твою весточку. Травинка из-под колеса твоего аэроплана совсем выцвела. Родители гордятся тобой и передают привет и пожелания, чтобы ты не рисковал напрасно. Пожалуйста, не думай, что только ты один защищаешь Родину. Я поступила на курсы сестер милосердия и через месяц буду где-то совсем рядом с тобой, мой отважный летчик, мой герой. Спасибо за фотокарточку, ты действительно красив в своей потертой куртке. Если бы не пометил себя крестиком, мне бы пришлось очень долго искать

тебя на групповой фотографии. Наверное, я опять пишу маленькие глупости. Нежно целую, храни тебя Бог в ратном деле, твоя Верочка».

Володя никогда не задерживался с ответом.

«Здравствуй, дорогая Верочка, был очень рад твоему письму. Твоей фотографии я не дождусь, и отговорка, что ты хочешь сфотографироваться в казенном платье с крестом на косынке, для меня несбыточная мечта. Что же касается моего геройства, то я получил чин младшего унтер-офицера.

Всегда помню твой образ, твой воздухоплаватель».

В следующем письме Верочка слегка пожурела его за бахвальство по поводу получения очередного чина. Поэтому впоследствии он старался обойти эту тему и не сообщил ей о награждении Георгиевским крестом третьей степени и получении чина младшего офицера за два сбитых аэроплана.

Неожиданно вагон качнуло, поезд начал тормозить.

«Неужели доехали?» — подумал Володя.

Дверь со скрежетом открылась, и все увидели грязный вокзальный тупик.

— Выходи по одному, готовь документы! — раздалась команда из темноты.

Все гуськом потянулись из вагона. Придирчивый досмотр, проверка документов, вопросы, откуда и куда.

— Значит, в деревню, товарищ? — произнес старший, обращаясь к Володе, но тот не успел ответить.

— Это наш товарищ, не сомневайся, вместе с нами из австрийского плена, — опередил Володю солдат, просивший у него закурить.

Уполномоченный сделал пометку в документах и вернул их обратно.

Стараясь не задерживаться, Володя шел быстрым шагом, отыскивая глазами знакомый переулок. Вот и родная улица, дом, покрытый штукатуркой, сломанный палисадник и ни одного огонька в окнах. Он неуверенно постучал в дверь, затем сильнее и настойчивей. За дверью слышались шаги.

— Кто там? — раздался голос мамы.

— Это я, мама, Володя! — крикнул он.

Дверь распахнулась, маленькое, хрупкое тело прижалось к сыну, отец молча стоял рядом на крыльце, держа в руке «летучую мышь».

Войдя в родительский дом, Володя разделся, помылся, надел чистое белье и сел за стол напротив семейного самовара. Напившись горячего чая с сахаром, оставшимся от старых запасов, он еще какое-то время рассказывал родным о вынужденной посадке в тылу врага, о последнем патроне и ранении, о безответных письмах к родным и близким через «Красный крест», о беззаконии в лагере для военнопленных и мытарствах по железным дорогам России.

— Сынок, ты устал после долгой дороги, иди отдохни, — прервал отец.

Встав из-за стола, Володя перекрестился на образа, мать обняла его и медленно повела в комнату, где было уже постелено. Укрыв сына теп-

---

лым одеялом и присев на край кровати, она тихо заплакала, радуясь, что старший сын жив, что не надо простаивать часами у окошка, смотря на унылую улицу, а по ночам просыпаться от шороха, прислушиваясь, не постучался ли кто.

— Мама, я хотел бы взглянуть на медальон, подаренный Верочкой, который я отдавал тебе перед отправкой на фронт, — проговорил Володя.

— Как же, помню, он у меня, сейчас принесу. — Мать встала и засеменила в другую комнату.

Вернувшись, она подошла к кровати и протянула Володе раскрытую ладонь, на которой лежал медальон. Он молча взял его, ощущая металл, нежно потер пальцами и зажал в кулаке, думая в эти минуты о чем-то своем.

— Да, чуть не забыла, тебе письмо от Верочки, — медленно проговорила Лукерья Петровна и положила серый конверт на подушку.

Он посмотрел на письмо и узнал знакомые кудряшки почерка своей любимой. Ему хотелось побыстрее открыть его, прочесть, но он, чуть помедлив, спросил у мамы, не видела ли она Николая и Сергея.

— Сергея убили, а Николая видела несколько раз на улице, спрашивал про тебя. А что я знаю? Важный такой стал, одним словом, уполномоченный, — тихо ответила она.

— От Алексея нет известий? — волнуясь, спросил Володя.

В ответ мама тихо покачала головой, чуть помедлив, нагнулась и поцеловала Володю, перекрестила и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Он взял конверт, распечатал его и начал читать.

«Здравствуй, дорогой воздухоплаватель. Пишу тебе, пишу, а ответа все нет и нет. Вот и решила написать на твой домашний адрес. Мне так грустно, что не хочется ни о чем думать, руки, как плети, хандра, и все от того, что не слышу тебя, мой дорогой, мой единственный Володя. Ты, наверное, обратил внимание, что у меня сменился адрес отправителя, и, по-видимому, я где-то рядом с тобой. Отдыха почти нет, много операций и ночных дежурств. Твоя сестра милосердия очень скучает и ждет вестей с оказией. Отзовись, прошу тебя. Молю Господа Бога, чтобы хранил тебя, мой единственный авиатор, целую, твоя Верочка».

Володя аккуратно вложил письмо в конверт, положил его на тумбочку, затушил лампу и долго лежал в темноте с открытыми глазами. Заснул он поздно, проспал до обеда, но, проснувшись, почувствовал себя лучше, усталость и кошмарные воспоминания покинули его. Володя встал, умылся, тщательно побрился и прошел в столовую, где уже был накрыт стол.

— Сынок, с утра к тебе приходил Николай, ты спал, я просила его зайти позднее, к вечеру, будь осторожен с ним в разговоре, — предупредил отец.

— Я не боюсь его, да и вряд ли он предаст нашу дружбу, хотя в жизни бывает и не такое, — задумчиво проговорил Володя.

Выпив крепкого чаю с сухарями и взяв с этажерки несколько старых газет, он пошел к себе в комнату, присел на кровать, попытался хоть что-нибудь прочесть, но буквы расплывались, а глаза закрывались сами

собой. Отложив в сторону газету, Володя прилег и незаметно для себя заснул. Его разбудили громкие голоса, раздававшиеся из соседней комнаты. Он прислушался, но ничего нельзя было разобрать. Открыв дверь в гостиную, Володя увидел Николая, сидевшего к нему спиной в офицерской новенькой гимнастерке без погон. Он пил чай и громко разговаривал с Володиными родителями. Увидев сына, мать и отец встали из-за стола и вышли в свою комнату, оставив друзей наедине. Николай поднялся и направился к Володе. Они обнялись, внимательно оглядели друг друга и закурили.

— Хочешь к нам? Авиация возрождается, да и за плечами у тебя ничего, только война, но ведь все воевали. Если с нами — помогу, а если с ними — тогда другой разговор, — пустив струйку дыма, произнес Николай.

— Ты меня не пугай, не боюсь я расстрела, да и пытать у меня нечего. Ты правильно сказал, я — с ними. С Сергеем, который погиб, с теми, кто на юге и по всей России. Не буду спрашивать, как и что, но и врать тебе не стану, решения своего не поменяю, во имя погибшего Сергея, — на одном дыхании выпалил Володя.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

— Хорошо, твоя воля, убеждать не буду, ни к чему. Могу чем-то помочь? — как-то устало спросил Николай.

— Мне нужны документы до Ростова и немного денег, — чуть помолчав, проговорил Володя.

Николай, не прощаясь, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Мать вошла в комнату и обняла Володю, предчувствуя скорое расставание.

На следующий день он принес справку, в которой было указано, что Володя является рядовым Н-ского полка, возвращающегося с фронта домой в Ростов, печати и подписи были настоящими.

Володя погостил дома еще четыре дня и, несмотря на уговоры родных остаться подольше, начал готовиться к отъезду. Сборы были недолгими. Он рисковал головой, кладя на дно солдатского мешка летные очки и подшлемник. Две пары шерстяных носков, свитер, кружка с ложкой, пакет с сухарями, вот и все вещи. Медальон висел на своем привычном месте. Володя дал себе слово никогда не снимать его со шнурка.

Грязный вокзал, толпы солдат, мешочники, всюду проверки, досмотры. Бежать, бежать отсюда скорей! Опять — старый вагон, колеса настырно стучали, металлическая печь, сделанная из железной бочки, раскалилась докрасна и старалась разбросать тепло всем ехавшим в вагоне. Володя дремал на верхней полке, положив под голову мешок.

По дороге в Ростов поезд неоднократно останавливали, но документы Володи были вполне надежны и не вызывали у проверяющих ни малейшего сомнения.

Добравшись до Ростова, Володя нашел бюро записи добровольцев. После небольшой проверки и регистрации он был зачислен в первый авиаотряд Добровольческой армии.

Самолетов было мало, Володе достался старенький «Ньюпорт», на котором он совершал разведку и бомбардировку, случались и воздуш-

---

ные бои, в которых гибли товарищи, да и он сам был ранен неоднократно. Когда были перебои с бензином, Володя брал в руки винтовку и отбивал со всеми атаки красных.

Судьба бросала его с одного фронта на другой, давая испытать радость побед и горечь поражений. Из дома не было никаких вестей, через знакомых и раненых, оставшихся в тылу, он пытался передать хоть какую-нибудь весточку родным и Верочке, но все безрезультатно. Теперь Володя писал письма и складывал их в солдатский мешок, надеясь, что война все равно скоро закончится, он встретится с Верочкой и сам отдаст ей эти письма.

Обстановка на фронте была очень тяжелой. Самолетов и опытных пилотов не хватало, отступая на западном фланге, белые несли большие потери. Красные, после тяжелых боев, переправились через Дон и заняли Каховку. Конница Жлобы рвалась к Мелитополю, ее необходимо было задержать. Врангель бросил в бой авиацию.

Володя со своими товарищами делал по несколько вылетов в день. Во время одного из таких вылетов он сбил «Ньюпорт» с красными звездами, он направил свой аэроплан на дозаправку, чтобы потом опять подняться в небо. Вдруг на него справа налетел «Форман» и начал обстреливать в упор из «Льюиса». Мотор заглох, машина начала терять высоту. Володя старался выровнять руль и спланировать к лесу. От резкого удара о дерево и неудачного падения он потерял сознание. Придя в себя, Володя какое-то время не мог понять, где находится. Присмотревшись в темноте, понял, что лежит на полу в небольшой комнате, пропахшей плесенью. Рука нестерпимо ныла и распухла, очевидно, перелом. Гимнастерка разорвана, ладанка, медальон и офицерская книжка исчезли, погоны сорваны.

Попал в плен, пронеслось в голове. На улице раздавались выстрелы. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появился молодой красноармеец.

— Поднимайся, белая сволочь, да поживей, у нас нет времени с тобой валандаться! — произнес он.

Володя медленно поднялся, прижимая сломанную руку к груди. Яркий свет ударил ему в лицо. Чуть прищурившись, он стоял посередине комнаты, ожидая своей участи. Напротив него за большим дубовым столом сидели трое — двое мужчин и одна женщина, очевидно, секретарь. Все тот же красноармеец положил на стол солдатский мешок, в котором лежали его личные вещи. По всей видимости, он нашел его в разбитом аэроплане. Красноармеец не спеша развязал мешок и извлек из него пачку писем, перевязанных веревочкой, старую книжку на французском языке, чистую тетрадь для записей и металлическую кружку.

— Не густо, — произнес красноармеец, сидящий в центре стола.

— Это еще не все, я давеча у него еще кое-что отобрал, — усмехнулся молодой красноармеец, вынимая из карманов и кладя на стол золотые погоны, офицерскую книжку и медальон.

— Камзолов Владимир Михайлович, — открыв офицерскую книжку, прочел старший вслух. — Вера, пиши, о чем задумалась? — обратился

он к девушке и начал медленно читать письмо. — «Здравствуй, дорогая Верочка...»

— Слышь, Верк, барыню-то как тебя зовут, — улыбаясь, проговорил он.

— Не смейте читать! Это личное письмо! — Володя попытался здоровой рукой выхватить письма, но молодой красноармеец сбил его с ног ударом кулака. Он упал на больную руку и от боли потерял сознание.

— Василий, ты что, одурел? Революционный суд и без твоего участия решил его судьбу, а ты, Верка, что рот открыла, пиши, вот еще медальон, черт его возьми, не открывается, — недовольно проговорил старший.

— Петрович, давай подковырну ножом, глядишь, крышка и откроется, — предложил молодой красноармеец.

— Как-нибудь сам разберусь, оттащи этого, комиссар завтра решит, что с ним делать,

За окном послышался шум мотора, небольшой двухместный аэроплан приземлился на полянку, прыгая по кочкам, и остановился напротив окна избы, в которой находился Володя. Дверь распахнулась, и пилот вошел в дом.

— Комиссар будет завтра, я его дождусь, и еще он попросил подготовить бумаги по расстрельным, — обратился он к старшему.

— Вера, ты что, как неживая, давай крутись, баба, есть хотим, пора вечерять, — повернулся к женщине Петрович.

Вера встала из-за стола и направилась в кухню. Губы ее дрожали, сердце учащенно билось. Она узнала в пленном летчике своего единственного, любимого Володю. Сколько же она не видела его, сколько воды утекло за это время! После переворота она, так же, как и многие в госпитале, ходила с красным бантом на груди, подчеркивая свое расположение к временному правительству. Затем было отступление, санитарные поезда, теплушки, агитация комиссаров, а когда поняла, что это только говорильня, было, как ей казалось, поздно. Писем из дома Верочка не получала, знала только, что при случае убежит и доберется домой. Только где теперь ее дом, она себе ясно не представляла, настолько все в жизни переменялось. Из госпиталя ее перевели в отряд особого назначения, по выявлению «контры», так как она была единственной грамотной из всех девушек. Так она и ездила с отрядом из города в город, по деревням и селениям, выполняя функции секретаря и стряпухи, а порой и санитарки.

Верочка напряженно думала, как ей спасти любимого. Пока она готовила ужин, молодой красноармеец втащил Володю за ноги в чулан и закрыл дверь на замок. Лежа на полу, он слышал голоса пьяных красноармейцев и гармонике. В комнате, где производился допрос, он обратил внимание на девушку, сидящую за столом, и, несмотря на то, что косынка съехала на глаза, он узнал в ней свой Верочку.

«Неужели она? Почему с ними?» — думал Володя, погружаясь в сон.

Ему снились родные и друзья, Москва и почему-то какие-то отрывки из плена. Неожиданно Володя очнулся, гробовая тишина на миг испуга-

---

ла его. Дверь чулана была приоткрыта, в соседней комнате раздавался храп спящих красноармейцев. Володина голова лежала на чем-то мягком, он попытался что-то сказать, но знакомый женский голос заставил его замолчать.

— Тихо, тихо, Володенька, это я, твоя Верочка, я их всех споила, давай поднимайся, надо бежать, пока они не проснулись, — шептала она.

Володя медленно встал, опираясь здоровой рукой на Верочкино плечо.

— Как ты могла быть с ними? Зачем тебе это? Что произошло? — механически повторял он.

— Потом, все потом, — перебила его Верочка.

Они осторожно вышли на улицу, поблизости не было часового, очевидно, он тоже спал.

— Надо забрать письма и медальон, — тихо обратился к возлюбленной Володя.

— Не волнуйся, я забрала их. — Верочка протянула ему медальон и письма.

— Это теперь твои письма, а медальон я заберу, — прошептал Володя и положил его в карман гимнастерки.

Быстрым шагом они подошли к аэроплану. Володя первым делом посмотрел уровень горючего в баке и, убедившись, что все в порядке, здоровой рукой помог Верочке взобраться в кабину аэроплана, а сам, преодолевая боль, сел на привычное место пилота. Включил двигатель, мотор работал, как часы, видно, за машиной ухаживали. Верочка легонько хлопнула Володю по плечу и передала ему наган, на всякий случай взятый у спящего красноармейца. Двигатель прогрелся, и машина потихоньку покатила, увеличивая с каждой секундой скорость. Вдруг сзади раздались выстрелы — шум мотора разбудил спящий караул. Аэроплан медленно начал взлетать, красноармейцы вскочили на лошадей, неистово крича и стреляя, стараясь догнать беглецов. Володя выстрелил из нагана, один из всадников упал, остальные стреляли, пытаясь попасть в самолет. Аэроплан, набрав высоту, неожиданно дернулся, на какой-то миг замер и начал стремительно падать вниз. Вражеская пуля смертельно ранила Володю.

— Володя! Любимый! — закричала Верочка и в отчаянии крепко обняла сзади еще теплое тело любимого, не веря в его гибель.

Еще мгновение, и аэроплан ударился о землю, развалившись на части.

Конный разъезд, во главе со старшим, подъехал к разбившемуся аэроплану, кто-то соскочил с коня и несколько раз выстрелил в бездыханные искореженные тела.

— Хорошо, что так закончилось, а то трибунал плакал бы по нам, — произнес старший, ударяя шпорами коня, и поскакал обратно в деревню, за ним последовали остальные.

Разлетевшиеся письма подхватил ветер, как стая белых голубей, полетели они над полем, помахивая своими крыльями, словно прощались с погибшими, которые так и остались лежать на зеленой сочной траве под чистым, голубым и таким бездонным небом... □

ВОЛШЕБНЫЙ ЭЛИКСИР

СМЕРТИ

Люди не умирают просто так.

Двадцатипятилетняя Ольга К. была обнаружена собственной матерью через несколько часов после смерти, в ванной, с перерезанными на обеих руках венами. И вода в ванне, и тело уже успели остыть. Не веря глазам, женщина опустилась на корточки и тут же наткнулась взглядом на белый листок, лежащий на крышке стиральной машины:

«Милая мамочка, прости меня, я больше не могу жить. Мне настолько плохо и страшно, что каждая минута в этом мире кажется мне маленьким адом. Ты этого не поймешь, и слава Богу. Пожалуйста, похорони меня в том платье, в котором я была на выпускном. Теперь оно должно быть мне как раз. Целую. Оля».

В комнате надрывался от голода младенец. Муж Ольги, Виктор, третий день как уехал в командировку, и мальчика все это время никто не кормил.

Единственное, что пребывающая в полном шоке женщина смогла сделать, это доползти до телефона и вызвать милицию. Потом она взяла внука на руки, вышла с ним на лестницу и так и сидела на ступеньках до приезда оперативников.

Денис Маслов (имя и фамилия изменены) в кругах московских сыщиков прославился тем, что отправил на тот свет семнадцать женщин, ни разу к ним не притронувшись, не зная их и совершенно не желая им смерти. Более того, человеком он был вполне приличным, добрым, неглупым и обаятельным. Трогательно любил жену, воспитывал сына, заботился о родителях и имел кучу друзей. Когда дело раскрылось, за него приходила хлопотать целая толпа народу, и каждый клялся, что «Денис на такое не способен, это ошибка, такого просто не могло быть!» Однако на первом же допросе испуганный Маслов во всем признался и, не дожидаясь обыска, предъявил остатки непроданной отравы — двадцать четыре упаковки тех самых зловещих «Таблеток Тибетского Шамана», из-за которых все и случилось.

...Время было трудное — девяностые годы. Каждый, как мог, пытался заработать. Маслов не стал исключением, его НИИ совсем прекратил

выплачивать зарплату, а дома ждали беременная жена, инвалид-отец с крохотной пенсией и пенсионерка-мама, которая фактически одна кормила семью, продавая на рынке носки и колготки с лотка. Поэтому, помучившись пару месяцев, Денис плюнул на все, уволился из института и ушел на вольные заработки. Сначала он вполне успешно торговал продуктами, но на фирму «наехала» мафия, и этот источник дохода приказал долго жить. Потом были какие-то аферы с акциями, ваучерами, недвижимостью, но больших денег это не приносило. Денис не сдавался, пробуя себя в различных сферах бизнеса. И однажды ему попалось нечто действительно денежное — торговля лекарствами. Предложил ему это старый школьный приятель, фармацевт с дипломом, наладивший контакты с какой-то малоизвестной зарубежной фирмой.

Товар был вполне ходовой: обезболивающие средства, средства от простуды, микстуры от кашля, заживляющие кремы, легкие антидепрессанты, средства женской гигиены. От Дениса требовалось лишь развозить яркие коробки по торговым точкам на своей машине, получать деньги и передавать приятелю, который стал главой их маленькой фирмы. Работа была несложная, приятная, оплата стабильная, в общем, дела пошли в гору.

Родился сын. Уж чем-чем, а детскими присыпками, импортными памперсами, витаминами и прочим мальчика обеспечили с самого появления на свет! Проблема возникла только одна: после родов и кормления грудью Инну, жену Дениса, разнесло до 105 килограммов. Это было ужасно, учитывая, что до беременности она весила едва ли 60. Никакие диеты не помогали. Женщина впала в депрессию, часто плакала, отказывалась есть, но голод мучил ее, и она снова и снова наедалась, провоцируя дальнейшее увеличение веса.

Не выдержав, Денис обратился к другу:

— Володь, а у них нельзя заказать что-нибудь... ну... для похудения? Я-то переживу, но Инка просто на стенку лезет.

— Для похудения? — задумался глава фирмы. — Не знаю... Вообще-то, средствами для похудения они не занимаются... Но я попробую узнать.

Через несколько дней он позвонил:

— Слушай, Инна грудью уже не кормит? Хорошо. Есть одно лекарство, но, вообще-то, это психотропное средство, для больных шизофренией... Оно полностью отбивает аппетит. Я не должен тебе такое советовать, но, думаю, для Инны другого выхода нет. Она разумная женщина. Если будет принимать осторожно, то похудеет, и все будет хорошо.

Инна согласилась сразу:

— Ну, конечно, я буду осторожна! Ни одного лишнего миллиграмма! Пусть привозит!

Таблетки приехали через месяц. Длинная аннотация была на английском языке, и Денис потратил полдня на ее тщательный перевод. Оказалось, что средство действительно предназначено для больных шизофренией, оно снимает острые симптомы болезни: двигательное возбуждение, галлюцинации, бредовое состояние, успокаивает пациента. В списке побочных действий значились: потеря аппетита, вялость, заторможенность, замедление реакций, сонливость, апатия. Дозировка указывалась строгая: по 1 таблетке 2 раза в день. В случае передозировки, как гласила аннотация, были возможны: сумеречное состояние

сознания, депрессия, патологическая сонливость вплоть до комы, неадекватность реакций.

Первую таблетку Инна проглотила с опаской. На всякий случай сделала она это в выходной, чтобы для подстраховки рядом находился муж. Но ничего страшного не случилось, женщина действительно стала немного сонной, даже прикорнула на час после обеда, однако этим все и ограничилось. Лишь вечером она поймала себя на мысли, что целый день не притрагивалась к пище, и это обрадовало ее. Перед сном ей опять захотелось есть, но усилием воли она перетерпела голод и легла спать.

В сущности, Инне повезло. Она и впрямь была разумной женщиной, поэтому решила принимать не две, а всего одну таблетку в день, после обеда. Этого хватало ей, чтобы не есть после 14 часов и спокойно доживать до сна. Днем она старалась бороться с сонливостью, побольше двигаться, заниматься ребенком, делать домашние дела, даже периодически ходить в спортивный зал. Прием лекарства, конечно, доставлял ей дискомфорт, иногда наваливалась депрессия, но стремительно убывающие килограммы вызывали такую радость, что это снижало побочное действие препарата. К тому же она тщательно скрывала свое состояние, боясь, что муж отберет у нее волшебные таблетки.

Через три месяца, когда Инна вплотную приблизилась к норме, Владимира неожиданно убили. Как это произошло, никто не знал, поговаривали, что за какие-то долги. Денис не стал вникать в подробности судебного дела, похоронил друга и занялся делами фирмы сам. «В наследство» ему достался маленький склад медикаментов, печать, пачка чистых накладных, старенький компьютер с какими-то непонятными базами данных и толстая тетрадь с адресами клиентов. Не было самого важного: самостоятельного выхода на зарубежных партнеров, поэтому бизнес быстро заглох. Денису удалось продать все, кроме последней коробки, в которой ровными рядами лежали упаковки «волшебных» таблеток. Видимо, наслушавшись восторженных рассказов приятеля, Владимир перед самой смертью закупил партию средства в расчете на дальнейшую его перепродажу именно как препарата для похудения. Но ни один клиент сомнительные таблетки не взял, и Денис, вздохнув, перевез коробку домой и закинул ее на антресоль, до лучших времен.

Еще через месяц Инна перестала принимать лекарство. Она дошла до желанных 60 килограммов и решила, что дальше продержится своими силами. Правда, после отмены препарата на нее навалился «зверский» аппетит в сочетании с сильной раздражительностью, но она была очень волевым человеком и все-таки смогла преодолеть его, не возвращаясь к таблеткам. Один Бог знает, какие мучения ей пришлось пережить, но факт тот, что она стала, пожалуй, единственным исключением из общего правила: ей удалось и сбросить вес, и не попасть в зависимость от таблеток, и не растолстеть снова, и остаться в живых. Но это — заслуга ее собственная, а никак не «волшебного лекарства».

Денис, конечно, всех тонкостей не знал. Он видел только то, что видел: жена снова стала стройной, никаких побочных эффектов у нее не проявлялось, в общем, таблетки доказали свою эффективность!

Позже Инна, плача, говорила на следствии:

— Мне надо было все ему рассказать. Но я не хотела, чтобы он знал, каких усилий мне все это стоит, как я мучаюсь. Мне казалось, будет луч-

ше, если он подумает, что все окончательно пришло в норму, что волноваться больше не о чем...

Загадочна женская душа!

Таблетки провалялись в квартире несколько лет. Денис за это время устроился на работу в солидную фирму по недвижимости, неплохо зарабатывал, сменил машину, сделал дома хороший ремонт. Жизнь вошла в русло. Однако все чаще Маслова посещала мысль, что неплохо бы открыть собственное дело и прекратить работать на «дядю», но для этого нужен был стартовый капитал, а где его взять? А тут еще объявился давний знакомый, который предложил объединить усилия, и требовалось-то от Дениса всего две тысячи долларов на «раскрутку»...

В общем, он вспомнил о таблетках. В коробке лежало сто упаковок средства. Правда, срок годности, скорее всего, истек, но...

На следствии Денису много раз задавали один и тот же вопрос:

— Вы действительно искренне верили, что препарат безвреден? Или пошли на это, понимая, какие могут быть последствия? Вы же взрослый человек, и вы даже не удосужились уточнить, производится ли сейчас это лекарство? Вы знали, что оно снято с производства еще в 1993 году как не прошедшее тестовых испытаний и опасное для человека?..

Денис так и не смог внятно ответить. А очевидную правду — «денег хотелось» — ему не позволяли произнести или страх, или остатки совести.

Так или иначе, волшебные «Таблетки Тибетского Шамана» появились в продаже. Конечно, не в аптеках, они распространялись через газету бесплатных объявлений, и на встречи с покупателями выезжало подставное лицо, некая Марина, якобы представитель фирмы, производящей чудодейственное средство. Для продажи таблетки были расфасованы в красивые пластиковые баночки и снабжены инструкцией на русском языке.

На допросе Марина рассказала:

— Я не знала, что это такое. Меня наняли для того, чтобы я встречалась с покупательницами, рассказывала им заранее выученный текст и объясняла, как надо принимать таблетки. Сама их не пробовала, поскольку лишним весом не страдаю. Для примера я показывала фотографии женщины (Инны) до приема лекарства и после. Что за текст? Ну... что это новое средство, основанное на травах и тибетских минералах, которое подавляет аппетит и выводит шлаки из организма.

— Сколько вы брали с покупательницы за упаковку?

— Двести долларов. Я получала двадцать процентов комиссионных.

Из ста упаковок лекарства было успешно продано семьдесят шесть. В момент продажи семьдесят седьмой Марину арестовали. Она и вывела оперативников на Дениса Маслова.

Собственно, раскрылось все случайно. Семнадцать самоубийств в таком огромном городе, как Москва, капля в море. А уж о том, чтобы вычислить общую причину именно этих смертей, речь вообще не идет, ведь самоубийство — акт добровольный, имеющий, как правило, чисто психологические мотивы. И Дениса Маслова могли никогда и не найти, если бы пять из семнадцати жертв мошенника не были сотрудницами одной и той же фирмы.

Когда директору компании, где работали умершие, сообщили еще и о гибели менеджера Ольги К., он лично отправился в прокуратуру и

предъявил там результаты собственного расследования. Оказалось, что всех его сотрудниц, совершивших за последние полгода суицид, объединяли общие черты: они страдали избыточным весом (две из пяти — после родов) и принимали какой-то препарат для похудения. Дело завертелось. Допросили весь штат фирмы, и кто-то припомнил, что женщины вроде бы говорили между собой о чудодейственных «тибетских» таблетках, советовали их друг другу и обращались по объявлению в газете к какому-то дилеру, который доставлял им лекарство. Выйти на дилера (Марину) оказалось уже делом техники.

В ходе расследования выяснилось, что всего жертв было семнадцать. Марина, будучи дотошным человеком, сохраняла контактные телефоны покупательниц, и оперативники не поленились обзвонить всех, чтобы докопаться до правды.

У всех погибших незадолго до самоубийства наблюдались (со слов родственников) следующие симптомы: сильная депрессия, угнетенное состояние сознания, полное эмоциональное оупение, подавление инстинкта самосохранения, вялость, заторможенность. Они ничего не ели, почти все время спали или находились в полусонном состоянии, отказывались общаться с родными (даже с детьми!). Вмешательство врача-психиатра ни в одном случае не дало положительного результата, так как женщины не признавались (!!!) в приеме сомнительного лекарства. По мнению привлеченного к следствию медицинского эксперта, жертвы, зная о побочном действии «тибетских» таблеток, думали, что в скором времени «все пройдет», что надо просто «потерпеть», поскольку таблетки «помогают». А если признаться, то волшебное лекарство «отберут», и похудеть не удастся.

Среди тех покупательниц, кому посчастливилось остаться в живых, двадцать три человека полностью выпили таблетки, к ним вернулся аппетит, и они снова поправились, сделавшись в полтора-два раза толще, чем были. На вопрос следователя, что они помнят о своем состоянии во время «диеты», женщины рассказали, что это было «ужасно, все как в тумане, ничего не хочется», однако — вот парадокс! — они с радостью купили бы себе еще отравы, лишь бы сбросить ненавистные килограммы. Одна даже сказала, что согласна сидеть на таблетках пожизненно, лишь бы больше не толстеть!

Остальные жертвы находились в разных стадиях «курса лечения», и огромного труда стоило заставить их прервать прием лекарства и дать показания.

Лишь две девушки, лишней вес у которых был совсем небольшой, сумели справиться со своей проблемой, как Инна, но это тоже, скорее, заслуга их ума и воли, а не волшебного средства.

Денис Маслов, учитывая все смягчающие обстоятельства и помощь хорошего адвоката, получил семь лет тюремного заключения. Марине удалось отделаться двумя годами условно. Во время следствия погибла еще одна женщина, принимавшая препарат: когда она поняла, что после отмены таблеток ее вес снова катастрофически растет, и сделать ничего нельзя, она выпила смертельную дозу транквилизатора.

Кроме того, против Дениса подано сорок три иска о возмещении морального ущерба.

Но задумайтесь, разве он один такой?.. □

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на II полугодие 2006 года.

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

В редакции.

С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните **разборчиво** все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный **купон-заявку и копию квитанции** о переводе денег по адресу: **127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка)** или по факсу: **(495) 250-59-28**. Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начнется со следующего месяца. Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 62 руб. 70 коп.

Стоимость подписки на 3 номера «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 188 руб. 10 коп.

Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 376 руб. 20 коп.

Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ. При оформлении подписки на 6 номеров второго полугодия 2006 г. **до 1 июня** предоставляется **скидка 5%**, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб. 39 коп.

Как получить журнал?

---

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки **гарантирует получение**, так как **каждая бандероль пронумерована и застрахована**.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени. Факсу: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ:

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ. Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются!

Если вы **оплачиваете и получаете** журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. — 38.00 руб.

Квитанция и купон для оформления РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ

Я подписываюсь на 1 номер журнал «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп. **(подчеркнуть)**

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____

Дом _____ Корп. _____ Кв. _____ Код города _____ Телефон _____

Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Итого: 357 руб. 39 коп. (подчеркнуть)

Купон № 501018106-00000000119

Итого: 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. _____

Итого: 188 руб. 10 коп. (подчеркнуть)

Итого: 188 руб. 10 коп.

Итого: 62 руб. 70 коп.

Итого: 62 руб. 70 коп. (подчеркнуть)

Итого: 357 руб. 39 коп. (подчеркнуть)

Купон № 501018106-00000000119

Итого: 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. _____

Итого: 188 руб. 10 коп. (подчеркнуть)

Итого: 188 руб. 10 коп.

Итого: 62 руб. 70 коп.

Итого: 62 руб. 70 коп. (подчеркнуть)

МАРИЯ КУЛИЖОВА

Живу
с ощущением
полета!

Она стала известной и полюбилась зрителям после сериалов «Две судьбы», «Воскресенье в женской бане», картины «Лесная царевна».

Вскоре на Первом канале телевидения выйдет продолжение фильма «Две судьбы-2», а также будет демонстрироваться приключенческий сериал «Главный калибр», где Мария играет главные роли.

— **Мария, как вы пришли в театр Сатиры?**

— Сразу по окончании Щукинского училища, в 1998 году. Первая и любимая роль на сцене театра Сатиры — леди Чилторн в спектакле «Идеальный муж» по Оскару Уайльду. Сейчас играю Александру Негину в «Талантах и поклонниках» по пьесе Островского, мне дорога эта роль, интересно постижение образа героини.

— **Что нового происходит у вас в кино?**

— Снялась в сериале «Улицы счастья» — сценарий мне понравился сразу, я и Раиса Рязанова играем подруг-проводниц, там много нестандартных ситуаций, смешных моментов. Съемки шли иногда до ночи, на Киевском вокзале, но работали с удовольствием. Зрители увидят шестнадцатисерийный «Главный калибр», где Марат Башаров

играет продюсера, а я — его жену. Работа интересная, лихо закрученный детективный сюжет — события Великой Отечественной войны перекликаются с сегодняшним днем.

— **У кого из режиссеров хотелось бы сняться?**

— Безусловно, у хороших! Сейчас появляется много новых имен, разрабатываются новые проекты. Не все зависит от режиссера, важно, какая у тебя роль, интересен ли сценарий, много разных факторов

должно сойтись...Иногда молодые актрисы рассуждают в своих интервью, что снимаются они только в крупных проектах и т.д. Но! Вообще неизвестно, что после съемок получится — ведь в кино все так непредсказуемо. Результат спрогнозировать заранее невозможно, он будет виден только на экране.

— В чем преимущество профессии актера?

— Есть ощущение, что профессия актер — масштабная! На сцене

ты можешь «прожить» множество судеб, побывать «в шкуре» разных персонажей. В театре и в кино появляется возможность «реализовать» себя в любой профессии, и это здорово. Скажем, не стал ты в жизни врачом, а на съемочной площадке или на сцене играешь замечательного хирурга, который спасает жизни и помогает людям...

— Вы себя уютнее чувствуете на сцене или в жизни?

— На сцене есть заданные условия, а в жизни каждую минуту все может измениться на 180 градусов.

— Что хотелось бы сыграть в театре и кино?

— Хотелось бы сыграть в музыкальной комедии, где нужно много петь и танцевать. В кино — в картинах о войне. Мне нравится смот-

колаи, постановка Александра Ширвиндта, вы играете в этом спектакле...

— Да! Выпустили этот замечательный спектакль к бенефису народной артистки Ольги Александровны Аросевой, и я рада, что занята в нем. Аросева и Долинский играют парочку хитроумных воров, у меня там тоже роль мошенницы! Вовсю работала над образом, так хотелось, чтобы все получилось!

— С режиссером на репетициях, на съемках вы за диалог?

— Конечно! Никогда не сыграю у режиссера, который позволяет себе оскорблять актера, кричать на него на репетициях... Работа без удальствия — это каторга.

С Александром Анатольевичем Ширвиндтом на репетициях все актеры «в диалоге», и это хорошо. От природы у Александра Анатольевича фантастическое чувство юмора, он импровизирует виртуозно! Ширвиндт — мой педагог по Щукинскому училищу.

реть отечественные военные фильмы, ставшие классикой кинематографа. Я воспитана так, что День Победы для меня — святой праздник. К сожалению, многие современные школьники не знают историю своей страны, не понимают страшного значения слова «фашизм»...

— Мария, в театре Сатиры прошла премьера — «Ни сентима меньше!» по пьесе Альдо Ни-

— Как держите форму, на диетах сидите?

— Обожаю пирожки, мороженое, шоколад... могу расслабиться на празднике, ну, а потом сажусь на диету!

Однажды поправилась на два килограмма, и сценическое платье на корсете на мне не шло, с тех пор стала поосторожнее.

— Что дает вам сцена?

— Уверенность в своих силах, ведь видишь «вживую» реакцию зрителей. У сериалов есть так называемые рейтинги, а в театре — тысяча двести мест, и ты всегда понимаешь, когда спектакль идет хорошо. После удачного спектакля появляется ощущение полета!

— Что важно для актера?

— Быть востребованным. Наша профессия такая нестабильная. Ведь можно годами ждать роли... Тем не менее нельзя падать духом. Нужно уметь ждать, несмотря ни на что. □

Беседовала **Елена Феофанова**.

Планета

Бог царства мертвых у древних греков, окончательный вершитель судеб и исполнитель приговоров в астрологии, а в астрономии — планета Плутон. Открытая 76 лет назад, она стала своеобразным «камнем преткновения» для многих поколений ученых. В прямом смысле этого слова: одни называют Плутон «космическим булыжником», другие — гордо именуют «девятой планетой Солнечной системы».

Что мы знаем о Плуtone? Почти ничего. Ученые шутят: вся информация об этой планете может с легкостью уместиться на почтовой марке. И хотя с момента открытия Плутона прошло три четверти века, за которые наша цивилизация научилась расщеплять атом и строить космические станции, эта далекая планета не стала нам ближе и понятнее.

сюрпризов

Впрочем, складывается такое ощущение, что Плутон никогда и не стремился полностью открыться людям.

Впервые о существовании планеты за Нептуном заговорили в 1905 году. Тогда американский теоретик Персиваль Лоуэлл обратил внимание на странное отклонение в движении Урана. Ученый решил, что подобные возмущения может производить только неизвестное доселе небесное тело. Лоуэлл назвал его Планетой X и даже рассчитал предполагаемую орбиту.

Однако Планета X не спешила показываться землянам в телескопы и проявляться на фотографиях. В 1919 году ученые получили снимки, на которых, по всем расчетам, Плутон должен быть виден во всем своем великолепии. Ничего подобного! На одной фотографии изображение планеты размылось из-за брака эмульсии, а на другой — оказалось частично наложенным на какую-то звезду. Бог подземного царства как будто намеренно издевался над людьми, пытаясь в тайне

сохранить свое пребывание в Солнечной системе.

Удача улыбнулась землянам лишь в 1930 году. Ученику Персиваля Лоуэлла Клайду Томбо удалось, наконец-то, обнаружить Планету X. Астроном сравнил два снимка одного и того же участка неба, сделанные в разные ночи, и увидел смещение едва различимого космического объекта на фоне созвездия Близнецов.

Имя новой планете долго выбирать не пришлось. Небесное тело, находящееся на отшибе Солнечной системы и пребывающее в вечной мгле, решили назвать Плутоном — именно этот бог, по верованиям древних греков, управлял подземным царством мертвых, куда не проникал ни один луч света.

Открытие девятой планеты стало настоящей сенсацией. Ученые кинулись проверять вычисленную заранее орбиту Плутона и другие расчеты.

Результаты оказались неутешительными. Планета никак не хотела подчиняться общепринятым астрономическим нормам. Орбита тезки подземного владыки чрезвычайно сильно вытянута и наклонена. Потому и получается, что Плутон то проходит в 4,4 млрд. км от Солнца, то удаляется от него на 7,4 млрд. км. В результате, складывается парадоксальная ситуация: из 248 лет, что планета обращается вокруг нашей звезды, только 228 она может считаться самой удаленной от Солнца. Остальные же 20 лет Плутон меняется местами с... Нептуном, и последний оказывается на окраине Солнечной системы. Ничего подобного себе не позволяет ни одна планета!

Похожая ситуация произошла в 1979 году. 23 января Плутон и Нептун оказались на равном расстоянии от Солнца, а потом поменялись

местами. На астрономических картах это действие выглядело как пересечение орбит, но на самом деле ничего подобного не произошло: одна планета прошла в миллионах километров от другой.

Через 20 лет, 15 марта 1999 года, Плутон и Нептун провели очередную «рокировку», и все возвратилось на круги своя.

В 1955 ученым удалось вычислить период вращения Плутона вокруг своей оси — 6 суток 9 часов и 16,9 минуты в земном эквиваленте. А вот в оценке размеров планеты астрономы расходятся до сих пор. Одни полагают, что диаметр Плутона не превышает лунный. Другие, наоборот, считают его равным Земле. Есть и такие, кто подозревает Плутон в очередном «обмане». Поверхность планеты, по их мнению, настолько гладкая, что солнечный свет отражается лишь от ее небольшой центральной области. Так, например, бывает, если направить свет на отполированный круглый шар — отблеск будет располагаться в его центре. Следовательно, то, что мы видим с Земли — лишь часть Плутона. Его диаметр, полагают сторонники этой версии, больше того, что принято считать в последнее время — больше 2300 километров.

На Плуtone царит вечный холод и, по земным меркам, вечная ночь. День на этой планете скорее напоминает полнолуние — именно в таком виде жители «Плутонии» (если бы им на самом деле удалось обосноваться в этом негостеприимном месте!) наблюдают Солнце. Новый Год на планете происходит каждую четверть земного тысячелетия. Зато весна продолжается почти 20 лет. В этот период времени Плутон настолько близко приближается к нашей звезде, что атмосфера планеты испаряется, прорываются гей-

зеры и выстреливают гигантские, невиданные на Земле фонтаны газа и льда.

В 1995 году американским ученым удалось сфотографировать всю поверхность Плутона и составить его карту. Северный полюс планеты покрыт шапкой из замерзших газов. В других областях светлые и темные районы чередуются с яркими вытянутыми полосами. Ученые сделали предположение, что это связано с отложением газового инея: древнейшему, успевшему разложиться под действием ультрафиолета, соответствует более темный цвет, а остальные полосы принадлежат инею, образовавшемуся в последние столетия.

С тем, что у Плутона «внутри», тоже не совсем все ясно.

Одни полагают, что под поверхностью планеты, состоящей из различных элементов с преобладанием азота, метана и оксида углерода, находится слой льда, толщиной до 230 километров. Далее следует силикатно-каменистое ядро.

По второй версии, слой льда под поверхностью Плутона гораздо больше. А между ним и ядром планеты существует «прослойка» из органических веществ, толщиной до 100 километров.

И в том, и в другом случае расчеты весьма приблизительны.

В 1978 году Плутон преподнес очередной сюрприз землянам.

Ученый из Морской обсерватории Вашингтона (США) Джордж Кристи решил просмотреть снимки Плутона, чтобы уточнить орбиту этой все еще слабо изученной планеты.

Ему бросилось в глаза, что тело Плутона выглядит как-то странно: оно вытянуто в одну сторону, примерно, с севера на юг. «Неужели гора?» — подумал ученый. Но тут же рассмеялся. Невозможно даже

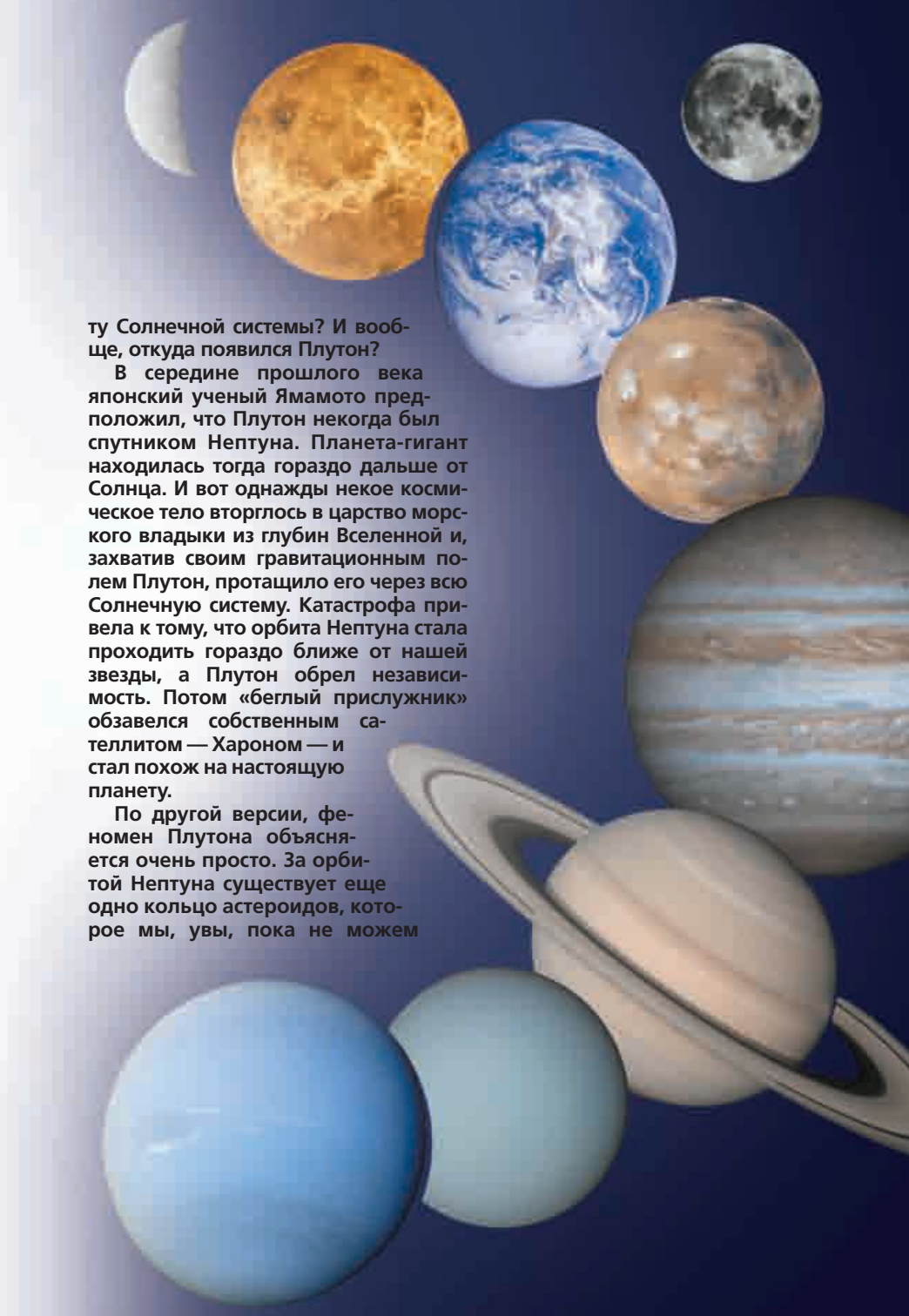
представить, какой должна быть гигантской вершина, чтобы ее могли наблюдать за миллиарды километров, пусть даже и в очень хороший телескоп. Кристи осенило: спутник!

Проверив все расчеты вместе с напарником, ученый подтвердил свое открытие. Спутник решили назвать Хароном — в честь легендарного перевозчика мертвых душ через реку Стикс.

Однако на этом сюрпризы не закончились. Выяснилось, что Харон обращается вокруг Плутона за то же самое время, что последний тратит на один оборот вокруг своей оси — 6 суток 9 часов и 17 минут. Тогда получается, что Харон постоянно находится над одной и той же точкой поверхности своего «хозяина».

Но следующий факт поверг астрономов в изумление. Рассчитав примерный диаметр открытого недавно спутника, они пришли к выводу, что Харон всего лишь в два раза меньше Плутона. А радиус его орбиты, по астрономическим меркам, просто «неприличен» — 19 000 км. Для сравнения, Луна удалена от Земли на 400 000 км.

И вот тут-то ученые призадумались: а планета ли Плутон? Странная орбита, небольшой диаметр, наличие спутника, что вращается на минимальном расстоянии от своего «хозяина», и, наконец, открытие между Плутоном и Нептуном кольца астероидов — все это говорило о том, что бог подземного царства вовсе не бог, а... самозванец. Иначе говоря, не планета, а большой астероид, которому удалось каким-то непонятным образом захватить своим гравитационным полем другой астероид. Может, на протяжении десятилетий Плутон просто водит землян за нос, изображая из себя девятую плане-

A collage of celestial bodies including the Moon, Jupiter, Saturn, Uranus, Neptune, Earth, Mars, and Pluto against a dark blue background. The objects are arranged in a scattered pattern, with some appearing larger and more prominent than others. The background is a gradient of dark blue, suggesting the vastness of space.

ту Солнечной системы? И вообще, откуда появился Плутон?

В середине прошлого века японский ученый Ямамото предположил, что Плутон некогда был спутником Нептуна. Планета-гигант находилась тогда гораздо дальше от Солнца. И вот однажды некое космическое тело вторглось в царство морского владыки из глубин Вселенной и, захватив своим гравитационным полем Плутон, протащило его через всю Солнечную систему. Катастрофа привела к тому, что орбита Нептуна стала проходить гораздо ближе от нашей звезды, а Плутон обрел независимость. Потом «беглый прислужник» обзавелся собственным спутником — Хароном — и стал похож на настоящую планету.

По другой версии, феномен Плутона объясняется очень просто. За орбитой Нептуна существует еще одно кольцо астероидов, которое мы, увы, пока не можем

рассмотреть. Плутон — лишь часть этого кольца и самое большое космическое тело в нем, которое ученым удалось заметить.

Конечно, все это лишь гипотезы, проверить которые весьма сложно — слишком большие расстояния. Даже свет от Солнца до Плутона доходит за 5 часов. Что говорить о космических аппаратах и станциях, чье путешествие к дальним рубежам Солнечной системы может длиться десятилетиями.

Однако споры вокруг Плутона продолжаются. Масла в огонь подлило недавнее открытие космического объекта 2003 UB313. Его орбита проходит между орбитами Нептуна и Плутона, а диаметр на 700 км больше диаметра последнего. Ученые полагают, что объект 2003 UB313 — самая что ни на есть настоящая десятая планета, резонно замечая, что Плутон — меньше, но это не мешает ему быть в планетарном сонме Солнечной системы.

Расставить все точки над «i» должна российско-американская программа «Новые Горизонты». В январе 2006 года к самой удален-

ной планете от Солнца стартовал с мыса Канаверал космический зонд. Окрестностей Плутона он достигнет только в начале 2015. Кроме привычных фотокамер, на борту зонда находятся спектрометры для изучения атмосферы девятой планеты, которая заметно отличается от газовых оболочек всех остальных планет. Некоторые ученые полагают, что изучение Плутона поможет пролить свет на тайны происхождения жизни на Земле — на этой планете могут быть обнаружены органические вещества и вода в больших концентрациях.

Впрочем, как говорится — «человек предполагает, а Бог располагает». В данном случае, в роли последнего выступает Плутон. Раз решит ли он землянам проникнуть в свое царство или приготовил чужеземцам очередной сюрприз? Ответы на этот и другие вопросы мы сможем узнать не ранее, чем через 9 лет. И то, если путешествие пройдет в соответствии с расчетами, и зонду удастся-таки добраться до этой загадочной планеты вечного холода и мрака.

Поживем — увидим... □

МУЗЫКАНТЫ В ПОГОНАХ

То ли страна у нас такая, то ли менталитет, но представить себе даже гражданское мероприятие без военного оркестра сложно. Любим мы живую музыку всей душой, особенно в исполнении людей в погонах. Так откуда берутся военные дирижеры и военные же музыканты? Об этом и многом другом мы беседуем с Романом Геннадьевичем Лаптевым — заместителем директора Московской военной консерватории.

— Роман Геннадьевич, когда в нашей стране возникли военные оркестры?

— Еще в петровские времена. В 1701 году появились первые упоминания о военных оркестрах европейского образца. Состав был довольно простой: гобои, сопели (русские народные инструменты), валторны и ударные.

— Военные оркестры задействованы не только в армии, но и в светских мероприятиях. Когда началась такая практика?

— Со дня своего возникновения. Оркестры сопровождают воинские церемониалы, начиная от парада

на Красной площади и заканчивая вечерним построением. Кроме того, уже в XVIII веке они участвовали в представлениях крепостных театров, играли на вечерах, балах, в садах и парках. Их музыка стала настолько популярна, что в конце XVIII века военные оркестры включили в состав различных партитур оперных представлений.

— **Многие считают, что наши военные оркестры созданы по образцу турецких. Так ли это?**

— Турецкие янычарские оркестры насчитывают более долгую историю... После русско-турецких войн мы позаимствовали многие янычарские инструменты: лиры, бунчуки, тарелки, литавры, — которые в XIX веке перешли уже в оркестры симфонические. На этом заимствования и заканчиваются.

— **А кто же дирижировал музыкантами, ведь тогда ещё не было специальных учебных заведений?**

— Капельмейстерами становились те же музыканты, только бо-

лее способные, более опытные, более образованные. Вначале подавляющее число капельмейстеров были гражданскими лицами. Военное ведомство специально нанимало их, чтобы те обучали армейских музыкантов. Но с какой же неохотой они это делали. Считали — зачем плодить себе конкурентов? Но процесс худо-бедно шёл. Правда, без всякой упорядоченности.

— **Когда же, наконец, поняли, что образование необходимо?**

— Уже во второй половине XIX века, в том числе Римским-Корсаковым и Антоном Рубинштейном, неоднократно высказывалась идея о профессиональном образовании капельмейстеров военных оркестров. В скором времени ее воплотили в жизнь в Санкт-Петербурге с лёгкой руки Римского-Корсакова, который был в своё время главным инспектором оркестров военноморского ведомства и отвечал за уровень подготовки музыкантов и капельмейстеров. В 1873 году в Санкт-Петербургской консервато-

рии открыли классы военной инструментовки, где преподавалась игра на инструментах, азы музыкальных теоретических знаний, и чуть позже — дирижирование. Первоначально преподавали профессора, приглашённые из Австрии и Чехии. Классы выпускали музыкантов для военных оркестров. По окончании учебы самые способные возвращались, чтобы, отучившись ещё два года и сдав экзамен, стать капельмейстером.

— Когда возникло учебное заведение, в котором мы находимся?

— Официальной датой возникновения Московской военной консерватории считается ноябрь 1935 года. У истоков учебного заведения стояли Генрих Нейгауз (возглавлявший в то время Московскую консерваторию) и Семён Чернецкий (главный военный дирижёр, главный инспектор военных оркестров). С тех пор название учебного заведения не раз менялось. Суть оставалась неизменной. За 70 лет существования

консерватория выпустила около трёх тысяч капельмейстеров.

— А как работали во время войны?

— Учебное заведение было эвакуировано и продолжало готовить ускоренные выпуски специалистов. Делали по несколько выпусков в год — численность вооружённых сил выросла, соответственно, и оркестров требовалось больше. Были, к сожалению, и потери. Ведь капельмейстерам приходилось воевать не только дирижерской палочкой. Например, дирижер Николай Михайлович Михайлов во время боёв заменил командира роты, потом командира батальона. Войну Николай Михайлович закончил Героем Советского Союза, командую полком. Позднее он стал генералом и главным военным дирижером.

— А после войны?

— Так сложилось, что люди любят музыку духовых оркестров. Одно только звучание оркестра уже создаёт праздничную атмосферу. Живая духовая музыка несёт в себе ко-

лоссальный заряд положительной энергетики, которая буквально «накачивает» слушателей хорошим настроением. И это — не досужий вымысел, а опыт многих поколений людей и практически научно обоснованный факт. Да о чём я говорю, просто вспомните свои собственные ощущения.

— Учиться тяжело? Курсанты не жалуются?

— В консерватории — пятигодичное обучение. Учиться нелегко. Ведь курсанты за время, в любом гражданском вузе выделяемое на приобретение одного высшего образования, должны получить два: высшее музыкальное и военное.

— Как попадают в консерваторию, ведь наверняка не по призыву?

— Чтобы поступить в консерваторию, в советское время требовалось преодолеть огромный вступительный конкурс, больший, чем в иные гражданские высшие учебные заве-

дения. Сегодня, конечно, дела обстоят совсем иначе, но конкурс всё равно сохраняется. Отбор претендентов довольно прост: у будущего курсанта должно быть среднее или хотя бы начальное музыкальное образование, чтобы в дальнейшем сольфеджио и гармония не ставили его в тупик. Существует ещё один критерий, хотя и не обязательный, — соискатель должен быть стройным, высоким, подтянутым, эмоциональным и пластичным.

— В чём, собственно, состоит обучение?

— Курсанты консерватории получают разностороннее образование. Дирижёр должен знать, как играть на инструментах, которыми ему предстоит дирижировать. Поэтому в обязательном порядке курсантов учат обращению с музыкальными инструментами. Одним из них овладевают до совершенства, другими — до приемлемого уровня.

В консерватории — восемь кафедр: дирижерская, военно-оркестровая, кафедра инструментов военного оркестра, инструментовки и чтения партитур, кафедры истории теории музыки, фортепиано, гуманитарных, социально-экономических и общевоенных дисциплин.

— Находят ли ребята практическое применение своим умениям?

— На каждом курсе консерватории — свой военный оркестр. Кроме того, имеется штатный концертный оркестр. Есть коллективы, которые создавались по инициативе преподавателей. Во-первых, это хор, во-вторых, различные вокально-инструментальные ансамбли, в-третьих, классические инструментальные ансамбли. Создан интересный коллектив: ансамбль ударных инструментов. У ребят всегда очень зрелищные и эффектные выступления, недаром они пользуются большим успехом у самой разной публики. Кроме того, есть квартеты тромбонов, валторн и даже туб — явление само по себе редкое.

Курсантов консерватории часто приглашают выступить на различных гражданских мероприятиях, в католических костелах, например. Приглашают за рубеж. Их можно услышать в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя, и, разумеется, каждый год на параде в честь Дня Победы на Красной площади.

— Расскажите, почему военную консерваторию разместили именно на этом месте? Казармы здесь, судя по всему, даже не прошлого века постройки.

— Военный городок, на территории которого находится консерватория, имеет богатую историю. Он построен в конце XIX века, в правление императора Николая Второго после памятных событий на Ходынском поле. Название у него

соответствующее — «Николаевский». Здесь был расквартирован донской казачий полк. На территории находились полковая церковь, школа для солдатских детей. С тех пор многое сохранилось, в том числе и казармы, которые и сегодня выглядят, как новенькие. Именно в этом военном городке во время битвы за Москву была сформирована первая батарея «катуш», откуда они и отправились на фронт.

— А как с курсанским бытом?

— Мы считаем, что быт наших воспитанников не менее важен, чем процесс обучения. Курсанты младших курсов живут в казарме, а старших, с третьего по пятый — в общежитии. Есть в консерватории и иностранные воспитанники из Монголии, с Островов Зелёного мыса, Армении, Таджикистана, Казахстана, Белоруссии. Всего же в консерватории обучается до двухсот курсантов. Среди них — и представители династий военных дирижеров и музыкантов в третьем и даже в четвёртом поколении.

— Наверняка, за годы существования консерватории образовался солидный архив?

— Солидный — не то слово. И мы стремимся, чтобы нашими сокровищами пользовались как можно больше людей. Показательная деталь: в нашей библиотеке — самый богатый в России отдел, посвященный духовой музыке. Материала здесь собрано больше, чем в Санкт-Петербургской и даже Московской консерваториях.

Российские военные оркестры всегда были лучшими в мире. Таковыми они и останутся. По крайней мере, до тех пор, пока будут в нашей стране консерватории. □

Беседовал **Максут Хундамов.**
Фото **Владимира Чейшвили**

Татьяна Полева

И струи пенные искрятся...

На мраморном обелиске, стоящем у ограды Верхнего сада Петергофа, высечены цифры: 29. Таково расстояние в километрах от Санкт-Петербурга до блестящей загородной резиденции русских императоров, а ныне всемирно известной «столицы фонтанов» — Петергофа. По сути, это наш ответ французскому Версалю, замысел которого возник у Петра I в 1714 году. Император, известный своей склонностью все контролировать лично, оставил после себя многочисленные рисунки, указы и пометки на документах, которые дают возможность утверждать, что общая концепция планировки, а иногда и детальная

разработка отдельных элементов архитектуры и фонтанных сооружений принадлежат самому основателю Петергофа.

Русский Версаль

Темпы, с которыми на берегу Финского залива возводилась резиденция, поражали и изумляли. В августе 1723 года состоялось торжественное открытие Петергофа (в переводе с голландского — Двор Петра). К этому времени был распланирован Нижний парк, прорыт Морской канал, построены дворцы Монплезир, Марли, действовала часть фонтанов. Подстриженные кустарники и

деревья, узорные цветники и редкие растения дополняли картину садов Петергофа, отличавшихся особым размахом и величием.

Но всему этому великолепию довольно скоро пришел конец. После смерти Петра его противники предали Петергоф и Петербург забвению, обрекая их на запустение и разрушение. И только в 1730 году,

по распоряжению Анны Иоанновны, стремившейся представить себя достойной наследницей Петра I, в Петергофе начался новый подъём строительных работ. Более века столица фонтанов (позже вокруг резиденции вырос небольшой пригород Санкт-Петербурга) постоянно подвергалась реконструкции, дополнялась и совершенствовалась.

В штате петергофского дворцового правления состояли архитекторы, скульпторы, гидротехники, которые каждодневно занимались текущими вопросами как нового строительства, так и ремонтными и реставрационными работами в парках и улицах города. Большинство из них имели постоянную петергофскую прописку и знали в нем, как говорится, каждый кустик, всю свою творческую жизнь отдавая служению Петергофу, всячески

стремясь сделать его еще более красивым.

Тяжелые годы войны

Временем тяжёлых испытаний стала для Петергофских ансамблей Великая Отечественная война. Гитлеровские войска ворвались в Петергоф 20 сентября 1941 года и после трёхдневных боёв захватили город, превратив его в особо укрепленный стратегический пункт,

и выселили всех жителей города. В день захвата Петергофа от снаряда загорелся Большой дворец. Дворец горел три дня, и петергофцы, которых угоняли из родного города, долго видели зарево над ним. В парках вырубались деревья, разорялись дворцовые здания. Противотанковые завалы из вековых деревьев, рвы, блиндажи, доты, дзоты, траншеи, воронки, колючая проволока, мины сделали территорию во многих местах почти непроходимой. Ок-

купанты вывезли из Петергофа несколько тысяч музейных экспонатов, похитили оставшиеся скульптуры Большого каскада (в том числе и знаменитого «Самсона»). И все же многие ценности удалось спасти: в первые недели войны в глубь страны отправили тысячи произведений живописи, изделия из фарфора и стекла, мебель, ткани. Мраморные скульптуры и часть бронзовых были укрыты в тайниках на территории Верхнего сада и Нижнего парка.

Возрождение Петергофа

Сразу после освобождения города в январе 1944 начались работы по возрождению дворцово-паркового комплекса. Одновременно с саперами в Петергофе работали музейные сотрудники и реставраторы. Они собирали сохранившиеся архитектурные детали, фрагменты лепки и резьбы, делали обмеры, готовили необходимую для восстановительных работ документацию. На расчистке погубленных фашистами

парков, среди колючей проволоки, противотанковых заграждений, окопов и траншей работали солдаты, жители Петергофа и Ленинграда, молодежь, часто приезжавшая на субботники. Историческим моментом в истории Петергофа стало 14 сентября 1947 года, когда перед Большим каскадом вновь заняла своё место золочёная бронзовая группа «Самсон, раздирающий пасть льва».

Эта скульптура, неизменно притягивающая взгляды посетителей Пе-

тергофа, является негласным символом столицы фонтанов. Библейский Самсон, разрывающий пасть льва, отождествлялся со святым Сампсоном, которого в XVIII веке считали покровителем России. В день празднования памяти этого святого, 27 июня 1709 года, была одержана победа над шведами под Полтавой. Но в идейно-образном содержании группы можно заметить отдаленные отзвуки иной традиции. Единорог человека со зверем является одним из излюбленных сюжетных

мотивов национального русского фольклора. Недаром в облике Самсона — особенно в лице — подчеркнут национальный русский и притом простонародный тип. «Самсон, раздирающий пасть льва» занимает центральное место в идейном замысле Большого каскада.

Величественная панорама открывается при подходе к Петергофу с моря: самую высокую точку занимает Большой дворец, возвышающийся на краю естественной 16-метровой террасы. На ее склоне сверкает золотом скульптур и серебром фонтанных струй Большой каскад. Шестьдесят четыре фонтана, двести пятьдесят пять бронзо-

вых скульптур, барельефов, маскаронов и других декоративных деталей позволяют считать Большой каскад одним из самых крупных фонтанных сооружений мира. Каждый год, с мая по октябрь, ровно в 11 часов под звуки «Гимна Великому городу» Глиэра начинают бить фонтаны Большого каскада. Перед каскадом в центре водного ковша взмывает мощная струя фонтана «Самсон», а далее воды устремляются к заливу по прямому, как стрела, Морскому каналу. Канал делит Нижний парк на две части, условно именуемые «западная» и «восточная». В восточной находятся дворец

Монплеизир, каскад «Шахматная гора» и «Римские» фонтаны, фонтаны «Пирамида», «Солнце», фонтаны шутихи. В западной части расположены павильон Эрмитаж и дворец Марли, каскад «Золотая гора», «Менажерные» фонтаны и «Клоши».

Петр не случайно выбрал именно это место для строительства Петергофа. Обследуя местность, он обнаружил несколько водоемов, питавшихся бьющими из-под земли ключами. Создание водопроводящей системы было поручено обучавшемуся в Голландии и во Франции русскому мастеру Василию Туволкову. Под его руководс-

твом в течение лета 1721 года построены шлюзы и канал, по которому из водоемов с Ропшинских высот вода шла самотеком до накопительных бассейнов Верхнего сада, и здесь можно было устроить лишь небольшие по высоте струй-фонтаны. Иное дело — Нижний парк, раскинувшийся у подножия террасы. Вода с 16-метровой высоты по трубам из бассейнов Верхнего сада по принципу сообщающихся сосудов с силой устремляется вниз, чтобы взмыт множеством высоких струй в фонтанах парка. Найденные еще Петром I принципы водоснабжения действуют и поныне, свиде-

тельствую о таланте основателя Петергофа.

Каждый год в последние выходные мая (точная дата может варьироваться в зависимости от погоды) толпы народа собираются в Петергофе, чтобы присутствовать на церемонии открытия фонтанов. Многие и не подозревают, какие ужасные годы запустения и разрушения предшествовали нынешнему великолепию парка. Восставший из пепла Петергоф восхищает гармонией архитектуры, скульптур и движущейся воды, каждый год неизменно начинающей свой бег под лучами майского солнца. □

СТУПЕНЬКИ, ВЕДУЩИЕ ВВЕРХ

Ему — всего 24 года. А его имя — Дмитрий Корчак — уже известно в музыкальных кругах всего мира. Он обладает удивительным по своей красоте божественным голосом — лирическим тенором, а его изысканная манера исполнения покоряет самую искушенную публику.

— Дмитрий, как начиналась ваша музыкальная карьера?

— С раннего детства я занимался музыкой. В семь лет поступил в знаменитое Московское хоровое училище имени Свешникова, где проучился одиннадцать лет. Мы — ученики — пели

в хоре, изучали музыкальные и общеобразовательные предметы, ездили на гастроли. Со временем, наш руководитель — Виктор Сергеевич Попов преобразовал училище в Академию хорового искусства, где дальнейшие пять лет обучения в ней стали аналогичны консерваторскому образованию. Я закончил академию и еще два года проучился в аспирантуре. Но хоровое училище дает профессиональное дирижерское образование, мы по выпуску можем создавать коллективы, руководить оркестрами либо преподавать. Уже учась на втором курсе академии, я понял, что могу совмещать дирижерское и вокальное образование. Все выдержал и закончил академию с двумя дипломами.

— Почему не стали дирижером?

— Руководить коллективом — это прежде всего огромная ответственность, ты отвечаешь за судьбу музыкантов, людей, у которых есть семьи, а их немало — сто человек! Не хочу сравнивать трудности жизни дирижеров и вокалистов — они абсолютно разные, но, взвесив все, я решил, что могу отвечать только за самого себя. Если что-то вдруг не получилось, то все это остается только на моей совести.

— Как вы начали петь сольные партии, здесь большую роль, вероятно, сыграл Виктор Сергеевич Попов?

— Так и есть, Виктор Сергеевич оказал большое влияние на меня. В то время у него возникла идея создать в академии вокальное отделение, потому что ребята мечтали петь не только в рамках хоровых выступлений. Некоторые начинали петь сольно и стали уезжать за рубеж, сейчас они — известные певцы и выступают по всему миру. Почти вся музыкальная жизнь Мос-

квы связана с академией хорового искусства. У нас работают прекрасные педагоги по вокалу, и из стен академии выходят замечательные певцы.

— У вас, наверное, плотный график гастрольной деятельности по всему миру...

— У меня много работы во Франции, Австрии, Германии, а большая ее часть — в Италии — на родине оперы, и я этому рад. Италия — самая трудная страна для оперных певцов, даже известные исполнители ее боятся! «Пробиться» в Италии очень сложно.

— В Москве, в Новой Опере вы тоже поете?

— Новая Опера — один из многих театров нашей страны, который держит музыкальный уровень, я участвую в «Евгении Онегине», «Травиате», «Искателях жемчуга», «Снегурочке», занят в концертных спектаклях. Рад, что в моей жизни

была встреча с великим Евгением Колобовым — создателем Новой Оперы. Когда я в Москве, то с удовольствием выступаю в этом театре.

— Вам, певцу, дирижерское образование помогает?

— Конечно! Расскажу один случай. Я приехал на музыкальный фестиваль Лече, в Италию, исполняли «Искателей жемчуга», а у меня был только клавир, который издавался еще в СССР, не смог купить оригинальный вариант! Начинались репетиции, и вдруг я обнаружил, что в моем клавире не хватает примерно шестидесяти страниц. Времени почти не оставалось. До выхода — всего две недели. Вот тут первое образование мне и помогло все быстро выучить! Когда в театре «Ла Фениче» в Венеции узнали об этом, то они пригласили меня срочно заменить одного тенора, сказав: «Дмитрий сможет быстро выучить партию!»

Если бы у меня не было дирижерского образования, то я не имел бы такой форы перед многими певцами! Я могу самостоятельно работать над партией.

— Дмитрий, вы — лауреат престижных музыкальных конкурсов, а каково ваше отношение к ним?

— К конкурсам я отношусь равнодушно, потому что они мне как певцу ничего не дают. Нужно иметь определенный склад характера, чтобы на них выступать. Я же всегда нервничаю. Двое суток переживаний, нужно выйти по жеребьевке, по номеру и поразить членов жюри за две минуты, которые отводятся на исполнение арии. Это безумно трудно! Практика показывает, что хорошими певцами становятся не те, кто занимал первые места. В конкурсе важно пройти в финал. Как в спорте. И тем не менее молодым музыкантам, певцам надо выезжать на престижные конкурсы, где собираются дирижеры, директора театров, агентств. Там вас могут заметить и пригласить поработать.

— Вы волнуетесь перед выходом на сцену?

— Только неживой не волнуется! Перед каждым выступлением артист испытывает это чувство, иначе не будет искусства. Волнение даже что-то добавляет в тембр голоса, и поэтому исполнение может меняться.

— Контакт с залом важен?

— Безусловно, особенно во время концертного исполнения. В спектакле вы находитесь в определенных условиях, рамках. А во время концерта как бы наедине с залом, и это дает большую силу, и ваша энергия приумножается, и вы отдаете ее с еще большей силой.

— Какая публика самая сложная?

— В разных странах по-разному реагируют на одну и ту же музыку.

Очень опасная публика в Италии, там нет понятия «звезда»! Итальянцы любят чистые голоса, без примеси горлового или носового звука — они не воспринимают голоса с проблемами. У них «есть ухо», и если что-то не так, то они вас освистают, какая бы слава у певца ни

была! Многие известные исполнители боятся приезжать в Италию, они могут получить иной прием, не тот, к которому привыкли.

— **Дмитрий, вы недавно исполнили с большим успехом «Сомнамбулу» Беллини, в Италии, на сцене Римской оперы с известными певцами, у вас центральная партия тенора...**

— «Сомнамбула» в Италии и на итальянском языке и русский певец — это неслыханно!

Это — редкая и сложная для исполнения опера, откуда не выбросишь ни одной ноты, в каждом такте — жемчужина!

— **О чем мечтаете?**

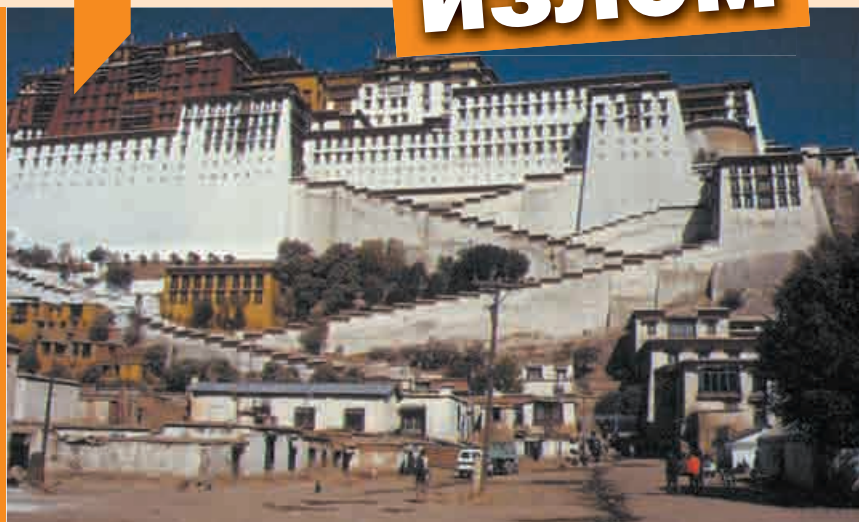
— Чтобы по жизни «ступеньки» вели меня все время вверх. И хотел бы прожить свою жизнь так, чтобы никогда не было стыдно за прошлое. □

Беседовала
**Елена
Воробьева.**

Анатолий Пимонов

ТИБЕТСКИЙ ИЗЛОМ

Тибет — загадочная горная страна, сравнительно недавно открытая европейскими исследователями, суровая и непреступная, манящая и мистическая.

Издавна люди, проживающие в различных географических условиях, различались характером и физиологией. Современная психология трактует несколько десятков психотипов современного человека и, вероятно, права. Но древние мудрецы знали о людях не меньше. По их мнению, человек принадлежал к одному из генетических типов: равнинному, лесному или горному. Множество комбинаций трёх типов делало людей не похожими друг на друга, вносило разнообразие. Однако в каждом человеке какой-либо тип главенствует. А ещё

древние легенды гласят, что первые разумные люди спустились с гор и только потом заселили леса и равнины, став древлянами и степными кочевниками...

История Тибета невероятно древняя, так тесно переплетается с религиозными доктринами, что для наших современников Тибет стал настоящим памятником духовных традиций. И многие по праву считают высокогорную страну символом

и целой цепочки воплощений последующих Будд. По преданиям, в то время на Земле жили наги — мощные духи и природные силы, не знающие жалости и сострадания. Для выживания людей необходимо было эти силы подчинить, по крайней мере, не дать разрушить жизнь на планете. Никто не знает сегодня, откуда пришёл Тонпа Щенраб, но священные книги Бон говорят о том, что он имел не-

величайшего человеческого сознания.

Древнейшей религией на Земле является «Бон». Бон зародился от первого Будды, пришедшего на нашу планету около 18 000 лет назад. Его звали Тонпа Щенраб. Первый Будда прожил 82 года и стал родоначальником Великого учения

обычную внешность по сравнению с современным человеком. Учителя Бон рассказывают, как возникла наша цивилизация. Несколько раз она поглощалась пучиной океана, а человек деградировал до уровня животного. Но, наконец, 18 000 лет назад человечество возродилось. Согласно учению Бон, это произошло на северо-востоке Тибета в местечке Джума-Тама.

Наш самый известный российский офтальмолог Эрнст Рифгатович Мулдашев, доктор медицинских наук, профессор, директор Всероссийского центра глазной и пластической

хирургии Минздрава России, имеющий множество титулов и наград, трёхкратный чемпион СССР по спортивному туризму, написал несколько книг о Тибете. Это — настоящий «горный» человек, именно им были организованы научные гималайские и тибетские экспедиции. Как учёный, Эрнст Рифгатович не только обнаружил ранее совершенно неизвестные факты, но и объяснил многие мистические аспекты с точки зрения современной науки.

ченных в различных уголках Тибета, в результате встреч и бесед с тибетцами, после бесед с Бонпо-ламой сложилась потрясающая картина зарождения, существования и развития человечества и обозначилась роль тибетской цивилизации в истории нашей жизни.

На Земле существовало до нас четыре древних расы: «саморождённые», «потом рождённые», лемурийцы и атланты. Первые две расы не имели плотного физическо-

Эрнст Рифгатович встречался со многими представителями тибетской культуры, служителями древних религиозных культов, монахами монастырей. Эрнст Рифгатович с товарищами были удостоены аудиенции с Бонпо-ламой — верховным представителем традиции Бон. На основании всех данных, полу-

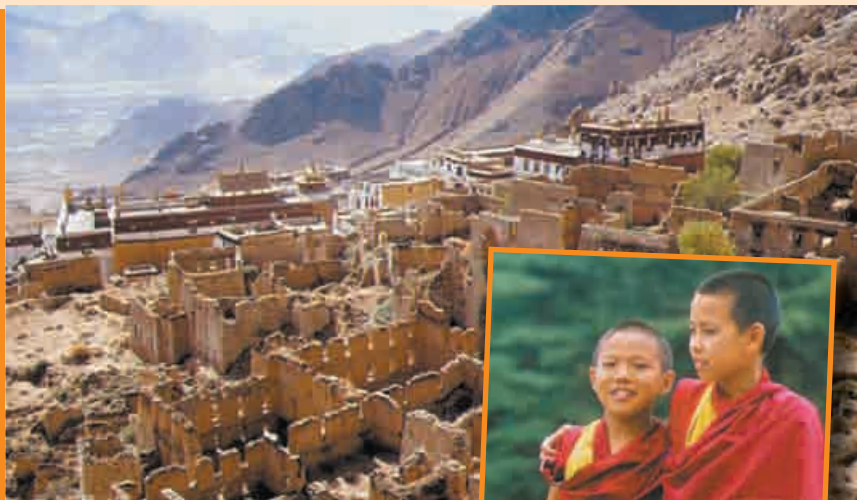
го тела, материя становилась «плотнее» от расы к расе в соответствии с изменениями физических условий проживания на Земле, и более всего — тяготения. Первые люди были гермафродитами бесплотной формы и ростом около 50 метров, лемурийцы же имели кости и плотное тело, два лица, четыре руки и невероятно развитый «третий глаз» — рудиментом которого является наша шишковидная железа, и достигали роста до 20 метров. Психические возможности древних были фантастические. Лемурийцы и ранние атланты умели разуплотнять своё

физическое тело, постоянно существовать в едином информационном поле Вселенной, властвовать над материей, владели дистанционным гипнозом, могли управлять гравитацией, читать и передавать мысли на расстоянии и многое другое. Способности древних уменьшались, пропорционально психическим способностям уменьшался и рост. Атланты внешне напоминали нас, но ростом были около 3—4 метров. Расы мельчали и деградировали, утрачивали

духовная традиция, вытягивающая человечество из трясины неведения и мрака.

Первую проблему решили просто. Лучшие представители древних рас, достигшие величайшей степени реализации и сострадания, шли в глубочайшие горные пещеры и входили в состояние «сомати». «Сомати» — это высшая форма медитации, обусловленная отсутствием мыслей и ощущений. Существуют многочисленные уровни «сомати».

свои психические возможности, потому что, по замыслу Создателей, дух должен пройти самые плотные слои материи, а с погружением в материальное — свобода духа всё более утрачивается. Пятая арийская раса — это мы.

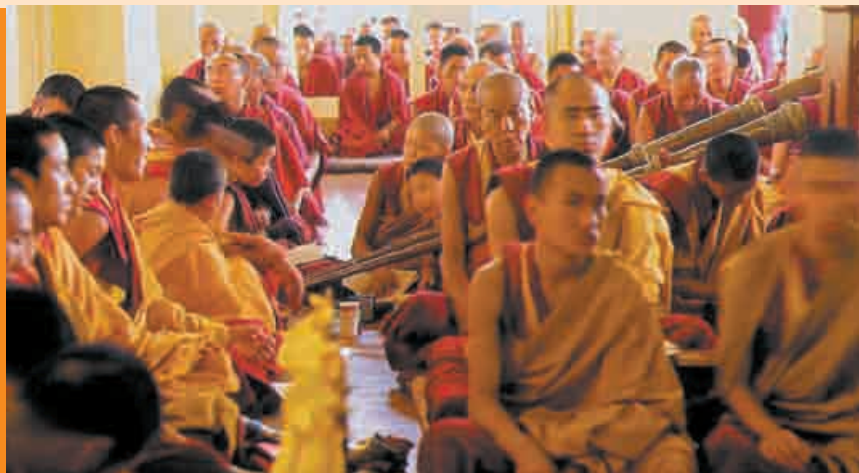
Две огромные проблемы встали перед Создателями: во-первых, каждый раз после природных катаклизмов (потопов) создавать жизнь на Земле заново было практически невозможно, во вторых, в тёмные времена одичания люди уничтожали друг друга, и в противовес тяжёлым материальным слоям требовалась

На последних ступенях человек сохраняет минимальный контроль над своим телом, в то время как дух живёт своей обособленной жизнью. И в этом состоянии человеческое тело может находиться без тления и деформаций сколь угодно долго, например, миллионы лет! Таким образом и был создан «гено-

фонд человечества». После окончания очередного всемирного потопа пребывающие в состоянии «сомати» выходили из своих убежищ и давали новое зарождение жизни на Земле или становились духовными проводниками для одичавших в борьбе со стихиями землян.

Вторая проблема была решена внедрением в человеческий социум духовных доктрин и религий, носителями которых являлись многочисленные Будды, воплощавшиеся

телями. Тибет — самая горная область на нашей Земле, поэтому вероятность затопления при катаклизмах — наименьшая. А ещё необходимо всё это скрывать от лишившихся духа современных любителей экзотики и богатств. Материальный мир наступает! Он не знает жалости и сострадания и не понимает цели своего существования. Но древние существа, живущие в «сомати», имеют совершенную защиту — своё психическое поле,

на Земле в физическом теле. Начало цепочки реинкарнаций тибетских лам теряется в седом прошлом. Но их мудрость и сострадание не меняется, являясь эталоном и первичной матрицей человеческого сознания.

Для того, чтобы поддерживать физическое состояние существ, находящихся в состоянии «сомати», понадобились многочисленные служители, периодически входящие в пещеры, наблюдающие за «семенами человечества» и общающиеся с духом древних лемурийцев и атлантов. Так возникли семейные традиции и монастыри со своими настоя-

способное опознать материально опустившихся существ, а при агрессии даже уничтожить.

«Но где доказательство?!» — спросят самые недоверчивые. Да вот, пожалуйста... 11 сентября 2002 года в Бурятии состоялось вскрытие саркофага с прахом Хамболы Даша-Доржо Итигилова, тело которого в течение 75 лет захоронения не подверглось никакому тлению. Вот что сказала доктор исторических наук, профессор РГГУ Галина Ершова: «Его суставы сгибаются, мягкие ткани продавливаются, как у живого, а после вскрытия короба, в котором тело ламы поко-

илось 75 лет, оттуда стало исходить благоухание».

Лама завещал вскрыть саркофаг после своей смерти через 30 лет, это делалось трижды в 1955 году, 1973 и 2002 годах. Учёные из Бурятии и Москвы в смятении признают, что тело буддийского ламы живо.

С 1911 по 1917 год Даша-Доржо Итигилов был главой буддистов Восточной Сибири. Философ и врач получил несколько правительственных наград во время

назад. Учёные бессильны что либо объяснить, и сходятся только в одном: «феномен Итигилова — это сенсация не только в истории буддизма, но и человечества вообще».

Тело Хамбо-ламы Итигилова находится в Иволгинском дацане и является объектом поклонения буддистов. За несколько лет тело не претерпело никаких изменений, что полностью отвергает гипотезу мошенничества и подтасовки. За телом ведут круглосуточное наблю-

Первой мировой войны за организацию госпиталей. В 1927 году Даша-Доржо Итигилов сел в позу лотоса и вошёл в состояние глубокой медитации в присутствии своих учеников. Для чего же Великий лама хотел, чтобы через десятки лет люди тревожили его тело? Вероятно, для того, чтобы в наши «тёмные времена», когда все вокруг жаждут очередного чуда и сенсации, явить миру иррациональный факт существования тела после смерти. И это ему удалось.

Профессор Виктор Звягин говорит, что тело Ламы соответствует телу человека, умершего 12 часов

дение наши и зарубежные учёные. Особо неверующие и сомневающиеся могут удостовериться самостоятельно... Мы же рискнём предположить, что тело Ламы находится в состоянии «сомати», но, возможно, не на самой верхней ступени этого состояния...

К сожалению, не все могут прикоснуться к тайнам Тибета непосредственно, не все смогут увидеть Великий Кайлас — священную гору воочию, далеко не каждый встретит на своём пути мудрого ламу. Но в наш «тёмный век» существуют всё же некоторые возможности причаститься к Вечному и Великому. □

Полина Теслер

А ЗА ОКОШКОМ месяц май

В странах с суровым климатом приход весны воспринимается, как вознаграждение, как самый прекрасный подарок природы. Весну ждут с нетерпением и радостью, ассоциируя ее с любовью. А ведь есть на свете такие места, где весна — штука исключительно календарная. Там ничего не тает, воздух теплее не становится, листочки на деревьях не распускаются. Вечное лето. Короче, тоска запредельная. Нам же в награду за зимние мучения раз в году предлагается испытать эмоциональный подъем и обновление, наблюдая пробуждение природы.

Но, к сожалению, весной некоторые из нас впадают в депрессию. Психологи это объясняют так: во круг все меняется, обновляется, а в вашей жизни все по-прежнему: работа, учеба, проблемы, кризисы.

Наверное, именно поэтому и наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, обремененный многочисленными заботами, предпочитал всем временам года осень. Листья облетели, проблемы улетучились. Как же выйти из сонно-меланхолического состояния и радоваться весне вместе со всеми?

Для начала, надо сменить имидж. Именно весной хочется, чтобы каждый проходящий мимо мужчина сворачивал шею, глядя тебе вслед. Появляется желание выглядеть самой-пресамой и сделать что-нибудь легкомысленное. А что может быть легкомысленнее локонов и кудряшек?

Мужчинам на весенний период рекомендуется подстричься в старорежимной парикмахерской у самого древнего мастера. Попросите

его сделать на вашей голове что-нибудь классическое, похожее на прическу тех, кто запечатлен на пожелтевших фотографиях с советских времен, с модельными стрижками под названием «Юность» и «Ветерок». Получится очень модно.

Все понимают, что каждый день сидеть в офисе, когда на улице пригревает теплое майское солнышко, просто пытка. Но все может восприниматься иначе, если весной завести служебный роман. Он, как правило, в большинстве случаев ни к чему хорошему не приведет. Но в волшебных днях весны бывают редкие исключения...

Прежде всего, надо помнить, что главное — это состояние любви, а не конечный результат. В ваших глазах появляется блеск, улыбка становится загадочной, а походка — воздушной. Но кто может не обратиться на это внимание, не почувствовать вашей душевной весны?

Итак, у вас новая прическа и новый роман. Но этого недостаточно. Весной для поднятия жизненного тонуса просто необходимо сделать для себя несколько приятных неожиданностей и даже глупостей. Например, взять несколько уроков верховой езды. Или поплавать с дельфином: прикосновение к большому, скользкому, а главное, доброму существу снимает стресс лучше любой другой водной процедуры. Сделать это можно, кстати, в московском дельфинарии.

Обязательно побродить по клумбам. Ведь именно в мае они открывают свои летние площадки и веранды. Первые вечеринки open-air бывают самыми веселыми. Модной публике не терпится увидеть новые изыски дизайнеров и клубных промоутеров.

Обязательно попробуйте «шени». Это — настоящий весенний напиток. Бодрит во время первых

теплых лучей, легко пьется и еще легче делается. Надо смешать пиво со светлым лимонадом, добавить по вкусу лимон, положить лед. И вот — самый популярный коктейль сезона готов.

Откройте бадминтонный сезон. Это — аристократическое развлечение для людей, далеких от фитнеса. Покидать воланчик приятно, даже когда твою форму нельзя назвать идеальной. Главное здесь — зеленый газон, безветрие и короткая юбка.

Полезно проехаться по историческим и культурным местам, побродить по старинным усадьбам, заглянуть в музей или посетить древний монастырь. Такие весенние встречи с вечностью благотворно влияют на ваше настроение и запоминаются на всю жизнь.

Но перед тем, как намечать культурно-развлекательную программу, ответьте на вопросы психологического теста, который покажет, склонны ли вы к весенней грусти и тоске.

И, может быть, тогда вам не стоит строить наполеоновские планы, а просто достаточно посидеть под весенними лучами солнышка на скамейке в ближайшем скверике или отправиться на дачу, покопаться в грядках и клумбах.

1. С чем бы вы охотнее сравнили свою жизнь?

С тельняшкой. За черной полосой всегда идет белая (1 очко).

С игрой «Поле Чудес», «Сектор «Приз» — когда-нибудь да выпадет (2 очка).

Со сказкой. Чем дальше, тем страшнее (0 очков).

2. Счастье для вас — это...

Когда утром приятно идти на работу. А вечером — домой (2 очка).

То же, что и для Пушкина: «На свете счастья нет! А есть покой и воля...» (1 очко).

Когда не надо вставать по будильнику (гудку, крику «подъем!») (0 очков).

3. Вы часто ощущаете себя «выжатым лимоном»?

Нет, скорее я кажусь себе «вечным двигателем» (2 очка).

Да, почти каждый вечер после работы (0 очков).

Лишь накануне выходных и праздников (1 очко).

4. Что значит для вас утро понедельника?

То, что до следующих выходных — целых пять дней! (1 очко).

Конец света в миниатюре (0 очков).

Возможность в очередной раз начать новую жизнь (2 очка).

5. Вы уже подумали о предстоящем летнем отдыхе?

Какое там! Мне бы до следующей недели дожить... (0 очков).

Да. Хотя, наверняка, отдыхать буду, как обычно. Над грядками, за ремонтом квартиры, под машиной в гараже и т.д. (1 очко).

Планов не строю. Но знаю, это будет здорово! (2 очка).

Итоги с точки зрения психолога:

8—10 очков. Вашему оптимизму и бодрости можно только позавидовать! Даже в самый пасмурный день вы отыщете солнечную сторону.

4—7 очков. Похоже, вы идете по жизни с легкой усмешкой. Пусть нередко она выглядит грустной, зато вряд ли вы когда-нибудь расплатитесь под ударами судьбы.

0—3 очка. Судя по всему, ваши нервы изрядно расшатаны. Так что, старайтесь чаще отдыхать на природе, на весеннем солнышке и не принимать близко к сердцу мелочи жизни. □

ГДЕ ЖЕ

наши бренды?

Покупая в очередной раз оборудование, всегда мучает вопрос — и где меня надули? В последние несколько лет наблюдается тенденция — в любой штуквине всегда есть хоть какой-то недостаток. Самое обидное, что и винить некого — приходится мириться.

При обращении в магазин на тему «мани-бэк» (верните, гады, мои деньги) чаще всего невозможно объяснить, что не устраивает в купленном ранее «прибамбасе» или комплектующем. Есть ощущение, ведь «что-то не так», а доказать невозможно, поэтому не остается ничего другого, как развернуться и уйти, хлопнув громко дверью, только никакого облегчения или морального удовлетворения это не принесет.

Посторонние, регистрайтесь!

В любой ситуации, особенно при выборе, всегда следует почитать «дополнительную литературу» (чтобы продавцы не так легко навешивали лапшу на уши) и посмотреть форумы в интернете. С последним есть определенные сложности, так как к единогласному мнению никто не приходит. Каждый хвалит именно то, на что потратил деньги, следовательно, его выбор не может быть неправильным. В такой ситуации сложно отсеивать субъективное от объективного, поэтому хорошо бы почитать множество разных форумов. Несмотря на лестные отзывы, из всех источников всегда легко вычленишь нужные для выбора данные.

Как вы уже поняли, сегодня мы поговорим о правилах выбора, подводных камнях и соотношении цены и качества. Выражение «Скупой платит дважды» здесь неуместно, ибо скупость позволяет более усердно искать соотношения нужных параметров. «Если разницы нет — зачем платить больше».

В скорости правды нет

Желание получить максимум есть у любого владельца компьютера.

Если не явное, то на подсознательном уровне уж точно. К примеру, ситуация: покупаем девушке компьютер, которой все технические подробности не интересны, обговорив, что за такие деньги нельзя собрать что-то навороченное; как только на экране появляются признаки работы (загрузка ОС после установки), следует вопрос: «А мой компьютер лучший?» или «А у соседа или подружки слабей?»

Главная цель должна быть не «лучше», «круче», «быстрее», а «ка-

чественней», «надежней» и «устойчивей». Да пусть у других все происходит хоть со скоростью света, но в случае появления проблем мысли о крутости пропадают.

Где ваши доказательства?

Глупо переплачивать за то, чем пользоваться никто никогда не будет. В кругу компьютерщиков часты споры на тему той или иной детали или программы, в которых нередко применяются второстепенные аргументы (функции, которые не используются). К примеру: «А у меня 12 USB портов», при том, что задействован только один для мышки, другой — для принтера,

третий — для сканера, а четвертый используется крайне редко для фотоаппарата или флешки. Выходит, 8 портов просто «пылятся». В чем тогда преимущество перед собеседником, у которого всего 4 USB и используется только один для мышки? Ни в чем!

Всегда важно умерять силы и хорошо подумать о том, что же действительно необходимо. Производители часто выпускают несколько вариантов одного и того же. Рассмотрим это на примере материнских плат. Обычно, первый релиз самый навороченный — показывают все возможности, далее начинают выпуск средней модификации, и последней идет упрощенная. По производительности они ничем не отличаются, и если из того, что предлагает первый и второй вариант, не нужно, то нет ничего более приемлемого, чем взять последний, так как в производительности вы не теряете. Пример: материнки на 1) nForce 4 Standard (2200 руб.), 2) nForce 4 Ultra (2500 руб.) и 3) nForce 4 Ultra SLI (3200 руб.), 4) nForce 4 Ultra SLI Platinum (3800 руб.). Первая материнка совсем простая, а вот в

производительности второй и четвертой разницы не будет, так как они отличаются наворотами и различной комплектацией. За основу взята фирма MSI.

Весь покрыт бэдами...

Не секрет, что продукт, становясь массовым, теряет в качестве. В последние годы начинают подводить такие производители, как ASUS и GigaByte. Дело не в том, что виноваты, как некоторые обычно думают, китайцы, которые максимум, что делают — раскладывают готовое обо-

ключить недочеты, а когда все поставлено на поток, тяжело проконтролировать несколько тысяч экземпляров в день. Зная это, поставщики тоже снижают планку контроля качества. Тем более, при массовом производстве себестоимость уменьшается в разы и некоторый процент брака никого не удивляет.

В итоге, о том или ином товаре лучше судить по статистике брака или возврата. К сожалению, не в каждом магазине или палатке честно скажут, был ли возврат или нет. Стандартный ответ на все: «Никто еще не возвращался. Все доволь-

рудование по коробочкам. Никто вручную не припаивает миллионы транзисторов процессора к кремниевой подложке — абсолютно все делают роботы. Поэтому не спихивайте на уже «обикавшихся» китайцев грехи, в которых они не виноваты.

В первый день выхода легко отрегулировать неисправности, ис-

ны. Да и вообще, что вы раздумываете, ведь хорошая вещь». Более опытные продавцы расскажут о всех минусах того или иного продукта и медленно подведут к тому, что у вас возникнет мысль: «За две тысячи ничего хорошего не купишь, надо брать за пять». Не верите — проверьте на практике. Конечно,

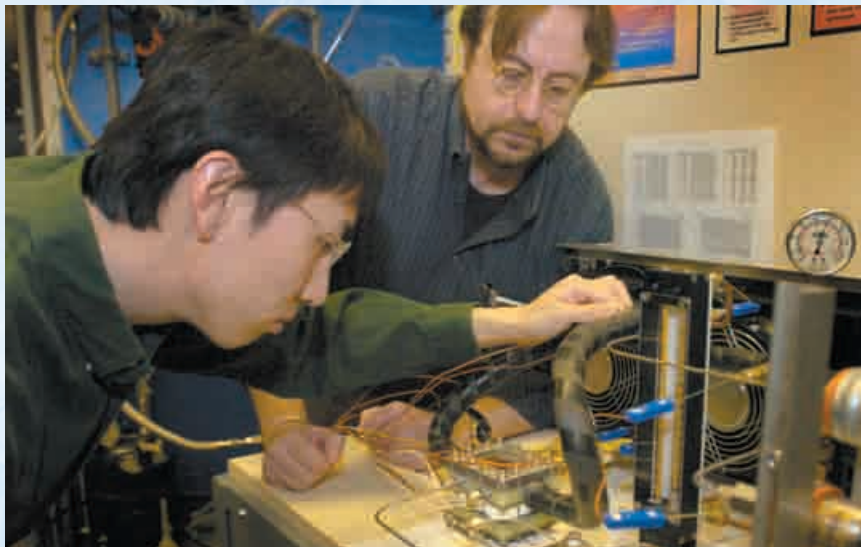
от ситуации зависит многое, но, несмотря на это, любой продавец заинтересован в том, чтобы вы купили как можно больше или дороже. Не забывайте еще о том, что более рьяно вам будут советовать взять что-то, чего больше лежит на складе, так как не дело, когда заказанный товар никому не нужен.

А работать будет?

В плохом качестве продукта не всегда виноват производитель. Доставка до магазина — целое испытание на прочность. Только представьте:

сы аккуратно выгрузят? Ошибаетесь — помимо вышеперечисленного, ими сыграют в футбол и только после этого с привычным пренебрежением разложат по полочкам. Даже самая надежная техника не выдерживает таких издевательств. Не исключено, что есть и заботливые хозяева, но их мало.

Каждый раз покупая монитор в известном магазине, ощущаю бурю отрицательных эмоций. Почему? Тяжело видеть, как то, на что тратятся немалые деньги, бухают об кафельный пол, а потом с ноги подталкивают к окну выдачи. Сразу

тряска в товарном поезде (или в кузове дальнобойщика), удары коробок друг о друга и о борта, погодные условия, потом все это с легким привкусом мата и а'ля баскетбол перегружается в машину, которая едет по нашим дорогам до магазина. И что же творится дальше? Вы думаете, комплектующие и девай-

же возникает вопрос: «А работать будет»? Как ни странно, включается и даже работает. Перевозу дыхание: «Слава Богу, — пронесло».

Гарантия — один день

Сталкиваясь с ситуацией, когда деталь работает тяжело, остается на-

деяться на положенные по закону две недели (даже если не понравилось то, что пыль не ложится узорчиками — имеете право поменять или потребовать назад деньги). К сожалению, очень часто получается, так что некоторые девайсы периодически дают сбои и не всегда при одних и тех же условиях, поэтому если вы пропустили период «мани-бэк», есть шанс сходить поругаться в гарантийный отдел. Деталь возьмут на диагностику (по закону, должны все сделать в течение 30 рабочих дней, что выливается в шесть недель), она проваляется нетронутой недели три или четыре, потом с ней покопаются пару часов, вынесут вердикт: «Неисправностей не выявлено» и наконец еще две недели она будет ехать обратно. После слов эксперта вам сложно возразить.

Поэтому при сдаче на ремонт или диагностику постарайтесь наиболее четко расписать, при каких условиях ошибка проявляется чаще всего, как она выглядит и какие последствия. Если в бланке с возвращенной деталью указан метод проверки, отличный от того, при котором неисправность выявляется — смело сдавайте деталь обратно. Обмен не сделают, но шанс докопаться до истины всегда есть.

Когда неисправность явная, то с этим проблем не возникнет — сдаете со словами «не работает». Если ремонту подлежит, то дядя Вася с паяльником пошаманит над деталью и вернет ее к полноценной жизни. В случае невозможности ремонта — сделают обмен, к чему и следует стремиться при походе в гарантийку. Это не значит, что нужно самому взять в руки отвертку или

молоток и привести деталь в состояние «после удара об стену».

Даешь хакеров?

Находясь в гарантийке, помните — как бы вы хорошо ни знали компьютер, на вас все равно смотрят, как на «чайника». Похожая ситуация и в магазине. Заметьте, как иногда некоторые пытаются показать свое знание, начиная сыпать техническими подробностями и терминами, которые не всегда имеют отношение к делу.

Ни в салоне, ни в гарантийке не показывайте своего незнания, иначе им легче обвести вас вокруг пальца и «впарить» что-то не то или снять с производителя вину в поломке.

Кода

К чему же мы пришли в итоге? Не все так плохо, как кажется с первого взгляда. Но спасти незнающего способна только информация, до которой он докопается сам, а знающего — требовательность. Далее, не судите по браку о производителе, если, конечно, он не попадаете постоянно. Самое главное — вы приходите в магазин или гарантийку не для того, чтобы вам доказали, что вы «профан», а за покупкой нужной вещи или за помощью.

Не забывайте, что, пользуясь компьютером, его неплохо бы знать на уровне, что внутри, как работает и что от чего зависит. Относитесь к железному ящику на «ты козел», и он будет слушаться. □

Просто Кир

podolak@rambler.ru

www.prostokir.pbn.net.ru

МОЛЕКУЛА

Денис Логинов

БЕЛЬГИЙСКОЙ ГОРДОСТИ

«Одной лишь техники недостаточно, чтобы продвигать цивилизацию. Чтобы стать элементом достижения, ей требуется прежде всего развитие наших духовных концепций, нашего общего желания идти вперед».

**Бодуэн I
Король
всех бельгийцев**

Пожалуй, никто не станет спорить с тем, что непомерное увеличение в размерах любую, даже самую изящную вещицу, как правило, превращает в отталкивающего монстра. Ну, а если это увеличение больше, чем в 160 миллиардов (!!!) раз? Не спешите с ответом. Поверьте путешественнику по Бельгии.

Одно из настоящих чудес нашего времени находится не так уж далеко. А точнее, в 2 тысячах километров, 553 метрах и 35 сантиметрах от Московского Кремля. Это — Атомиум. Причудливое сооружение на северо-западной окраине бельгийской столицы — города Брюсселя.

Те, кто хорошо учился в школе, без труда узнают в этой металлической конструкции молекулу железа. И хотя хрестоматийные линии не вызывают сомнения, по отношению ко всему Атомиуму чаще всего употребляется эпитет «странное сооружение».

В 1958 году Бельгия организовывала у себя всемирную универсальную выставку. Само собой, речь зашла о национальном символе, призванном если не поразить, то хотя бы приятно удивить многочисленных посетителей. Да и за примерами далеко ходить не надо. Совсем рядом был Париж и его, вначале отчаянно раскритикованная, а затем воспетая в песнях и стихах Эйфелева башня.

Безусловно, своих «эйфелей» в Бельгии было совсем немного, сроки поджимали, и в критический момент на стол строгого жюри был положен проект вызывающе странного сооружения, которое, тем не менее, как нельзя лучше отвечало, как сейчас говорят, «вызовам современности». То есть научный прогресс, обуздание ядерной энергии, создание «Европейского союза угля и стали», прообраза нынешнего Евросоюза. Конкурсную комиссию ус-

покаивало еще и то обстоятельство, что выставка пройдет всего-то 6 месяцев, а потом, если что не понравится, несложно и снести. Добро на строительство и деньги были выделены, и в марте 1956-го первую бетонную сваю забили на глубину 17,5 м.

Тут самое время рассказать об авторах столь смелого решения. Тем более, что через десяток лет они были тщательно забыты, и сейчас только, основательно покопавшись в обширных фондах национальной бельгийской королевской библиотеки, можно установить имена настоящих авторов этого выдающегося архитектурного монумента.

Идея соорудить гигантскую молекулу пришла в голову Василию Евгеньевичу Даниэлю, россиянину по рождению, заброшенному волной эмиграции в Бельгию. Трудолюбие, невероятная тяга к изобретательству и способности к рисованию привели его на архитектурный факультет льежского университета. Получив специальность инженера-мостостроителя, он открыл в городке Намюр небольшую проектную мастерскую. Но идеи, которые рождались в его голове, становились воистину глобальными! Уже после Атомиума Даниэль явился одним из авторов Золотого Моста через пролив Босфор в Стамбуле, соединившего Европу и Азию.

Предложенный Даниэлем проект Атомиума точно отразил эстетические идеалы конца пятидесятих годов прошлого века. Конструктивно это была кристаллическая решетка, поставленная на основание одного из атомов. Внутри шаров, имеющих диаметр 18 метров и соединенных между собой трубами, интерьер напоминал нечто среднее между подводной лодкой и орбитальной космической станцией. Современников поражала сама

технологическая мощь конструкции. Бесконечные эскалаторы, связывающие атомы циклопической молекулы, главный вертикальный лифт, движущийся с немислимой для тогдашней Европы скоростью.

В конструкции весом в 2,5 тысячи тонн нашлось место для удовлетворения и духовных, и насущных потребностей. На отметке 102 метра располагался ресторан с изысканной бельгийской кухней, филиалы различных музеев, метеостанция, смотровая площадка. Поглазеть на стальное чудо и осмотреть со смотровой площадки окрестности шли и стар, и млад. Только за полгода выставки через его шары прошло больше 40 миллионов человек. Детей приходилось утаскивать наружу только силой. Для них была отведена специальная сфера с играми, качелями и даже подвесными мягкими кроватками. Необыкновенную надежность конструкции подтвердили тщательные предварительные испытания. Друзья Даниэля, тоже русские эмигранты — Александр Жуков и Михаил Захоневич, работавшие на заводе металлургических конструкций, продули части огромной конструкции в аэродинамической трубе, чтобы убедиться в их прочности и стойкости перед самым сильным ураганом.

Открывая выставку, тогдашний король Бодуэн в торжественной речи поздравил всех с началом всемирного смотра, с удовольствием выслушал объяснения намюрского архитектора и не преминул сообщить, что гордится своим предком, служившим полковником в царской армии.

Фантастические шары Атомиума ярко отражались в зеркальной облицовке фасада стоящего неподалеку самого большого павильона Всемирной выставки, традиционного архитектурного аквариума, над которым

гордо реял красный флаг. В классической «стекляшке» советского павильона громоздилась циклопическая скульптура вождя мирового пролетариата. Под стать ему над толпою посетителей нависали мощные бронзовые мускулы рабочего-строителя и чуть более изящные формы Богини Плодородия — неутомимой колхозницы со снопом. Естественно, что непременным экспонатом был пиликающий спутник, жужжащие над головами посетителя модели самолетов. С фотографий смотрели радостные лица, и бодрый хор звал к новым свершениям.

Даниэля, Жукова и Захоневича в советский павильон на торжественный прием не пригласили.

Официальный СССР тогда демонстративно сторонился всякого рода «отщепенцев-энтэзсовцев». Хотя уже и не явных врагов, но уж точно, что не друзей «общества развитого социализма». До хрущевской «оттепели» было еще далеко, а бельгийским властям очень нравилось крепнущее международное сотрудничество.

И через некоторое время экскурсоводы Атомиума стали упоминать русские фамилии все реже и реже, а спустя некоторое время среди обширного авторского коллектива отыскивали чистокровного бельгийца, который с удовольствием взял на себя авторство этого архитектурного великолепия.

Через шесть месяцев, в августе 58-го, выставка закрылась, часть павильонов разобрали и увезли, часть подарили гостеприимной Бельгии, а Атомиум остался.

«Странная конструкция» пришла горожанам по вкусу, и ее было решено сохранить. Атомиум посещали бесконечные экскурсии. Под его сенью появилась обширная территория «Мини-Европы», неподалеку вырос комплекс самого

большого в Евросоюзе 22-зального кинотеатра, влюбленные парочки занимали все ажурные лавочки, расположенные вокруг Атомиума.

Правда, ухаживать за такой громадиной было делом нелегким. За прошедшие с той поры 48 лет многие части сложного сооружения порядком прохудились, алюминиевое покрытие шаров пошло пятнами и потускнело.

Но королевство решило не предавать символы земле. На ремонт потребовалось почти 30 миллионов евро. Первые 250 тысяч быстро заработали, продавая снятую с шаров облицовку. По 1 тыс. евро за покрытый коррозией, но зато какой исторический кусок! Львиную долю расходов взяла на себя бельгийская казна, подкинул денюжат и Европейский союз. Недостающую сумму взяли под банковский процент.

Совсем недавно этот архитектурный символ пережил свое второе рождение. Полюбоваться на отремонтированный изнутри и заново облицованный сверкающими панелями, как сказано в рекламном буклете, из «никогда не ржавею-

щей стали» прибыли коронованные особы, высокопоставленные чиновники и прочие уважаемые люди Бельгийского королевства. Им действительно было на что посмотреть.

Под весенним солнцем ослепительно сверкали 9 вознесенных на стометровую высоту сфер. Специальное покрытие из молибдена, нанесенное электролитическим способом, превратило все сооружение в огромный лучистый кристалл. Внутри Атомиума обаяние интерьеров 50-х годов прошлого столетия гармонично соединилось с технологиями XXI века. А возле необыкновенно прозрачных огромных иллюминаторов появились особенные виртуальные экраны. Поворачивая их, можно увидеть то, что прячется в бесконечной дали. Например, у восточного окна, наклонив монитор, можно даже обнаружить знакомые очертания Кремля и московских высоток. И тогда сразу покажется, что российский дух еще живет в этом удивительном, неповторимом творении.

Ведь никто ничего подобного никогда не строил. И вряд ли построит. □

Антонина
Буданова

МАГИЯ

МИШЕНИ

Даже если вы никогда не играли в дартс и не знаете значения этого слова, то наверняка видели в многочисленных зарубежных фильмах мишень, которая висит где-то на двери в комнате героя. Видели? Считайте, что это было ваше первое знакомство с интересной игрой и увлекательным видом спорта.

Дартс — так называют англичане метание дротиков в мишень. Это — национальная игра Великобритании, распространенная там настолько, что практически в каждом пабе люди соревнуются между собой, пы-

таясь показать свою меткость, набрать большее количество очков или сбросить их (в зависимости от условий состязания). Но дартс популярен не только в Соединенном Королевстве, а во всем мире. Миллионы людей дома, в барах, кафе, ресторанах, клубах, даже в офисах, время от времени отрываются от своих занятий, чтобы попробовать себя в искусстве метания дротиков. И это понятно, потому что дартс действительно «затягивает», в процессе игры появляется азарт и поднимается настроение. Это — отличный

и простой способ отключиться от проблем и избавиться от негативных эмоций. Играть можно как под открытым небом, так и в любом помещении, специальная одежда не требуется, надо лишь обзавестись простым и долговечным инвентарем — мишенью и несколькими дротиками. И если успехи будут внушительными, то можно остаться грозой всех своих друзей на домашних «турнирах», а можно и постараться достичь большего. Вот что рассказала Надежда Поташева, мастер спорта по дартсу:

— **Надя, почему дартс считается не только игрой (развлечением), но и видом спорта?**

— Ну, конечно же, это — спорт, хотя и не олимпийский! И по нескольким причинам, во-первых, потому что существует своя техника, следовательно, легко провести соревнования, во-вторых, дартс развивает глазомер, координацию движений, повышает внимание, устойчивость, учит человека бороться и идти к своей цели.

— **Как ты попала в этот спорт?**

— Совершенно случайно я оказалась в секции. Ждала подругу с балльных танцев, нас увидел тренер,

у которого она занималась какое-то время. Он ей и говорит: «Женя, что-то ты давно не заходишь! Пойдем дротики метать? А это кто? Надя? Надюша, пойдем тоже». Так я увлеклась дартсом, еще учась в школе, и это продолжается по сей день уже 7 лет.

— **За какое время обычный человек может научиться хорошо метать дротики и добиться чего-то?**

— Довольно трудно сказать, ведь способности у всех разные. Я где-то через два года.

— **Дартс делится на женский и мужской?**

— Безусловно, делится. На турнирах мужчины и женщины выступают отдельно, потому что, как правило, мужчины играют лучше. Не знаю, чем это обусловлено, физиологией, наверное. Хотя есть и исключения, конечно. Вообще, дартсу не присуща дискриминация.

Если вы заинтересовались дартсом, то можно смело искать место занятий и записываться в группу. Приятно, что играть в дартс никогда не поздно, возрастных ограничений не существует (в отличие от многих других видов спорта). Хотя студен-

там повезло больше, во многих случаях существуют бесплатные секции. Также возможен вариант занятий дома, после приобретения мишени. Для тех, кто выбрал последнее — важно будет узнать, как именно играют в дартс.

Мишень для дартса — это круг (диаметр 450 миллиметров, толщина 40 миллиметров), разделенный на сектора с большим, средним и малым кольцами. Дротик, который попадает в поле сектора, приносит количество очков, соответствующее его цифровому обозначению. Если дротик вонзился в большое коль-

цо, то цифра в секторе удваивается. Попадание в среднее кольцо утраивает результат. Наконец, малое кольцо вокруг яблочка принесит 25 очков, а поражение самого яблочка — англичане его называют «булл-ай» — бычий глаз — 50 очков. Мишень укрепляют так, чтобы ее центр находился на высоте 1,73 метра от пола. Игроки становятся на расстоянии 2,37 метра от мишени и бросают дротики. Чтобы определить очередность броска, каждый игрок вначале бросает по дротику. Тот, кто попадет ближе к центру, начинает игру. Очки считают по дротикам, оставшимся в мишени после трех бросков. В игре используют особую систему подсчета очков. Каждый игрок начинает со счета 501 и вычитает из него результаты бросков. Победителем считается тот, кто первым сводит свой счет к нулю. Еще одна особенность: игру

заканчивают обязательно броском в кольцо удвоения или в «яблочко» с таким расчетом, чтобы полученные при этом очки завершили счет нулем. Если три последних броска принесут больше очков, чем нужно для нулевого завершения, то эти броски не засчитывают и счет остается таким, каким он был до перебора. Таким образом, необходимо не просто набирать очки, а со смыслом комбинировать результат, чтобы грамотно подвести себя к окончанию счета. То есть получается, что все не так-то просто, можно и даже нужно разрабатывать свою стратегию игры, кроме того, не помешают навыки устного счета. Тому, кто только начинает играть, можно посоветовать сразу приучать себя считать очки на убыль, вычитая из заданных 501 набранные результаты. Особенно нужно быть внимательным, когда счет очков приближается к 150 или 100. С этого момента надо стараться попасть в удвоения или утроения тех секторов, которые ведут к нулевому окончанию. Поэтому стоит выяснить, в какие сектора чаще попадают ваши дротики. Как правило, их направляют в сектора 20 и 16. Каждую игру со счета 501 до нуля называют лег. Пять леггов составляют сет (игру ведут до трех побед в игре). Окончательный победитель тот, кто выиграл заданное количество сетов.

Очень многие новички думают, что научиться дартсу можно за один-два вечера, а то и вовсе уверены, что особой премудрости не требуется, повезло — попал, не повезло — нет. На самом деле это не так. Есть своя техника, правила того, как метать дротик, если их соблюдать и регулярно тренироваться, то можно и заслуженным мастером спорта стать, если такое большое желание испытываете. Итак, еще немного теории.

Стоять надо вполборота к мишени, представив, что мизинец правой ноги касается линии броска. Заступать эту линию строго запрещено! Правую руку с дротиком необходимо держать так, чтобы локоть был повернут строго вниз, а оперение дротика находилось на прямой линии от глаз до мишени. Неплохо сразу найти свою манеру держать дротик, чтобы чувствовать его и улавливать центр тяжести. В идеале, должно появиться ощущение, что дротик и кисть составляют единое целое, тогда и надо делать бросок, но лишь локтем и кистью руки. Слегка наклоненный корпус должен остаться неподвижным. Часто начинающие бросают дротик, как мяч, то есть отводят руку далеко назад и подают тело вперед. В этом случае дротик редко достигает цели. Есть еще несколько секретов. Например, при нацеливании в верхние сектора надо чуть приподнимать предплечье и немного выпрямлять корпус. Для нижнего броска, наоборот, предплечье надо опускать и наклонять корпус вперед. В начале тренировок важно добиться кучности броска, это очень пригодится в дальнейшем. Выбрав определенный сектор, лучше поражать его всеми дротиками, потом можно метать их поочередно с 1 по 20 сектор. Запомните, что если дома вы попадаете тремя дротиками в какой-либо сектор, это не значит, что то же самое получится на соревнованиях, даже любительских, а не официальных. При зрителях и соперниках гораздо труднее справиться с волнением. Поэтому еще раз делаем вывод, что если цель перед вами стоит серьезная, то надо больше тренироваться. Но даже если спортивные титулы вас не прельщают, участие в соревнованиях может быть очень интересным опытом.

Игры для тренировок

«Раунд». Поочередно поражают от 1 до 20 сектора, затем целью становится удвоение и утроение 20 сектора, и завершают игру попаданием в «яблочко». Если в серии бросков все три дротика попадают в цель, игрок продолжает игру вне очереди. Побеждает тот, кто первым поражает «яблочко».

«Все пятерки». Сериями по три дротика игроки стремятся набрать максимальное число, кратное 5. Броски, не принесшие число, кратное 5, не засчитываются. 5—1 очко, 10—2 очка, 50—10 очков и так далее. Победителем считается тот, кто первым наберет 51 очко. В игре действуют правила перебора.

«Двадцать семь». Каждый игрок получает по 27 очков. Первыми тремя дротиками поражают удвоенное сектора 1 и получают при каждом попадании 2 очка (1×20). Если из трех дротиков ни один не попал в сектор, то из 27 очков вычитают 2. Следующими тремя дротиками необходимо поразить удвоенное сектора 2. Попадание принесет 4 очка (2×2). Промах же, наоборот, приведет к вычитанию 4 очков. Игру ведут с 1 по 20 сектор. Побеждает тот, кто после броска в удвоенное сектора 20 наберет наибольшее количество очков. Игрок же, у которого счет в ходе игры станет меньше единицы, выбывает из соревнований.

«Тысяча». Засчитывается лишь попадание в «яблочко» и в малое (зеленое) кольцо. Каждый игрок набирает очки сериями по три дротика, учитывая только 50 и 25. Побеждает тот, кто первым наберет 1000 очков. Действуют правила перебора.

«Быстрый раунд». Используют правила игры в «Раунд» с добавлением: попадание в кольцо удвоенная или утроенная заданного сектора перемещает счет на две или три

позиции вперед. Так, игрок, попав в утроение 10, получает право поражать сектор 13.

«Раунд по двойным». Используют правила «Раунд», но в каждом секторе засчитывается только его удвоение. Аналогично можно играть по утроению. Игра развивает технику метания, ее часто используют при ежедневных тренировках.

«Диаметр». Игроки произвольно выбирают два диаметрально противоположных сектора и стараются поразить их удвоение и утроение по воображаемой прямой, например, удвоение сектора 11 — утроение сектора 11 — малое (зеленое) кольцо — утроение сектора 6 и удвоение сектора 6. Побеждает тот, кто первым пройдет воображаемую линию по заданным точкам.

Все эти игры не так просты, как может показаться на первый взгляд. Но совершенно точно, что они интересны, увлекательны, не дадут скучать, даже если соревнуетесь только вы и ваш приятель, а не большее количество народа (что еще веселее). Не зря англичане говорят, что дартс — «игра друзей, игра среди друзей, игра, помогающая обрести друзей». □

СОКРОВИЩА

ПОД НОГАМИ

**Кто ищет клады –
находит их очень
редко, кто не ищет –
не находит никогда**

Российская земля богата не только полезными ископаемыми, она скрывает в себе интереснейшие артефакты различных исторических эпох. Где и как их искать и при этом не войти в конфликт с законодательством? Об этом нам расскажет профессиональный кладоискатель и меценат Порываев Владимир Вячеславович.

— Владимир Вячеславович, когда вы поняли, что искать клады — ваша судьба?

— Кладоискательством я увлекся с самого детства, лет с шести. Моя родина — село Семёновское Ступинского района Московской области. Это подлинно историческое место, в первую очередь потому, что там практически в нетронутом виде сохранилась усадьба графа Орлова. Сохранились росписи Карла Брюллова, ограда — Боссе, мавзолей — Жиллярди. Дом, в котором я жил,

входил в усадебный комплекс. Рядом когда-то была дорога, сейчас там — ручей. После дождя пройдёшься по ручью — считай, горсть старинных монет нашёл.

Поначалу занимался кладоискательством на любительском уровне, а когда появилась возможность купить металлоискатель, занялся профессионально. Потом открыл фирму: «Кладоискательская контора Владимира Порываева». Продаём металлоискатели и предоставляем услуги по поиску кладов и просто пропаж с использованием нашей техники. Все схожие по профилю магазины продают несколько моделей металлоискателей, в лучшем случае, двух-трех фирм. У меня одних производителей представлено больше десятка. С недавнего времени для людей, не готовых сразу приобрести прибор, ввели услугу проката металлоискателей.

— **Что обычно просят помочь отыскать?**

— Колечки, цепочки, ключи. Сохранились семейные предания, ле-

генды, вот и стараются найти, что бабушка в огороде во время революции зарыла. Дама серёжку потеряла, да такую, что с ней ее даже за рубеж не выпускали — просила найти. Ещё звонок: закопали в огороде трёхлитровую банку с пятью тысячами долларов. Говорят, земля засосала, не можем отыскать.

— **У начинающих есть шансы?**

— Вы не представляете, сколько металла в нашей земле. Даже если перед вами просто деревня, или просто поле — монеты там в огромном количестве, детали конской упряжи, одежды, нательные кресты. Существовало поверье, чтобы выдался хороший урожай, нужно перед севом разбросать по полю монетки. Вот крестьяне и бросали. Если посмотреть на старые карты, получается, что населённых пунктов было значительно больше, чем сейчас. Очень много деревень пропало. Если говорить о московском регионе, то до Смутного времени на территории современной Московской области насчитывалось 2000

населённых пунктов, после — всего 200. Ещё раньше, во времена татарских набегов, крестьяне не стремились создавать большие поселения. Селились по несколько семей. Пришёл татарин, все сжег, а люди в лесу спрятались. Понятно, ценности брать с собой не решались, зарывали в землю. А после пожара, бывает, и не находили.

— Как же найти подходящее место для поиска?

— Очень помогают старые карты. Можно и без них попытаться сориентироваться на местности, но когда есть карта — проще. На карте деревня есть, на местности — нет. Начинаешь ходить, копать. Без клад не уйдёшь. Пусть это будет и не сундук с золотом, а какая-нибудь кубышка, нычка, кресты нательные, древнеславянские украшения, наконечники стрел.

— А где достать эти карты?

— Были издания в своё время. Например, первые карты генерального межевания профессора Кусова 1766 года, карты Шуберта, Менде. Некоторые карты продаются и у меня в магазине, как в бумажном, так и в электронном виде, в том числе и карты боевых действий. Есть

и разнообразные каталоги. Скажем, нашёл человек монетку, и сразу посмотрел, что нашёл. Лишний раз к оценщикам обращаться не надо.

— Кладоискатели ищут всё подряд или существует специализация?

— Вообще, кладоискательство условно можно поделить на три части. Историческое кладоискательство — когда ищут дореволюционные вещи. Черная археология — когда специализируются на военной тематике. Современные старатели — люди работают на пляжах, в канализации, на чердаках. Грань довольно условна. Если я, например, специализируюсь на славянах средних веков, ничто не заставит меня отказаться от хорошего перспективного чердака.

— Как регламентируется кладоискательство? Нужно получить какие-нибудь разрешительные документы, или этим может заниматься каждый?

— Любой может искать клады, главное при этом — не нарушать закон. Не вскрывать захоронения, не вторгаться на частную собственность и не трогать то, что находится в перечне памятников культуры

и археологии. Червей ведь люди на рыбалку копают? Так в чём принципиальное различие?

— **Наверняка, было много курьёзных случаев?**

— Один раз я чуть не взорвался, там, где не было войны. В Домодедовском районе раскапывал поселение XV—XVI веков, и среди монет, крестов и пуговиц нашел пару больших пуль. Что они там делают? Взял домой. Наутро стал находки отмывать. Одну пулю решил обстучать от ржавчины, а она пополам разломилась. А в гильзе серая, маслянистая масса. И она у меня в руках начинает потихоньку самовоспламеняться. Медленно так. Слава Богу, хватило ума в ванну с водой опустить. Но потом эти боеприпасы вместе с ванной и выкинул. Это был снаряд от авиационной пушки периода Великой Отечественной. Я потом часто их находил.

В другой раз искал поселение. И ведь, точно знал, где оно, а найти не могу. Возвращаюсь с поля, иду через деревню. Один местный меня

увидел с лопатами и металлоискателем, спрашивает, откуда же я такой красивый. А я пошутить решил, с Брудово, говорю. Заметьте, поселение пропало 300 лет назад. «А это из той, что за оврагом, что ли?» Я насторожился. Три раза приезжал, ничего не нашёл, а он знает, куда мне идти и где искать. Ему, оказывается, про то местечко ещё прадед рассказывал.

— **А что с находками делаете?**

— Часть отправляется в коллекцию. У меня интересная, большая коллекция. Что-то дарю, что-то реализую, в магазине специальный отдел монетами торгует. У меня небольшой краеведческий музей на родине. Что-то туда идет. Кое-что размещено в магазине в качестве украшений.

Разговор продолжается в самом магазине. Это четвёртый этаж торгового комплекса Спорт-Хит. Стены в буквальном смысле завешаны металлоискателями, на витринах со специальной литературой соседс-

твуют монеты, наконечники стрел, древнеславянские украшения, бытовые предметы, оружие... Есть даже чугунные ядра. По выходным магазин превращается в настоящий клуб. Люди собираются, показывают находки, обсуждают планы на дальнейшие экспедиции.

— Специфические сложности в работе есть?

— Главная сложность — это бытовой мусор. Очень тяжело найти местность, лишённую продуктов современной человеческой жизнедеятельности. Но если везет, и такое место находишь, каждый писк прибора — гарантированная находка.

— Наверняка, были особо значимые находки?

— Конечно, были, вот, например, перстень-печатка, датируемая, приблизительно, XVI веком. Много раз находил монеты времен Василия Темного, Ивана III. В дохристианском вятичском кургане нашли не-

сколько вещей, о предназначении которых до сих пор ничего вразумительного сказать не можем.

В другой раз поехали отдыхать на природу, на границу Московской и Владимирской областей. Взяли с собой новый прибор, хотели на местности проверить, как модель работает. Посмотрели карту — в полутора километрах вроде бы село находилось. Пошли, протестировали. И нашли... 497 екатеринских пяточков, 25 килограммов меди.

— Я знаю, вы занимаетесь меценатством. Расскажите об этой стороне вашей деятельности.

— Известно, что Казимир Малевич в 1935 году был похоронен в окрестностях деревни Немчиновка, но точное место захоронения неизвестно. И вот в октябре-ноябре прошлого года мы, по просьбе руководителя союза «Немчиновка — Малевич» Александра Матвеева, пытались обнаружить могилу ху-

дожника. Обнаружить точное место до морозов не успели, но по различным косвенным признакам можно судить, что подошли близко. Работали бесплатно.

Нередко к нам обращаются священнослужители с просьбой отыскать церковные колокола. Ни для кого не секрет, что большевики, пришедшие к власти после революции, разоряли и оскверняли храмы и монастыри, в том числе и сбрасывали колокола. Сохранилось много преданий, согласно которым колокола, иконы и церковная утварь прятались, зарывались в землю. Поиском такого рода кладов мы тоже занимаемся безвозмездно.

Надеюсь, с Владимиром Вячеславовичем мы еще не прощаемся. Если повезет, и он согласится, мы

вместе отправимся на выезд в поля, на охоту за кладами...

Так что, продолжение следует. А пока, как говорится, ищите клады! Не надейтесь сразу найти сундук, набитый золотом. Скорее всего, вы его не найдёте и за всю жизнь. Да и зачем он вам? Наша земля скрывает в себе столько прекрасных и замечательных находок, изучая которые, окунаешься в волшебный и таинственный мир древности. Кто знает, может быть, именно вы скажете новое слово в истории древних славян или о периоде феодальной раздробленности Киевской Руси? Кто знает? Ищущий да обрящет. Удачи. □

Беседовал **Максим Башкеев.**
Фото **Владимира Чейшвили**

КАК Я РАБОТАЛА В КОФЕЙНЕ

Евгения Гордиенко

Должность, на которую я претендовала, называлась «продавец-консультант». В мои обязанности входило приготовление кофе, продажа его в зернах и молотого. В кофейне, куда я устроилась, продавалось более 40 сортов кофе. Также нужно было выучить кофейные напитки, которые подают в нашей кофейне. Уметь объяснить, чем, например,

отличается «топлёный кортадо» от «классического», а кофе-мокко от кофе-латте. Выучить (о ужас!) те самые 40 сортов кофе и чем они отличаются друг от друга. Не путайте сорта с кофейными напитками! Напиток — это капучино или эспрессо, то есть тип приготовления.

Поэтому нужно попробовать каждый сорт хотя бы по одному

разу, чтобы иметь не только теоретическое представление. Не скажу, что это такое уж приятное занятие — не просто пить кофе, а «пережевывать» его, пытаюсь понять, чем он отличается от предыдущего сорта.

Обо всех напитках, конечно, не расскажу, но постараюсь о самых популярных или о тех, которые мне чем-то запомнились.

Эспрессо. Его очень мало. 40 миллилитров. На один глоток. Но крепость! Очень плотный, с правильной пенкой кремового цвета. Выпьете с утра, и полдня будете бодро бегать. Готовится он в специальной эспрессо-машине. Но все равно чаще берут двойной эспрессо, его аж 80 миллилитров, то есть два глотка, чтобы бегать весь день.

Капуччино. Как известно, это кофе со вспененным молоком. И всех новичков, естественно, учат его взбивать. Думаете, это просто? Ага, я тоже так думала. Пока не оказалась вся в молоке, потому что вытащила носик взбивателя на секунду раньше, чем положено. Оказывается, нужно очень точно уловить момент, когда молоко становится пеной, чтобы не «перебить» его, но не должно быть и мало пены, иначе получится просто кофе с молоком, а не «пушистый» капуччино. Его, по желанию, посыпают корицей или какао.

Латте. Кофе подается в красивом кофейном бокале. В классическом Латте четко видны три слоя. Молоко, кофе и кофейная пена. С физикой у меня в школе было отвратительно, поэтому точно не знаю, за счет чего слои держатся и не смешиваются. Подозреваю, что из-за разной плотности. Бывает еще Латте с сиропом. Тогда на дне бокала есть и четвертый слой — тот самый сироп. Он может быть ванильный, шоколадный, мятный, кокосовый,

в общем, такой, какой ваша душа пожелает в рамках означенного ассортимента.

Кофе по-венски. Это для нас, сладкоежек. Кофе с большим количеством взбитых сливок. Сливки уже взбиты и находятся в специальном баллончике, так что перспектива оказаться вымазанной в них мне не грозила. Я даже немного об этом пожалела — сливки я люблю.

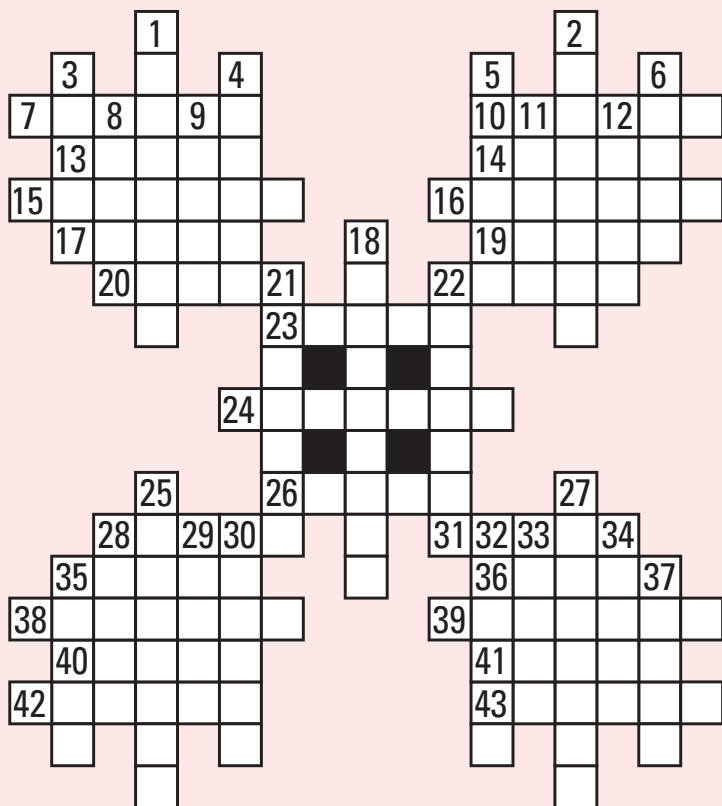
Кофе-глясе. Просто шарик мороженого заливают кофе. Иногда добавляют карамель, чтобы получилось уж совсем сладко. На мой взгляд, это уже перебор.

Кофе-мокко. Мой любимый. В тот же красивый бокал, в котором подают Латте, наливают горячий шоколад, кофе и немного молока. Очень согревает.

Кофе по-ирландски. Виски, виски и еще раз виски. Можно добавить кофе и молока, но в принципе не обязательно. Хотя тогда это уже будет не кофе по-ирландски, а виски по-ирландски. Что тоже неплохо, согласитесь.

Работа в кофейне — интересная штука, честно вам скажу. Всего за неделю я научилась готовить все, что тут перечислено и много чего еще. Научилась болтать с совершенно незнакомыми людьми. Перезнакомилась с постоянными клиентами. Попробовала с десятком сортов кофе. И даже ничего не уронила и не разбила!

Я бы там осталась. Если бы не боязнь, что разлюблю ходить в кофейни как гость, и необходимость продолжать учебу в институте. И вы бы подходили к стойке, заказывали капуччино с корицей и яблочный пирог, я бы взбивала молоко... А потом протягивала вам чашку и говорила: «Ваш капуччино! Приятного аппетита! Сегодня холодно, заглядывайте и вечером!» □

По горизонтали. **7.** Глава жрецов при храме в Древней Греции. **10.** Азиатский винторогий козел из Красной книги. **13.** «Фотонный луч смерти», открытый в США Г. Голдом. **14.** Область обитания тех или иных животных и растений. **15.** Тара, дающая настроение собирающемуся в путь. **16.** Скрипач, с 1935 года постоянно выступавший в сонатном дуэте с Л. Обориным и в трио с Л. Обориным и С. Кнушевицким. **17.** «Грянем, братцы, удалую за ...ее души!» (конец песни о Разине, утопившем княжну). **19.** Голливудец,

единственный актер, которому контракт запрещал улыбаться как в кино, так и в обществе. **20.** Топор, анаграмма слова «сетка». **22.** Писатель французской неистовой школы, чьи приемы использовал Н. Гоголь. **23.** Место, где река, обретая свободу, исчезает. **24.** Ледовое... на Чудском озере освободило Русь от угрозы немецких псов-рыцарей. **26.** Квартирный вопрос. **28.** Человек, не понимающий ни глупых, ни иных шуток. **31.** Личное положение на фото в паспорте. **35.** Город, «патриархальную тишину» кото-

рого Остап Бендер «нарушил автомобильной сиреной». **36.** Самый обожествленный человек. **38.** Мерзавец, негодяй. **39.** Лекарство, помогающее до первого инфаркта. **40.** Самый крупный азиатский козел. **41.** Медицинское название брюшной или окологердечной полости. **42.** Последний римский император, поддерживавший арианство. **43.** Высокочувствительный передающий электронно-лучевой прибор.

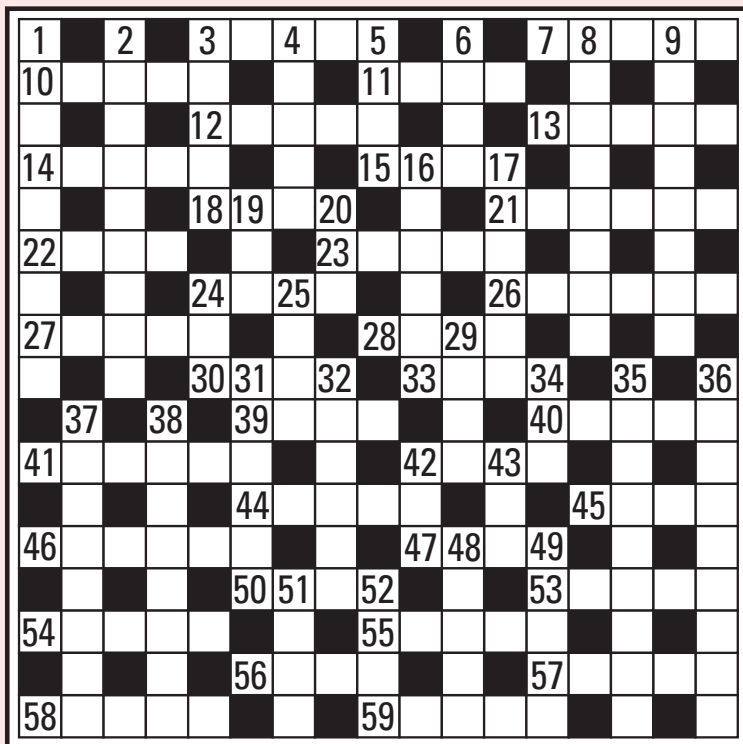
По вертикали. **1.** Талант, порой позволяющий обходиться без измерительных инструментов. **2.** Электровакуумный прибор для стабилизации тока. **3.** Жилплощадь для покинувших мир членов семьи. **4.** Угрюмая свита бизнесмена, особенно мощенника. **5.** «Самый прекрасный остров, который когда-либо видели человеческие глаза», по словам открывшего его Колумба. **6.** Закуток, куда Мальвина заставила Артемона в наказание посадить Буратино. **8.** Усталость, утомление от непрерывной работы, хлопот (современный жаргон). **9.** Овощ не для язвенников. **11.** Мышьяковый газ с

чесночным запахом, всегда готовый отправить на тот свет. **12.** Перевозчик умерших через реки подземного царства до врат Аида (греческая мифология). **18.** «Просвещенная дерзость» (Аристотель). **21.** Морская рыба, так плохо плавающая, что ее можно поймать руками. **22.** Вертел для поджаривания мужских сердец. **25.** Устройство в виде трубы, позволявшее дизелям работать, когда подводная лодка шла на малой глубине. **27.** Прекрасная героиня русских сказок. **28.** Моральная вершина. **29.** Известный английский актер и режиссер XX века. **30.** Римская богиня юности. **32.** Никотиновая кислота. **33.** Собеседник (в одноименном диалоге Платона) Сократа, проповедующий удовольствие как основной принцип человеческой жизни. **34.** Небольшая чашка с ручкой для кушаний, подливок, соусов. **35.** ... — Прадеш — штат на севере Индии. **37.** Русский художник XX века, творчески «живший» в XVIII веке, в придуманном им мире рококо.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 4

По горизонтали. **1.** Лифт. **3.** Втык. **6.** Эму. **9.** Одр. **11.** Портос. **12.** Цемент. **13.** Ярка. **16.** Эмма. **19.** Суверенитет. **21.** Вершок. **22.** Ростов. **23.** Берлиоз. **25.** Штурман. **26.** Смыслов. **27.** Шаг. **29.** Сметка. **30.** Азимов. **32.** Рюд. **35.** Фронтон. **37.** Выводок. **39.** Нобелий. **41.** Зяблик. **43.** Мимоза. **44.** Кипарисовик. **45.** Литр. **48.** Польша. **50.** Еретик. **51.** Чуваши. **52.** Ной. **53.** Щек. **54.** Драп. **55.** Елка.

По вертикали. **1.** Лупа. **2.** Фартук. **4.** Тренер. **5.** ...Котэ. **6.** Эйр. **7.** Гобелен. **8.** Меринос. **10.** Ром. **13.** Язва. **14.** Корято. **15.** Сеялка. **17.** Матрос. **18.** Айва. **19.** Современник. **20.** Толстолобик. **23.** Бастион. **24.** Змеиный. **27.** Шар. **28.** Гад. **31.** Хребет. **33.** Ювелир. **34.** Долото. **36.** Новалис. **37.** Винокур. **38.** Узел. **40.** Мать. **42.** Кибела. **43.** Михаил. **46.** Ион. **47.** Рейд. **48.** Пицца. **49.** Лук.

По горизонтали. 3. Традиция в действии. **7.** Дерево на пути вопрошавшего: «Где моя любимая». **10.** Самая гренландская из базарных птиц. **11.** Занятие тем серьезнее, чем возраст нежнее. **12.** Чацкий: «Вон из Москвы! Сюда я больше не ...». **13.** Самый большой колокол на колокольне. **14.** Отдельная кухонька (порой в землянке) у донских казаков. **15.** Многие мошенники давно потеряли... деньгам. **18.** Каждая строфа «Оды к Наполеону Бонапарту» Байрона. **21.** По песне, «в свежий ветер верят паруса». А что «верит в чудеса»? **22.** Покойник, а также царство мертвых в русских суевериях. **23.** Боннар, Дени, Ибель, Руссель, Серюлье (еще один художник

группы «Наби»). **24.** Отелло. **26.** Каждый из двух предметов, в Бородинском сражении полкомандный генералом В. Костенецким о головы французов. **27.** Объект справа на картине А. Бёклина «Остров мертвых». **28.** Кость да ..., а все сила (поговорка). **30.** Белая собака, которую в смертный год Г. Державин часто держал на руках. **33.** Место, где, по Библии, Иисус Христос превратил воду в вино. **39.** Поэтический синоним седины. **40.** «Скорбный поэт» журнала «Искра». **41.** Страна, где раз в году на праздник Барентаинди женщина может признаться в любви мужчине. **42.** Пустыня с самой большой в мире разницей между зимней и летней температурой. **44.** «Окаменелый

волк» у карелов. **45.** И майский жук, и прозвище кремлевского кукурузника. **46.** Режиссер, автор книги «На сцене — Маяковский». **47.** Дорожная «запинка». **50.** Западный ветер на юге Франции, приносящий грозы и осадки. **53.** Французский писатель и философ, встав не с той ноги, философу Д. Штраусу, что общий враг немцев и французов — славяне, особенно русские. **54.** Герой ассириовавилонской мифологии, поднимавшийся на орле в небо за «камнем родов». **55.** Граница оседлости евреев в старой России. **56.** Норвежский художник, фактически «построивший» немецкий «Мост». **57.** Древнеславянское племя, жившее в Причерноморье. **58.** Герой греческой мифологии, на чьей могиле соловьи пели особенно красиво. **59.** Имя 22 пап.

По вертикали. **1.** Троюродный дядя матери П. Вяземского, испанский граф О'Рейлли, упомянутый в «Дон Жуане» Байрона (имя). **2.** Ягода в любимом варенье И. Тургенева. **3.** Обилие, тьма (например, слез, ужаса). **4.** Химический элемент, какой открывали много раз. **5.** Немецкий художник, чья мазня, по критике Ю. Мейеру-Грефе, «отвратительна» и «вызывает тошноту». **6.** Герой запрещенного и сожженного во Франции романа А. Прево. **8.** Производное от пустой героини в басне И. Крылова «Две Бочки». **9.** Беня Крик по способу грабежа. **16.** Золотой

Иван Иванович на Руси. **17.** Предмет, привязанный к копыю во времена Абдуррахмана в Испании, ставший зеленым знаменем мусульман. **19.** «Придатенная» особа, у чьих кавалеров нет жала. **20.** Плотная полукустарная ткань у узбеков. **24.** Золотистая фасоль, выращиваемая с незапамятных времен. **25.** Крестовый ... — старинное название крестоносца на Руси. **29.** Любезный, милый муж в русских песнях. **31.** «Лекарство» для П. Вяземского в Париже в 1839 году. **32.** Австриец, написавший оперетту «Продавец птиц». **34.** Дракон в иранских мифах, в образе тучи закрывающий солнце. **35.** Турин — ... — Рим (последовательность столиц объединенной Италии). **36.** Представитель сословия, больше 260 раз встречающийся в произведениях А. Чехова. **37.** Раб в римской бане, удалявший клиентам волоски с тела. **38.** Цифровая оценка физической величины. **42.** Антилопа, предположительно описанная как катоблепас в «Естественной истории» Плиния Старшего. **43.** Французская «рука» на стене. **48.** Плащ дервиша. **49.** Английский писатель и врач, считавший, что «смерть несет нам выздоровление от всех болезней». **51.** Кошмы, покрытие верха казахской юрты. **52.** Прибор, пользование которым офицерами и чиновниками в России оформляли специальным приказом.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 4

По горизонтали. **1.** Гиппиус. **7.** Изба. **10.** Кризис. **11.** Оскопление. **12.** Лиса. **13.** Орда. **14.** Лирник. **16.** Ферма. **17.** Мирт. **20.** Нубия. **22.** Сбор. **24.** Пантеизм. **26.** Тот. **27.** Чехия. **29.** Суп. **30.** Синоп. **31.** Никий. **33.** Ярб. **35.** Лекаж. **36.** Даф. **38.** Шелковод. **39.** Мини. **40.** Детуш. **42.** Аюка. **45.** Угрев. **46.** Смоква. **47.** Гида. **49.** Вьюн. **50.** Жизнелюбие. **51.** Анчоус. **52.** Цвет. **53.** Правило.

По вертикали. **2.** Искариот. **3.** Поплин. **4.** Урей. **5.** Эре. **6.** Ездра. **7.** Ислам. **8.** Бисер. **9.** Роялист. **10.** Кисей. **13.** Омшаник. **15.** Кузен. **16.** Филип. **18.** Ирис. **19.** Темп. **21.** Стриж. **23.** Бояре. **25.** Зубан. **27.** Чижов. **28.** Хоронга. **31.** Негев. **32.** Казус. **33.** Яшма. **34.** Блок. **36.** «Дискобол». **37.** Филарет. **40.** ...Денис... **41.** Шмелев. **43.** Юрьев. **44.** Агнат. **45.** Удача. **48.** Онёр. **50.** Жук.

Мемуары гейши

(«Memoirs of a Geisha»)

Режиссер: Робин Маршалл

Жанр: Мелодрама

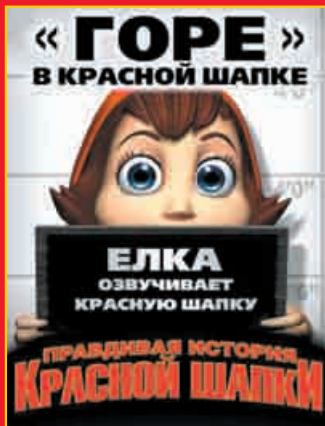
Длительность: 145 мин

Год выхода: 2005

Страна: США

В главных ролях: Сузука Охго, Того Игава, Мако, Саманта Футерман.

В 2001 году Артур Голден написал одноименную книгу, полюбившуюся очень многим. Огромная популярность послужила толчком для создания фильма. Перед просмотром идеально было бы прочитать оригинал и только потом делать какие-то выводы. Естественно, многие моменты упущены, но все же картина получилась красивой, романтической и грустной. Еще ребенком Сайюри приводят в дом гейш, где ее обучают всем премудростям. С возрастом она достигла совершенства, и почти никто не мог перед ней устоять, кроме человека, которого она полюбила. Довериться некому — есть только дневник, в котором она раскрывает весь свой внутренний мир, мысли, чувства и мечты. Грустная музыка, китайки в роли японок и загадочная восточная культура — красота!

Правдивая история

Красной Шапки («Hoodwinked»)

Режиссеры: Кори Эдвардс, Тодд Эдвардс, Тони Лич

Жанр: Компьютерный Мультфильм

Длительность: 80 мин

Год выхода: 2005

Страна: США

В главных ролях: Гленн Клоуз, Энн Хэтэуэй, Джеймс Белуши.

Современная мультипликация достигла такого уровня, что на создание уходит не так много времени. Перед нами новая интерпретация всем известной сказки. Кто-то скажет — «Блин, опять опошлили». Ничего подобного — просто создали веселый мультфильм с множеством пародий на другие картины. Разработчики решили взглянуть на Красную Шапочку немного с другой стороны. Кто она такая на самом деле, что заставило бабушку поселиться на отшибе, да и кто додумался отправить маленькую девочку в такую даль — не волнуйтесь, вы непременно узнаете, ведь за расследование принялся инспектор Лягушка. Интересные ситуации, неплохие идеи и хороший юмор — что еще нужно для того, чтобы ваш ребенок и вы вместе с ним посмеялись.

Анжелика

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

